

до конца и изложено спокойно и почти всегда дѣловито, и притомъ литературнымъ языкомъ.

Но широкій размахъ работы г. Паргачевского имѣетъ и обратную сторону. Взявъ для рѣшенія четыре крупныхъ вопроса—о трудѣ и собственности, о рабствѣ, о бракѣ и семьѣ, о государствѣ и власти,—авторъ, понятно, не могъ выяснитъ ихъ съ одинаковою полнотою и обстоятельностью. Рецензентъ въ свое время предупреждалъ автора сократить размѣры темы, но авторъ увлекся всѣми указанными вопросами. Вслѣдствіе этого и получились большіе пробѣлы въ сочиненіи. Лучше всего изложены первыя двѣ главы, трактующія объ ученіи Ап. Павла о трудѣ и собственности и о рабствѣ, хуже—последнія двѣ. Въ изложеніи ученія Ап. Павла о бракѣ не указано, что Апостольскій рѣшаетъ брачный вопросъ въ смыслѣ единобрачія и безусловной нерасторжимости брака, и не затронутъ совершенно вопросъ о разводѣ. Изложеніе ученія Ап. Павла о государствѣ сдѣлало на основаніи анализа 13-ой главы посланія къ Римлянамъ, но толкованіе этой главы дано слишкомъ конспективное. Рѣшеніе коллизій нравственныхъ требованій въ концѣ четвертой главы сдѣлано не совсѣмъ удачно, и лучше было бы этого совсѣмъ не дѣлать. Апостольскаго тутъ не дано ничего—приведенъ лишь взглядъ автора, взятый изъ учебниковъ по Нравственному Богословію. И вообще у автора наблюдается иногда склонность сбиваться съ чисто экзегетической задачи въ область беспочвенныхъ обобщеній.

Несмотря на указанные недостатки, вполне понятные въ годичной студенческой работѣ,—а потому и извинимые,—сочиненіе г. Паргачевского должно быть признано добросовѣстнымъ, а авторъ его—вполнѣ заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

б) И. д. доцента священника П. А. Флоренскаго:

„Сочиненіе г. Паргачевского обнаруживаетъ немало затраченнаго на него труда. Авторъ внимательно разсмотрѣлъ посланія св. Апостола, пользуясь критическими изданіями текста, и привлекъ къ дѣлу, въ качествѣ пособия, значительную литературу на разныхъ языкахъ и разныхъ направленій. При этомъ, онъ не ограничился трудами экзегетическими, но старался еще использовать работы этическихъ, со-

ціологіческія и економіческія. Изложеніе сжато и не стра-
даєть водянистостью. Матерію его образують, почти исклю-
чительно слова Апостола, связанннх между собою, однако, такъ,
что имѣють видъ не прерывающихъ теченіе рѣчи цитатъ, а
лишь гребней волнъ въ непрерывно текущей рѣчи. Этотъ
основной матеріаль систематизированъ удачно, такъ что рас-
полагается въ соответственныхъ рубрикахъ безъ натяжекъ,
а отдѣльныя рубрики естественно вытекають одна изъ дру-
гой. Заголовокъ темы могъ бы заставить предполагать, что
изложеніе ея будетъ фрагментарнымъ. Но это ожиданіе счаст-
ливо нарушается: работа г. Паргачевскаго достаточно цѣльна,
не только формально, но и по содержанію, ибо въ ней есть
нѣкоторый основной музыкальный запѣвъ,—это, именно, мо-
тивъ *труда*, какъ существеннѣйшей силы общественнаго
устройства. Чтобы покончить, наконецъ, съ достоинствами
разбираемаго сочиненія, отмѣтимъ, что Авторъ останавли-
вается иногда на отдѣльныхъ выраженіяхъ и терминахъ
истолковывая и разбирая ихъ. Однимъ словомъ, мы имѣемъ
предъ собою работу добросовѣстную, которая по заслугамъ
можетъ быть признана сочиненіемъ на степень канди-
дата.

Однако, Авторъ не избѣгъ нѣкоторыхъ недостатковъ, ко-
торые должны здѣсь быть упомянуты. Какъ провозвѣстникъ
духовной жизни, дарованной Господомъ Іисусомъ Христомъ,
св. Апостоль, конечно, не могъ отдавать своего вниманія
чему бы-то ни было, *не* стоящему въ прямой связи съ пред-
метомъ его проповѣди. „*Вмѣняю вся уметы быти*“ (Фил 3s),
свидѣтельствуєть самъ онъ,—*вся*, т. е. то, что основывается
не на проповѣдуемомъ имъ Христвъ. Понятно, что „*вопросы со-
ціального характера*“, каковыя предлагаются для изученія
темою,—это не внѣ-церковныя *соціальные вопросы*, рассматри-
ваемые науками объ обществѣ, а лишь сторона общаго рели-
гіознаго ученія св. Апостола, обращенная къ обществу.
Искать у апостола Павла рѣшенія соціальныхъ вопросовъ
— столь же тщетно, какъ въ Евангеліи отъ Матѣея—рѣшенія во-
просовъ химическихъ или въ Апокалипсисѣ—принциповъ ана-
литической механики. Между тѣмъ, обиліе *терминовъ, общихъ*,
какъ Посланіямъ, такъ и наукамъ соціальнымъ, но употребляе-
мыхъ въ Посланіяхъ ради цѣлей и въ смыслахъ духовныхъ,
можетъ подать поводъ къ поискамъ у Апостола какихъ-то

начатковъ наукъ соціальныхъ. Этому искушенію въ значительной мѣрѣ поддакъ г. Паргачевскій. А отсюда стало неизбежнымъ для него брать текстъ Посланій со стороны возможно внѣшней, не взрывая болѣе глубокихъ пластовъ, ибо углубленіе сейчасъ же показало бы ему, что у Апостола есть лишь „вопросы соціального характера“, но отнюдь—не соціальные. Получается же отсюда вотъ что: Авторъ пишетъ такъ, какъ если бы у него была методологическая презумпція о безсодержательности Павловыхъ словъ. Онъ систематически не даетъ себѣ возможности вживаться въ эти слова, какъ если бы заранѣе ему было извѣстно, что за поверхностью ихъ ничего въ нихъ не содержится. Изъ разныхъ ступеней углубленія чаще всего берется имъ *первая*, возможно обще-извѣстная, возможно менѣе научающая чему-нибудь. Возникаетъ впечатлѣніе, будто Авторъ не учиться хотеть у св. Апостола, а... учить его прописямъ. Чтѣ же получается?—Рядъ высказываній, для которыхъ часто не требуется не только Духа Святого, но даже и искры геніальности,—такихъ, которыя не затруднился бы отъ себя сочинить и не весьма умный смертный. Въ этой обработкѣ, слова Апостола не искрятся духовными свѣтами и не звучатъ музыкою небесныхъ сферъ, а скорѣе стучатъ, какъ костяшки лавочниковыхъ счетовъ. А вмѣсто огненной діалектики Апостола получается порою дешевый стоицизмъ и скучноватый и прозаическій раввинизмъ. Вотъ къ чему привело нашего изслѣдователя желаніе найти у Апостола то, на вопросъ о чемъ онъ, вѣроятно, отвѣтилъ бы: „*Аже ми бяху приобрътенія, сія вмѣнихъ Христа ради тщету. Но убо вмѣняю вся тщету быти за превосходящее разумѣніе Христа Іисуса Господа моего*“ (Фил 3s). Правда, въ предисловіи Авторъ оговаривается въ томъ смыслѣ, что у Апостола нѣтъ соціального вопроса, въ нашемъ пониманіи; но затѣмъ, онъ, кажется, забываетъ свою совершенно правильную оговорку и пытается построить систему чего-то въ родѣ ученія объ обществѣ у ап. Павла.

Обращаютъ вниманіе на себя и нѣкоторые частныя промахи г. Паргачевского. Такъ, на стр. 16, онъ заявляетъ: „Ученіе апостола рѣшительно доказываетъ ложь ходячаго въ наше время воззрѣнія, будто совершенство цѣлаго можетъ быть достигнуто при несовершенныхъ частяхъ“... Типрада эта направлена, собственно, противъ социализма; но

Авторъ не замѣчаетъ, что ею онъ отрицаетъ и существованіе *Святой Церкви*, ибо и въ ея составѣ пребываютъ члены не святые.

На стр. 18—19 обнаруживается психологизмъ въ пониманіи любви. Любовь оказывается не онтологическимъ актомъ, выходящимъ, не существенною силою, а лишь психическимъ состояніемъ, эмоціей уединеннаго сознанія.

На стр. 20 опять дѣлается психологическая транскрипція, — теперь ужь духовныхъ даровъ.

На стр. 27 гностически истолковывается освобожденіе отъ грѣха, „какъ освобожденіе отъ порабощенія матеріи или природной необходимости“.

На стр. 21—22, признавая „отмѣну рабства, уничтоженіе пауперизма, улучшеніе формъ государственной власти „за, повидимому, необходимые постулаты съ точки зрѣнія апостольскаго ученія о любви“, г. Паргачевскій съ недоумѣніемъ свидѣтельствуетъ, что „Апостоль нигдѣ не говоритъ о нихъ“, т. е. наконецъ-то изслѣдователь обнаруживаетъ свою основную ошибку; но, вмѣсто того, чтобы существенно измѣнить *свое*, — невѣрное, — пониманіе христіанской любви, онъ высказывается въ томъ смыслѣ, что Апостоль не вывелъ всѣхъ этихъ практическихъ слѣдствій изъ ученія о любви, ибо „предоставилъ имъ расти и развиваться собственной внутренней силой“. Другими словами, выходитъ, что главнаго - то Апостоль и не сказалъ, а то, что сказалъ, — это было лишь прелюдіей къ главному!

На стр. 26—27 (и въ иныхъ мѣстахъ—подобное), разъясняя II Тим 2, г. Паргачевскій въ ссылкѣ Апостола на земледѣльца почему-то видитъ политико-экономическую теорію, раздѣляемую Апостоломъ. Неужели тутъ есть что нибудь бѣльшее чѣмъ *argumentum ad hominem*.

На стр. 35 многими ссылками дѣлается попытка доказать, будто приобрѣтеніе собственности является „нравственной задачей“.

На стр. 44 дается сомнительное объясненіе глагола „*θέλει*“ въ смыслѣ *рѣшенія воли* (а не въ смыслѣ желанія, влеченія), ср. стр. 67—68.

На стр. 116—117 почему-то утверждается, безъ всякаго доказательства, что „Апостоль вовсе не проповѣдуетъ социальнаго индифферентизма; онъ не отрицаетъ законности стремленія къ улучшенію своего внѣшняго положенія: только,

это улучшение не должно быть насильственнымъ и рѣшаться каждымъ за себя“.

На стр. 118 сообщается, что по, возрѣнію древнихъ, у раба, якобы, нѣтъ души, и доказывается это тѣмъ, что у Аристотеля рабъ названъ „*σῶμα*“!

Подобныхъ промаховъ можно было бы указать и еще не мало. Надо отмѣтить и то, что языкъ разбираемаго сочиненія довольно часто нечистъ. Жаль также, что терминологія Апостола не разъяснена достаточно. Болѣе углубленное занятіе вопросами языка дало бы Автору возможность сосредоточеннѣе отнестись къ *святымъ* словамъ Апостола.

Но и того, что сдѣлано г. Паргачевскимъ, для полученія степени кандидата достаточно“.

— 31) О сочиненіи студента *Плотникова Александра* на тему: „Обзоръ источниковъ по исторіи иконоборческаго движенія“

а) И. д. доцента *Ө. М. Россейкина*:

„Въ своемъ сочиненіи г. Плотниковъ сдѣлалъ значительно больше того, что онъ предположилъ сдѣлать, хотя его планъ, количественно, остался до конца не выполненнымъ.

Работа распадается на введеніе и три главы.—Въ введеніи, отмѣтивъ разнорѣчивость мнѣній объ иконоборческой ереси, наблюдавшуюся еще среди ея современниковъ и существующую до нашихъ дней, авторъ ставитъ ее въ связь съ далеко не совершеннымъ знаніемъ иконоборческой эпохи. „Происхожденіе ереси остается неизвѣстнымъ; ея причины точно не опредѣлены... Даже картина событій... (ислѣдователями) представляется далеко не одинаково“. Положеніе дѣла требуетъ предварительной критической работы надъ источниками, анализа и безпристрастной оцѣнки ихъ показаній. Эту задачу и принимаетъ на себя г. Плотниковъ, оговариваясь, однако, что, далекій отъ претензій способствовать усовершенствованію знаній объ иконоборчествѣ, онъ смотритъ на свое сочиненіе „только какъ на учебную работу, которая должна научить автора должному, научному, обращенію съ источниками“.

Отмѣтивъ затрудненіе, заключающееся въ томъ, что произведенія иконоборцевъ почти цѣликомъ погибли и о ереси и ея защитникахъ можно судить лишь по отзывамъ о нихъ

ихъ противниковъ, что требуетъ отъ изслѣдователя особенной осторожности и безпристрастія, авторъ разбиваетъ источники по исторіи иконоборчества на три группы: 1) официальные документы — соборные акты и переписка официальныхъ лицъ, гдѣ историческій матеріалъ перемѣшанъ съ богословско-полемическимъ; 2) памятники чисто историческаго характера — хроники и житія святыхъ; 3) полемическія сочиненія, по которымъ можно возстановить идеологію ереси и ея аргументацію, какъ и противопоставленную ей идеологію и аргументацію православныхъ.

Полагая, что знаніе внѣшней исторіи иконоборческаго движенія можетъ способствовать лучшему уясненію и идейной борьбы того времени, г. Плотниковъ рѣшаетъ начать обзоръ матеріала съ источниковъ историческаго характера. При этомъ онъ беретъ изъ нихъ „не какую-либо опредѣленную группу ихъ (напр., хроники или житія), но сочиненія, написанныя современниками движенія, показанія которыхъ должны служить базисомъ при построеніи исторіи иконоборчества“. Этотъ пріемъ долженъ дать возможность „слѣдить за постепеннымъ, такъ сказать, нарастаніемъ свѣдѣній объ иконоборческомъ движеніи“.

Въ первой главѣ сочиненія (1-250) разсматриваются, слѣдуя хронологическому порядку: 1) посланія патр. Германа; 2) посланія папы Григорія II; 3) грамота Ирины собору 787 г. и апологія Тарасія; 4) грамота Ирины Адріану I и отвѣтъ папы, посланіе Тарасія восточнымъ патріархамъ, посланія Адріана I и восточныхъ архіереевъ Тарасію; 5) очеркъ собора 786 г. и рѣчь Тарасія предъ открытіемъ соборныхъ засѣданій; 6) акты собора 787 г. и, въ связи съ ними и содержащимся въ нихъ полемическимъ матеріаломъ: 7) свѣдѣнія о состояніи ереси до собора и во время его, 8) опредѣленіе иконоборческаго собора 754 г., 9) опроверженіе на него и 10) опредѣленіе самого вселенскаго собора, равно какъ разныя посланія, писанныя послѣ собора. Въ заключеніе авторомъ разсмотрѣно и недавно возстановленное (Serruys) опредѣленіе иконоборческаго собора 815 года. — Глава вторая (251—503) посвящена разбору хроникъ Никифора, Теофана, Георгія Монаха и стрывка изъ произведенія неизвѣстнаго автора о Львѣ Армянинѣ. — Въ третьей главѣ (504—555) предполагалось подвергнуть изученію житія свв. Стефана Новаго, патр. Тарасія, патр. Никифора, Никиты

Медикійскаго, Феодора Студита и Иоаннікія Великаго. Авторъ успѣлъ разобрать лишь житія Стефана и Никиты. Глава осталась незаконченной.—Такова схема богатаго содержаніемъ сочиненія г. Плотникова.

Какъ видимъ, авторъ не довелъ свое дѣло до конца. Однако сожалѣть объ этомъ не приходится. Скорѣе, было бы жаль, если бы планъ былъ выполненъ сполна, потому что, при обширности плана, цѣлостное осуществленіе его, несомнѣнно, отразилось бы на внутреннихъ достоинствахъ работы. Теперь же на основаніи сочиненія г. Плотникова мы имѣемъ право сказать, что авторъ не только учился и можно сказать, научился должному обращенію съ источниками, но въ результатѣ его ученическихъ опытовъ мы имѣемъ серьезный критическій обзоръ значительнаго количества памятниковъ иконоборческой эпохи.

Сочиненіе заслуживаетъ одобренія и со стороны плана, и со стороны метода.—Планъ вполне цѣлесообразенъ. Начинающій изслѣдователь, г. Плотниковъ долженъ былъ сначала уяснить себѣ основной ходъ событій движенія, чтобы лишь потомъ перейти къ его идеологіи. Правильно и то, что, при невозможности охватить всѣ памятники, сдѣланъ выборъ тѣхъ, которые написаны современниками движенія. Этотъ принципъ далъ автору возможность начать изученіе источниковъ съ ихъ самаго основнаго пласта.

Со стороны метода сочиненіе обнаруживаетъ въ авторѣ молодого, не всегда опытнаго, но самостоятельнаго изслѣдователя. О каждомъ памятникѣ онъ говоритъ лишь то, что относится къ существу дѣла, даетъ краткія вводящія свѣдѣнія, сжато излагаетъ, что въ немъ имѣетъ значеніе для освѣщенія изучаемой эпохи, сопоставляетъ памятники, подвергаетъ критикѣ ихъ показанія, одни отвергаетъ, другія, опираясь на тѣ или инныя соображенія, принимаетъ и отчасти опредѣляетъ ихъ общее значеніе въ ряду другихъ свидѣтельствъ. То безпристрастіе, о которомъ говорилъ авторъ въ введеніи, проявлено имъ въ полной мѣрѣ: личная православная точка зрѣнія не препятствуетъ ему объективно оцѣнивать ересь и ея защитниковъ (ср. стр. 161 и далѣе).—Имѣя дѣло главнымъ образомъ съ источниками, авторъ привлекаетъ и основную литературу разбираемыхъ имъ вопросовъ.

Не вездѣ изслѣдованіе ведется одинаково твердо. Въ на-

чалъ работы, въ разборѣ нѣкоторыхъ документовъ, связанныхъ съ соборомъ 787 г., чувствуется известная неувѣренность, и изложеніе мѣстами отражаетъ не результатъ анализирующей мысли автора, а самый ея процессъ, всѣ этапы котораго—отъ авторскаго недоумѣнія до прочнаго окончательнаго рѣшенія—читателю и приходится пройти вмѣстѣ съ авторомъ. Съ другой стороны, мѣстами не чувствуется планомѣрности въ частныхъ изысканіяхъ автора. Приступая къ изученію эпохи, г. Плотниковъ не связалъ себя заранее составленной концепціей иконоборческаго движенія. Эта свобода, можетъ быть, для начала работы и была хороша въ томъ отношеніи, что ставила автора подъ непосредственное впечатлѣніе источниковъ, которые сами должны были подсказать ему, что въ движеніи первостепенно и руководяще и что менѣе важно. Однако, по мѣрѣ углубленія въ источники, элементы, движенія предъ взорами автора должны были сгруппировываться, занимая мѣсто соответственно своему значенію, а автору постепенно выяснялось, на какіе же основные вопросы должна распасться исторія движенія. Система этихъ вопросовъ, какъ это чувствуется со второй половины сочиненія, уже слагалась въ головѣ автора и оказывала известное вліяніе на самый анализъ извѣстій, давая возможность рѣшительнѣе судить объ относительной важности показанія и о той струѣ движенія, при реконструкціи которой показаніе должно особенно пригодиться. Тѣмъ не менѣе объ этой системѣ авторъ нигдѣ не говоритъ и ея вліяніе сказывается далеко не вездѣ, что ослабляетъ, повторяемъ, планомѣрность частныхъ изысканій.

За исключеніемъ отмѣченныхъ сторонъ, изслѣдованіе г. Плотникова ведется твердо и не сходитъ съ научной почвы. Особенно удались ему отдѣлы о хроникахъ Теофана и Георгія Монаха. Здѣсь авторомъ проявлено хорошее критическое чутье, здѣсь онъ успѣлъ принять во вниманіе тезисы недавно появившагося изслѣдованія о лѣтописномъ повѣствованіи Теофана и обнаружилъ основательное знакомство съ текстами, которое дало ему возможность внести нѣсколько дополненій и даже поправку къ текстуальнымъ параллелямъ Де—Боора (441). Не всѣ изъ этихъ дополненій удачны, напр. Georg. Mon. 750 18-19—Theoph. 412 26-27; но прочіе имѣютъ свое значеніе. Вообще, это лучшія страницы работы.

Но работа, конечно, не без недостатковъ.

Сдѣланное выше указаніе на лучшей отдѣлъ до нѣкоторой степени обязываетъ отмѣтить и противоположный ему по достоинству. Таковымъ должна быть признана часть первой главы (26—50), трактующая о подлинности писемъ папы Григорія II ко Льву Исавру, на которой и придется остановиться.

Какъ извѣстно, подлинность названныхъ писемъ многими оспаривается. Нашъ авторъ принялъ на себя задачу доказать, что письма въ своей основѣ подлинны, для чего ему пришлось вступить въ полемику съ Schwarzlose,—у котораго наиболѣе тщательно собраны и систематизированы аргументы противъ подлинности. Свою полемику г. Плотниковъ ведетъ, говоря вообще, находчиво, и многіе доводы его полновѣсны. Однако среди его аргументовъ есть, съ одной стороны, неубѣдительные, а съ другой—такіе, которые можно было-бы значительно усилить. Вотъ примѣры.—I. Schwarzlose аргументируетъ: на седьмомъ соборѣ (787 г.), гдѣ читались, можно сказать, всѣ документы, говорящіе противъ иконоборцевъ, письма Льву не были читаны. Г. Плотниковъ возражаетъ: Левъ уничтожилъ письма, и собору нечего было читать. Г. Плотникова можно спросить: копіи съ посылаемыхъ ими писемъ папы заботливо хранили въ своихъ архивахъ; почему легаты Адриана I не привезли ихъ въ К—поль на соборъ? II. Schwarzlose: письма не были извѣстны до середины XVI в., когда впервые ихъ издалъ іезуитъ Fronto Ducaeus, да и найдены они на греческомъ языкѣ, а не на латинскомъ, на какомъ былъ написанъ подлинникъ. Нашъ авторъ: „еще менѣе можетъ убѣдить въ неподлинности писемъ Григорія II то, что они были найдены только въ XVI в. и при томъ на греческомъ языкѣ“. Опять вопросъ: да почему-же? Ваше возраженіе исполнѣ голословно; ясно, что его нужно подкрѣпить. — Сдѣлать же послѣднее автору было-бы не трудно. Нѣкоторыя аналогіи у него, вѣроятно, оказались-бы въ запасѣ (хотя-бы *Λίδαχ*) т. *δ. ἀποστ.*); что-же касается языка, то случаи, когда оригиналь утрачивается, а переводъ сохраняется, встрѣчается сплошь и рядомъ (первый попавшійся примѣръ—акты к-польскаго собора 861 г.).—III. Споръ г. Плотникова съ Schwarzlose по поводу мѣста письма *Mansi* XII 970 В—С, который для краткости мы не излагаемъ, намъ

представляется недоразумѣніемъ, такъ какъ здѣсь и тотъ и другой оперируютъ съ невѣрно понятымъ текстомъ. Мы предлагаемъ г. Плотникову отнести *ὅτι* не къ *γράφον*, какъ онъ дѣлаетъ вмѣстѣ съ Schwarzlose, а къ *ἐσχανδάλλισας* или, еслибы такая конструкція показалась ненадежной, къ легко подразумѣваемому при *ἐσχανδάλλισας* и удобно подставляемому *λέγων* и посмотрѣть, что получится. Вѣроятно, нашъ авторъ удивится результату: текстъ, трудно истолковываемый, неумѣстный въ общемъ содержаніи письма, становится простъ и ясенъ, аргументъ Schwarzlose разрѣшается въ недоразумѣніе, а нашъ авторъ освобождается отъ необходимости говорить неудобовразумительныя вещи то о ироніи Григорія II, то о его великой ревности къ православію. IV. Въ спорѣ по поводу яркой и энергичной фразы: *εἰκοσιτέσσαρα στάδια ἔποχωρήσει ὁ ἀρχιερεὺς Ῥώμης εἰς τὴν χώραν Καμπανίας καὶ ὑπάγει διώξον τοὺς ἀγέμους*—*tum tu vade, ventos persequere!*—г. Плотникову было-бы вполне умѣстно сослаться на оставшагося ему неизвѣстнымъ Грегоровіуса. Послѣдній достаточно подробно изучаетъ внутреннія отношенія Италіи и Рима и тѣмъ не менѣе, цитую *in extenso* разбираемое мѣсто письма—Грегоровіусъ считаетъ письмо подлиннымъ,—не находитъ ничего страннаго въ заявленіи папы, что онъ, папа, удалившись изъ Рима на 24 стадіи въ предѣлы Кампаніи, найдетъ себѣ полную безопасность отъ возможнаго преслѣдованія со стороны императора. Здѣсь кстати можно замѣтить, что автору вообще слѣдовало-бы поближе познакомиться съ положеніемъ папства, Италіи и Запада за трактуемую имъ эпоху. Это необходимо, конечно, и для расширенія общаго историческаго горизонта, но, въ ближайшемъ случаѣ, было бы полезно въ спорѣ съ Schwarzlose. Авторъ легче справился-бы съ прочими недоумѣнными мѣстами письма, которыми пользуется Schwarzlose въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ—о князѣ Септерѣ (объ этомъ странномъ имени имѣются соображенія у того-же Грегоровіуса), о сарматахъ, о политическихъ сношеніяхъ Григорія II съ лонгобардами и Западомъ. V. Самымъ важнымъ доводомъ противъ подлинности писемъ Schwarzlose считаетъ „поразительное“ сходство ихъ съ рѣчами I. Дамаскина, особенно въ развитіи взгляда на отношенія церкви и государства, сходство, вынуждающее предполагать, что авторъ писемъ читалъ Дамаскина, чего

никакъ не могъ дѣлать Григорій II. Г. Плотниковъ противопоставляетъ тезисъ, что „буквальнаго сходства“ между памятниками нѣтъ, что „признаетъ и самъ Schwarzlose“. На этомъ тезисѣ нашъ авторъ и успокоился. Однако его рѣшительно недостаточно. Какъ-же велико сходство? „Поразительно“ оно или все-же далеко отъ буквальныхъ совпадений? Надо полагать, что нашъ авторъ обязанъ былъ, вслѣдъ за тезисомъ, дать намъ два текста въ параллельныхъ колонкахъ, чтобы можно было видѣть, кто правъ, и насколько оправдывается допускаемая авторомъ, нѣсколькими строками ниже, уступка. Этого мы не находимъ.— Здѣсь можно указать автору, что, если рѣчь идетъ не о текстуальныхъ совпаденіяхъ, а о сходствѣ идей и ихъ трактовки, то до изложенныхъ въ письмахъ мыслей объ отношеніи государства и церкви въ Римѣ могли додуматься сами безъ какихъ-либо заимствованій. Тѣ-же самыя идеи развивалъ въ своихъ письмахъ Николай I, — только гораздо ярче, своеобразнѣй, внушительнѣй и уже, конечно, не подъ вліяніемъ Дамаскина.

Завершая свою защиту подлинности писемъ къ Исавру, г. Плотниковъ выдвигаетъ и свой собственный аргументъ. Построенъ онъ на томъ, что между письмами къ Исавру и несомнѣнно подлинными письмами Григорія II къ Герману наблюдается сходство. Привлекаетъ онъ къ дѣлу и сходство между письмами Григорія II къ Герману и письмами Германа къ Оомѣ Накोलійскому. Несмотря на нѣкоторую запутанность изложенія, аргументъ можетъ имѣть значеніе. Но и здѣсь отъ автора нужно требовать болѣе тщательнаго изученія отношеній между сопоставляемыми памятниками и большаго количества текстуальныхъ сопоставленій. — Изъ всего сказаннаго по вопросу о подлинности писемъ къ Льву Исавру, думаемъ, слѣдуетъ то, что разбираемый отдѣлъ сочиненія нуждается въ пересмотрѣ.

Есть промахи и въ другихъ частяхъ сочиненія. Заслуживаютъ быть отмѣченными слѣдующіе.

I. Оупущеніе. Авторъ самъ хорошо знаетъ, какъ трудно и въ то-же время какъ важно пролить свѣтъ на начало ереси, три раза возвращается къ легендѣ о халифѣ Езидѣ (133—135, 327, 448), пытается установить въ ней историческое зерно и ни разу не задается вопросомъ: существовалъ-ли историческій Езидъ (Язидъ) и не говорятъ-ли о немъ чего-

нибудь арабскіе источники? А если бы г. Плотниковъ заглянулъ въ книгу Мѣдникава I, 719, то нашель-бы интересныя для себя вещи.

II. Недоразумѣніе. Въ памятникахъ эпохи не разъ встрѣчается слово *ἀμνημόνευτος*. Авторъ перевелъ его чрезъ „неизрекаемый“, что во 1-хъ ясно—невѣрно, а во 2-хъ болѣе чѣмъ непонятно. Рядъ фразъ (352, 508, 522, 524, 528) получилъ въ свой составъ слово, которое здѣсь рѣшительно не къ мѣсту, не даетъ смысла и вызываетъ недоумѣніе. Было любопытно знать, откуда извлекъ г. Плотниковъ это значеніе, котораго онъ не могъ встрѣтить, конечно, ни въ одномъ словарѣ. Оказалось, что на этотъ разъ его сбиль съ толку величайшій авторитетъ въ русской византологической наукѣ В. Г. Васильевскій, который, дѣйствительно, перевелъ слово чрезъ „неизрекаемые“, въ смыслѣ nefandi (Ж. М. Н. П. 1877 СХСІ 305). При всемъ томъ, этотъ переводъ невѣренъ. Странно, какъ самъ авторъ вынесъ, поборолъ въ себѣ то чувство большой неловкости и недоумѣнія, которое испытывается при чтеніи его фразъ съ злополучнымъ словомъ, и какъ онъ не пришелъ къ мысли искать другой интерпретаціи. А стоило ему открыть Дюканжа, и все объяснилось-бы. Тамъ I, 940 онъ прочелъ-бы: *ἀμνημόνευτος* — *excommunicatus*; nam cum ex diptychis recitentur universim nomina fidelium, qui ab ea recitatione eximuntur, extra communionem Ecclesiae esse censentur. Кстати замѣтить, Дюканжъ подкрѣпляетъ свое толкованіе ссылкой какъ разъ на то мѣсто Теофана, съ которымъ имѣть дѣло г. Плотниковъ (352).

III. Промахи при встрѣчѣ съ техническими византійскими терминами. При передачѣ Theoph. 442 ж нужно было, вмѣсто „управитель школь“ поставить „доместикъ школь“ или „схоль“ (*δομέστικός τῶν σχολῶν*) и объяснить, хотя-бы по Дюканжу и Byzantina Д. Θ. Бѣляева, что это значить (375). Неудачно передано Theoph. 461 20;—въ фразѣ *ὁ δὲ λαὸς τῶν σχολαρίων τε καὶ ἐκκομβιτῶρων* первое существительное нужно было перевести, конечно, чрезъ „толпа“, а для второго и третьяго смотрѣть того-же Дюканжа, что предохранило-бы автора отъ ошибокъ (411). Для VIII вѣка Византіи слѣдовало-бы избѣгать переводить *τάγμα* чрезъ „легионъ“ (395). У Theoph. 497 в въ сочиненіи *ὁ στρατηγὸς τῶν ἀνατολικῶν* при *ἀνατολικῶν* естественнѣе разумѣть *θεμάτων*, чѣмъ *χωρῶν* (авторъ

переводить: „восточныхъ странъ“; 429 ср. 433). Напрасно трудился авторъ передать Theoph. 409¹ ἐν τῷ τριβονναλίῳ 19' ἀκουβίτων русской фразой: въ трибуналѣ „девятнадцати возлежащихъ“ (336). Хотя этотъ переводъ данъ опять по примѣру и подѣ влияніемъ В. Г. Васильевскаго (Ж. М. Н. П. 1877 СХСІ 298), но „19 возлежащихъ“, съ одной стороны, нисколько не понятнѣе, чѣмъ „19 акувитовъ“, какъ слѣдовало-бы оставить г. Плотникову; съ другой, могутъ дать неправильное представление о дѣлѣ. Нашему автору слѣдовало обратиться къ Vizantina Д. Θ. Бѣляева и прочесть (I, 108—116) прекрасный комментарий о Триклиніѣ (палатѣ) 19 акувитовъ и его Трибуналѣ.

Къ сказанному можно прибавить еще нѣкоторыя замѣчания. Въ пользованіи греческимъ языкомъ иногда можно желать большей точности (473—478). На стр. 202 конецъ перваго абзаца, съ греческимъ текстомъ, нужно выбросить. — Авторъ безъ всякой надобности оставилъ нѣкоторыя собственныя имена въ иностранной формѣ: островъ *Πρόυηλος*; — Принкипо (371, 417); *Πρόπη*—Проти (177); *Messalianer*—мессалиане (272); фамилія издателя житія Теофана г. Спиридонова отлично склоняется по-русски (284). *Κιθάρα* лучше-бы передать чрезъ „китару“, а не „гитара“ (51). — На стр. 386 невѣрно указанъ индиктъ.

Изложеніе обычно сжатое. Иногда уже слишкомъ неожиданно дѣлается переходъ отъ изложенія чужого взгляда къ его критикѣ (31; 144). Мѣстами авторъ излагаетъ памятники такъ, что его можно понять лишь при очень близкомъ предварительномъ знакомствѣ съ документомъ (33). Нѣкоторыя выраженія неудобны (179), неудачны (63, 199, 253, 418, 421). Стилъ вообще простъ, ясенъ, но суховатъ.

При всемъ томъ, указанные недостатки не колеблютъ серьезныхъ достоинствъ сочиненія.

Мы надѣемся, что г. Плотниковъ не оставитъ своей работы надъ заинтересовавшей его эпохой и потому позволяемъ себѣ высказать нѣсколько пожеланій относительно ея дальнѣйшаго хода. Говорить о томъ, что необходимо закончить изученіе намѣченныхъ планомъ памятниковъ, въ частности—изучить идеологію движенія, конечно, нѣтъ нужды. Понятно и то, что потребуется болѣе широкое и глубокое знаніе эпохи вообще, самое внимательное наблюденіе надъ

моментомъ возникновенія ереси и выясненіе дѣйствовавшихъ въ этомъ моментѣ силъ, общее знакомство съ иконоборческимъ движеніемъ на Западѣ. Мы хотѣли-бы обратить вниманіе нашего автора пока лишь на три вопроса, которыхъ никакъ нельзя обойти въ общей схемѣ движенія и изъ которыхъ первый намѣченъ имъ очень недостаточно, а два другіе обойдены вовсе. 1. Какую роль сыграло въ движеніи папство и какую должу частія въ подготовкѣ торжества православія нужно отнести на счетъ Рима? 2. Какъ, подѣ влияніемъ борьбы за иконы, складывались отношенія между государствомъ и церковью въ Византіи и вѣрно-ли то, что моментъ торжества Православія для церкви роковымъ образомъ оказался начальнымъ моментомъ ея полного поработченія государству? 3. Третій вопросъ, повидимому, самый важный. Въ своихъ изслѣдованіяхъ источниковъ нашъ авторъ исходитъ изъ того взгляда, что иконоборчество—явленіе церковно-историческаго характера. Онъ, конечно, знаетъ, что есть иные взгляды, по которымъ „иконоборчество было только частью обширной церковно-политической программы“. Но, думается, значеніе этой концепціи ему ясно далеко не въ надлежащей широтѣ; ею онъ пока, можно сказать, вовсе не занимался. Автору и придется поближе познакомиться съ теоріей, наиболѣе ярко выраженной Паларригопуло въ его *Ιστορία τῶν ἑλλ. Ἐθνῶν*, находившей пріемъ и у другихъ, по которой религиозная реформа была не столько цѣлью, сколько средствомъ для обширныхъ соціальныхъ преобразованій, судить о которыхъ можно по памятникамъ свѣтскаго законодательства исаврійцевъ. Иконоборческіе императоры спасали государство отъ величайшихъ опасностей. „Уже четыре вѣка византійская имперія терпѣла непрерывное смѣшеніе дѣлъ государственныхъ и дѣлъ церковныхъ; малѣйшій богословскій споръ, зажигаая народныя страсти, возбуждалъ въ имперіи смуты, заговоры, иногда революціи; неудержимо возрастающее развитіе монашества лишало государство, въ моментъ страшнаго кризиса, живыхъ силъ, въ которыхъ оно нуждалось; наконецъ, духовенство, имущества котораго увеличивались съ каждымъ днемъ, влияніе котораго на массы было всемогуще, которое держало въ своихъ рукахъ народное воспитаніе и находило въ культѣ иконъ средство живого воздѣйствія на народныя умы, сдѣлалось, съ точки

зрѣнія государства, силой, опасной для общественнаго спокойствія“... Борьба съ этимъ зломъ и была цѣлью иконоборцевъ, которые, какъ-бы то ни было, „хотѣли сдѣлать великое дѣло“ (Charles Diehl). — Чтобы оцѣнить и провѣрить изложенную теорію, пришлось-бы обратиться къ такому материалу, котораго въ намѣченныхъ нашимъ авторомъ источникахъ онъ, конечно, не найдетъ. Во всякомъ случаѣ, авторъ не можетъ уклониться отъ вопроса, было ли и въ какой мѣрѣ было иконоборчество лозунгомъ и средствомъ соціальной реформы.

Въ заключеніе можно пожелать автору внѣшнихъ благоприятныхъ условій для работы, а именно — своевременнаго изданія новыхъ, еще неизданныхъ, памятниковъ эпохи. Будемъ надѣяться, что ожидаемая публикація Serruys—въ области неизданныхъ твореній патр. Никифора—и г. Спиридонова, отъ котораго есть основанія ожидать обнародованія новыхъ документовъ, не заставятъ себя ждать очень долго. Что касается новѣйшихъ изслѣдованій въ области византійской хронографіи о. Преображенскаго, то остается неяснымъ, нужно-ли ждать, вслѣдъ за этими изслѣдованіями, новаго изданія самаго текста хроникъ, особенно—*Θεοφανα*, столь важнаго въ ряду другихъ хронографическихъ памятниковъ эпохи. Въ крайнемъ случаѣ, принимая въ расчетъ общія положенія о. Преображенскаго о де-бооровскомъ текстѣ *Θεοφана*, достаточно съ очень большимъ вниманіемъ отнести къ *Chronographia tripartita* Анастасія Библиотекаря.

За свое сочиненіе г. Плотниковъ заслуживаетъ не только степени кандидата богословія, но и большой похвалы“.

б) Ординарнаго профессора *А. А. Спасскаго*:

„Просмотрѣвъ сочиненіе г. Плотникова, поданное имъ на степень кандидата богословія, я могу заявить, что, несмотря на всѣ затрудненія, какія предлежали ему въ такомъ сложномъ и запутанномъ вопросѣ, еще далеко не выясненномъ въ современной наукѣ, онъ справился съ своей задачей очень хорошо, проявилъ точное знаніе источниковъ, критическія способности изслѣдователя, большую трудоспособность и написалъ сочиненіе, отличающееся такими несомнѣнными

достоинствами, которыя должны быть отмѣчены высшимъ балломъ пять“.

32) О сочиненіи студента *Подлицкаго Ивана* на тему: „Идеи нравственнаго совершенства и счастья въ классической философіи и христіанскомъ ученіи“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Тартева*:

„Въ предисловіи авторъ разъясняетъ важность задачи и оправдываетъ избранный имъ планъ и матеріаль работы, главное, объясняетъ, почему онъ не привлекъ въ кругъ своего изслѣдованія Платона и Аристотеля, при чемъ предполагается, что границы предмета изслѣдованія вынуждены временемъ срочной работы и могутъ быть позднѣе раздвинуты до включенія не только Платона и Аристотеля и другихъ древнихъ мыслителей, но и новой философіи. Этотъ грандіозный планъ уже, какъ я знаю, предносится пылливому уму молодого ученаго, но и выполненное имъ имѣетъ почтенный объемъ. Онъ говоритъ о Сократѣ (гл. 1), киникахъ (гл. 2), киренаикахъ (гл. 3), стоикахъ (гл. 4), эпикурейской школѣ (гл. 5) и въ послѣдней (6-й) главѣ излагаетъ евангельское ученіе по данному вопросу. Кромѣ главъ, сочиненіе дѣлится на параграфы, имѣющіе общій счетъ, и тщательные заголовки параграфовъ даютъ болѣе детальное представленіе о содержаніи его. Вотъ эти заголовки. (§ 1) Общее состояніе духовной жизни при Сократѣ. (2) Отношеніе Сократа къ натурфилософіи. Общія задачи его дѣятельности. (3) Гносеологическія и метафизическія предпосылки моральнаго ученія Сократа. (4) Тожество добродѣтели и знанія. Односторонній интеллектуализмъ Сократа. Знаніе какъ благо. Формальность опредѣленія добродѣтели. (5) Благо, какъ цѣлесообразное, какъ полезное. Вопросъ объ утилитаризмѣ Сократа. Субъективистическій отгнѣнокъ его моральныхъ требованій. (6) Прикладная мораль въ ученіи Сократа. Единство добродѣтели. Отношеніе къ чувственности. Доброе, какъ „законное“. Нравственный обликъ Сократа. (7) Вопросъ о счастьѣ въ ученіи Сократа. (8) Общіе выводы. Связь ученія Сократа съ ученіемъ киниковъ и киренаиковъ. Киники. (9) Представители школы. Общій характеръ ея интересовъ. (10) Отрицаніе теоретическаго знанія, какъ таковаго. Исключеніе

чительно практическое значеніе науки. Цѣль жизни. Идея счастья. (11) Идея нравственнаго совершенства въ ученіи киниковъ. Основы добродѣтели. Сущность послѣдней. Средства къ ея достиженію. Жизнь киниковъ. (12) Киренаики. Представители школы. Связь съ Сократомъ. Общее направленіе ученія киренаиковъ. (13) Удовольствіе, какъ цѣль жизни. Обоснованіе даннаго принципа. Его детальное развитіе. (14) Чувственныя и духовныя удовольствія. Отношеніе мудреца къ удовольствіямъ. Какой смыслъ имѣеть нравственное совершенство. Общее отношеніе къ проблемѣ нравственнаго совершенства. Достижимость цѣли жизни. (15) Рѣшеніе проблемы счастья въ ученіи Θεодора, Гегезія и Анникериса. (16) Стоики. Представители школы. Общее замѣчаніе о стоицизмѣ. Связь съ киниками и Сократомъ. Моральный интересъ, какъ первенствующій. (17) Счастье, какъ послѣдняя цѣль жизни человѣка. Необходимость общаго міровоззрѣнія. (18) Физика стоиковъ. Материализмъ. Сила и матерія. Мировой разумъ и его обнаруженіе. Душа человѣка. (19) Логика стоиковъ. Источники познанія. Критерій истины. (20) Общія положенія стоической этики. (21) Раскрытіе понятія добродѣтели съ положительной стороны. (22) Удовольствіе, какъ только слѣдствіе добродѣтели. Его отличіе отъ добродѣтели. Виды нравственнаго удовольствія. (23) Безразличное. Внутреннее различіе „*ἀδιάφορα*“. (24) Ученіе объ аффектахъ. Природа ихъ. Виды аффекта. Отношеніе къ нимъ. (25) Раздѣленіе людей на два класса. Нравственныя качества мудреца и глупца. (26) Двойственное теченіе въ стоицизмѣ. Основы и формы отношенія мудреца къ обществу и государству. (27) Позднѣйшіе представители стоической школы: Сенека, Музоній Руфъ, Маркъ Аврелій. Моральная философія Эпиктета. Недостижимость счастья. Самоубійство. Заключение. (28) Эпикурейская школа. Общее направленіе эпикурейской философіи. Значеніе науки. Связь съ киренаиками. Цѣль жизни и философіи. Метафизическія предпосылки морали. (29) Благо индивидуума. Критерій истины, его опредѣляющій. Ученіе объ удовольствіи. Отличіе отъ киренаиковъ. Конечная цѣль жизни. Тѣлесныя и духовныя удовольствія. Всякое ли удовольствіе должно быть принимаемо? Значеніе разума въ выборѣ удовольствій. (30) Связь добродѣтели съ удовольствіемъ. Добродѣтель, какъ только средство для сча-

ствя. Тождество интереса и добродѣтели. Частныя добродѣтели. Эгоизмъ въ личной и общественной жизни. Вопросъ о смерти. Достижимость блаженства. Общее заключеніе. (31) Проблемы нравственнаго совершенства и счастья въ свѣтъ евангельскаго ученія. Различное пониманіе счастья. Несостоятельность эвдемонизма. (32) Подлинная сущность счастья. Его достижимость. Можетъ ли счастье быть цѣлью жизни христіанина? (33) Достижимость нравственнаго совершенства. Его сущность. Выявленіе славы Божіей въ ничтожествѣ человѣческомъ. Любовь, какъ основное конкретное выраженіе нравственнаго совершенствованія.

Въ „заключеніи“ авторъ такъ формулируетъ отличіе античной морали отъ христіанской. „Въ морали античной первое мѣсто всегда принадлежитъ вопросу о счастьѣ. Въ немъ полагается цѣль человѣческой жизни—въ его достиженіи. Что же касается нравственнаго совершенства, то оно представляетъ собою только средство для таковаго и разсматривается даже, какъ лишь необходимое, а не желательное непремѣнно. Въ этомъ первенствѣ, отдаваемомъ счастьемъ, основной пунктъ расхожденія съ христіанствомъ. Второе, также существенное, различіе касается отношенія къ условіямъ достиженія счастья, частіе—отношенія къ страданіямъ человѣческимъ. Въ то время, какъ христіанская мораль признаетъ страданія прямо необходимыми для обладанія счастьемъ, мораль античная направляетъ всѣ силы къ тому, чтобы такъ или иначе совершенно вычеркнуть ихъ изъ жизни, или по крайней мѣрѣ—изъ сознанія человѣка. Отсюда, нравственное совершенствованіе, въ его античной обрисовкѣ, не знаетъ состраданія, какъ одной изъ своихъ формъ“.

Мы видимъ не только содержаніе и послѣдній выводъ труда г. Подлущаго, но и его выдающуюся содержательность. Оно обилуетъ мыслями, которыя бьютъ ключомъ.

Мы видимъ, о чемъ писалъ авторъ. Теперь вопросъ: какъ онъ пишетъ? Въ его трудѣ должны быть отмѣчены крупныя достоинства, рѣдко оказывающіяся въ студенческихъ работахъ. Во всемъ сочиненіи ни разу не встрѣчаемъ „общаго мѣста“, недоказаннаго утвержденія. Каждая строка конкретна по содержанію, и каждая страница сопровождается обильными выписками изъ греческихъ и латинскихъ подлинниковъ, обычно сносимыми въ подстрочныя примѣчанія и из-

рѣдка попадающимися въ текстѣ. Послѣдній не загромеждается буквальными цитатами, которыя никогда не бываютъ пространны, но содержитъ основныя мысли полннннковъ, поставленныя въ строгую логическую связь и изложенныя въ объясняющемъ ихъ критическомъ освѣщеніи, которое никогда, однако, не переходитъ въ отступленія, нарушающія стройность изложенія. Несомнѣнны — трудолюбіе автора, болѣе всего обнаружившееся въ внимательномъ изученіи памятниковъ классической философіи, способность къ проникновенному, тонкому анализу текстовъ, которые изъясняются, по возможности, исчерпывающимъ образомъ, строгое логическое мышленіе, сказавшееся какъ въ стройности изложенія, такъ и въ силѣ критическихъ сужденій. Языкъ вполне литературный. Въ лицѣ г. Подлуцкаго выступаетъ умственная сила, хорошо подготовленная къ философскимъ работамъ, которой предстоитъ будущность и которая заслуживаетъ благоприятныхъ условій.

Не хочу сказать, что рецензируемой работѣ чужды недостатки. Есть недочетъ и въ необходимыхъ изданіяхъ изучаемыхъ авторовъ и въ литературѣ предмета, что сознаетъ и самъ авторъ. Можно было бы указать нѣсколько промаховъ въ пониманіи излагаемыхъ системъ, которые не ускользнутъ отъ вниманія автора при дальнѣйшемъ работѣ. Ограничусь однимъ замѣчаніемъ. Авторъ все еще недостаточно подчеркнул рационализмъ классической философіи въ противоположность пневматичности христіанства, что имѣетъ неспечлимыя слѣдствія.

Сочиненіе не только даетъ автору безспорныя права на степень кандидата богословія, но и заставляетъ рецензента высказать пожеланіе, чтобы работа была продолжена и въ свое время увидѣла свѣтъ. Рекомендую г. Подлуцкаго особому вниманію Академическаго Совѣта“.

б) И. д. доцента священника *П. А. Флоренскаго*:

„Сочиненіе г. Подлуцкаго обращаетъ на себя вниманіе своею серіозностью и тщательностью въ разработкѣ взятой темы. Каждая страница этого трактата снабжена цитатами по первоисточникамъ древней философіи, приводимыми *in extenso*, и многія страницы подтверждаются глухими ссылками на соответственную литературу. Изложеніе спрово-

ждается приведеніемъ и, иногда, анализомъ подлинныхъ терминовъ. Языкъ автора отчетливъ и точенъ. Тому же впечатлѣнію отчетливости служить и расчлененность изложенія на главы и параграфы, имѣющіе всякій разъ свои заголовки. Однимъ словомъ, разбираемое сочиненіе показываетъ вкусъ Автора къ работѣ и большое прилежаніе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, при чтеніи этого сочиненія постоянно встаетъ вопросъ: Нуженъ ли этотъ научный аппаратъ въ данномъ сочиненіи? Не имѣетъ ли онъ здѣсь значенія декоративнаго?

Въ самомъ дѣлѣ, Авторъ съ самаго начала избралъ путь если не ошибочный по существу, то во всякомъ случаѣ никакъ не идущій къ студенческому сочиненію, имѣющему въ своемъ распоряженіи не болѣе года для разработки. Сочиненіе г. Подлущаго построено по типу обширныхъ курсовъ,—въ видѣ исторіи этической философіи въ древности или цикла лекцій по исторіи этики. Совладать съ такою формою молодому изслѣдователю, да еще въ годъ работы, конечно, невозможно, и г. Подлущкій, несмотря на большія усилія, затраченныя на свою работу, а, можетъ быть, именно вслѣдствіе чрезмѣрности своихъ усилій, впадаетъ въ поверхностность и неоригинальность. Онъ документаленъ въ каждомъ своемъ утвержденіи; но стѣило ли такъ тщательно подверждать цитатами тезисы обще-извѣстные, которые можно найти въ любомъ большомъ курсѣ по исторіи древней философіи или, въ частности, древней этики, если въ результатъ этой усиленной цитации изложеніе не приобрѣло глубины, но потеряло въ свѣжести? Кромѣ того, при видимомъ стремленіи Автора быть *полнымъ*, не могутъ казаться удовлетворительными его оговорки, которыми онъ объясняетъ отсутствіе въ своемъ сочиненіи цѣлага ряда корифеевъ этической мысли. Можно ли, рассуждая объ идеяхъ нравственнаго совершенства въ классической философіи, опускать Платона, Аристотеля, всѣхъ неоплатониковъ и неопиѳагорейцевъ? И отъ такого пропуска не получится ли ложнаго освѣщенія античнаго представленія о совершенствѣ, особенно когда античное представленіе сопоставляется съ христіанскимъ?

Говоря о формальныхъ недостаткахъ сочиненія г. Подлущаго, я считаю долгомъ спросить Автора и о томъ, почему не переведены имъ цитаты. Если этотъ переводъ, по мнѣнію, приводящаго цитаты легкокъ, то Авторъ долженъ былъ дать переводъ ихъ; если же—труденъ, то переводъ тѣмъ болѣе

долженъ быть данъ, ибо по какому праву Авторъ сваливаетъ трудъ перевода съ себя на своего читателя.

Но эти, общіе, и нѣкоторые другіе, частные, недостатки не составляютъ препятствія къ признанію сочиненія г. Поддучкаго весьма хорошимъ, а Автора, конечно, достойнымъ степени кандидата“.

33) О сочиненіи студента *Попова Тихона* на тему: „Ветхозавѣтные образы въ книгѣ Откровенія Іоанна Богослова“.

а) Экстраординарнаго профессора священника *Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе г. Попова имѣетъ своимъ предметомъ выясненіе отношенія символическихъ образовъ книги Откровенія Іоанна Богослова къ подобнымъ же образамъ ветхозавѣтныхъ книгъ и вообще къ образному языку ветхозавѣтной Библии. Для составленія своей работы г. Поповъ долженъ былъ самостоятельно просмотрѣть ветхозавѣтную стилистику и сопоставить ее съ данными по изученію языка книги Откровенія. Какъ видно, особыхъ исагогическихъ замѣчаній къ Апокалипсису характеромъ темы, строго лингвистической, не требовалось, между тѣмъ нашъ авторъ въ введеніи (вступительномъ отдѣлѣ) пытается излагать нѣкоторыя изъ таковыхъ данныхъ, преимущественно по новѣйшему англійскому труду Свита, отчасти по Шляттеру. Въмѣсто этого конгломерата свѣдѣній, вводныхъ къ книгѣ новозавѣтнаго пророчества, лучше было бы помѣстить библейско-психологическій очеркъ съ задачею установить посильнымъ путемъ, какимъ образомъ Тайнозритель по мѣстамъ излагаетъ свои видѣнія языкомъ ветхозавѣтныхъ памятниковъ. Генезисъ этого явленія долженъ быть отличнымъ отъ происхожденія ветхозавѣтныхъ девтерографовъ. Въ книгѣ Откровенія, по г. Попову, нѣтъ подлинныхъ ветхозавѣтныхъ цитатъ; если мѣстами попадаются намеки на *ipsissima verba*, то во всякомъ случаѣ нѣтъ *ipsissima sermo*, отсутствуетъ и глухое цитированіе ветхозавѣтныхъ оригиналовъ, нѣтъ и мозаики изъ стилистическихъ выдержекъ пророчественныхъ книгъ, а однако колоритъ языка всего новозавѣтнаго памятника во многомъ— ветхозавѣтно-пророчественный. Рецензенту вспоминается отзывъ покойнаго академическаго церковнаго историка Лебедева объ языкѣ писаній нѣмецкаго церковнаго историка Неандера, — языкъ послѣдняго поразительно напоминалъ

древне-церковный литературный стиль: здѣсь сказалась изумительная начитанность Неандера въ писаніяхъ церковныхъ дѣятелей прошлаго. Такъ могло быть и съ писаніями Тайнозрителя, если не выдвигать теоріи вербальной духовности. Воспроизведеніе рѣчей Господа въ 4 Евангеліи показываетъ, какую изумительною памятью обладалъ возлюбленный ученикъ Господа. Аналогичное явленіе для языка Апокалипсиса представляетъ вся религіозно-литургическая письменность еврейскихъ пайтаковъ, дававшихъ невольно центыны изъ псалмовъ, благодаря привычкѣ выражать свои мысли и переживанія библейскимъ языкомъ, что сдѣлало Сіонъ вѣчнымъ Парнасомъ іудейско-религіозной музы, а значительную часть послѣдующей іудейской религіозной письменности обратило въ эхо псалмодики древняго жертвоприношенія на Моріа.

Насколько естественно желаніе имѣть въ введеніи къ лингвистической работѣ г. Попова подробный очеркъ объ языкѣ Апокалипсиса, настолько странны здѣсь сужденія о положеніи каноническаго Апокалипсиса среди „калейдоскопа“ апокалипсической литературы, о подчиненности или свободѣ языка Апокалипсиса отъ требованій іудейской апокалиптики времени, какъ вида литературы, о зависимости пониманія видѣній Апокалипсиса отъ находимыхъ для нихъ ветхозавѣтныхъ параллелей и вообще отъ отношенія ихъ къ цѣлокупному составу Библии. Откровеніе Іоанна Богослова, конечно, совсѣмъ не на гребнѣ длинной волны современной ему апокалиптики, какъ подлинное „откровеніе“, оно стоитъ совершенно внѣ апокалипсическаго теченія литературы времени, пользовавшагося символами не только при изложеніи мистическихъ и эсхатологическихъ идей, когда это являлось требованіемъ дидактическимъ, но и при написаніи исторіософическихъ опытовъ, подобно тому, какъ мінографъ сравнительно поздняго времени нерѣдко превращался въ натурфилософа, а міны служили способомъ изложенія наблюденій надъ природою. Апологетическое выясненіе вопроса объ отношеніи образовъ и языка Апокалипсиса къ іудео-эллинской псевдэпиграфической письменности апокалипсическаго колорита не должно было входить въ планъ изслѣдованія г. Попова, а поэтому и говорить объ этомъ въ введеніи не требовалось, иное дѣло „выявленіе“, какъ говорить нашъ

авторъ, природы греческаго языка Апокалипсиса, ибо для писавшаго на специально лингвистическую тему объ отношеніи языка Апокалипсиса къ языку ветхозавѣтныхъ памятниковъ не безразлично, нужно ли оперировать въ данномъ случаѣ съ языкомъ LXX или еврейскимъ подлинникомъ. Г. Поповъ, цитируя мнѣніе профессора Соболевскаго, приходитъ къ выводу, что языкъ Апокалипсиса — простонародный греческій языкъ, и поэтому, если вообще грамматика Новозавѣтнаго греческаго языка по мѣстамъ а *gramma* of *ungramma*, то это въ особенности слѣдуетъ сказать объ языкѣ изучаемаго имъ священнаго памятника, — языка Откровенія, исполненнаго солецизмовъ и вульгизмовъ, но не гебраизмовъ. Напрасно нашъ авторъ скоро покинулъ лингвистическую проблему, столь напрашивавшуюся на рѣшеніе въ вступительныхъ замѣчаніяхъ въ его работѣ. Если языкъ новозавѣтныхъ памятниковъ только общегреческій языкъ эпохи, то къ чему же обмолвился самъ нашъ авторъ о возможности вліянія еврейскаго населенія Египетской дельты на языкъ тѣхъ памятниковъ общегреческаго языка, какими снабжаетъ ученый міръ Египетская страна въ видѣ папирусныхъ дѣловыхъ писемъ и документовъ. Если и здѣсь возможно отмѣчать слѣды гебраизированнаго *кош*, то не тѣмъ ли болѣе въ новозавѣтныхъ священныхъ памятникахъ, написанныхъ природными семитами, до какого бы низкаго литературно-греческаго уровня они ни спадали.

Самое изслѣдованіе г. Попова написано по типу греко-еврейскихъ схолій (*lucubrations*) — къ Новому Завѣту. Порядокъ изученныхъ матеріаловъ данъ внѣшнею послѣдовательностью главъ и стиховъ священнаго новозавѣтнаго памятника; здѣсь только опущены 2 и 3 главы Апокалипсиса, какъ имѣющія историческій смыслъ (современный Тайнозрителю). Такой методъ изложенія расплываетъ обширный изученный г. Поповымъ матеріалъ (изъ 404 стиховъ книги Откровенія 278 имѣютъ отношеніе къ ветхозавѣтнымъ писаніямъ) и, думается, лучше было бы, если бы онъ, оперируя такъ сказать надъ плотью Писанія, располагалъ матеріалъ по рубрикамъ стилистики или реторики. Въ случаѣ же желанія имѣть идейную схему, онъ могъ воспользоваться книгою Шляттера, представляющею образецъ весьма одобрительной трехчастной схемы: 1) Богъ и небо, 2) Христосъ и

3) Грядущее. У Шляттера по этой схемѣ группируется матеріаль изъ раввинистической литературы, но ничто не мѣшало нашему автору такъ же сгруппировать данныя изъ ветхозавѣтныхъ каноническихъ иудейскихъ писаній. Что касается до матеріальной стороны, то изслѣдованіе г. Попова детально и полно, нося несомнѣнные слѣды кропотливой работы, только авторъ колеблется между вербальными и идейными параллелями, что даетъ его труду по мѣстамъ нежелательные и довольно случайные сдвиги. Для читателя, незнакомаго съ ходомъ годичныхъ занятій автора, можетъ получиться впечатлѣніе торопливости, неотдѣланности работы, поэтому, вмѣсто объемистаго „приложенія“, содержащаго хорошей переводъ нѣмецкаго труда Шляттера: Ветхий завѣтъ въ Апокалипсисѣ Іоанна, лучше было бы автору, вкрапивъ этотъ матеріаль въ ткань самого изслѣдованія, дать какой-либо опытъ систематизаціи параллелей между Откровеніемъ и ветхозавѣтной Библіей, своего рода ключъ къ пользованію предлежащимъ изслѣдованіемъ, почему безусловно нужно было дихотомически выдѣлить параллели вербальныя отъ совпаденій идейныхъ, наприм. описаніе первосвященническаго хошена и камни, упоминаемые въ Откровеніи, относятся къ первому роду, а Іезекіилева схема Іерусалима и горній Іерусалимъ Откровенія ко второму, а то мѣстами непонятенъ смыслъ и относительный вѣсь параллели, наприм. при рѣчи объ Армагеддонѣ неизвѣстно, лексикальная это параллель или идейная (стр. 50). Полезно было отмѣтить словарнымъ путемъ общія выраженія у Тайнозрителя и ветхозавѣтной Библии, выдѣляя совпаденія фразеологическія отъ тождественнаго употребленія словъ. Равно, увлекаясь переводомъ съ иностранныхъ языковъ, которыми нашъ авторъ прекрасно владѣеть, онъ испортилъ мѣстами свое русское изложеніе, гдѣ нерѣдко являются *ipsissima verba* Свита и Шляттера. При высокой оцѣнкѣ труда Шляттера, что, конечно, и обусловило въ глазахъ нашего автора умѣстность его перевода въ качествѣ приложения къ кандидатской диссертаци, г. Поповъ по мѣстамъ остается въ расхожденіи съ нимъ и ко вреду для себя, наприм., для стекляннаго моря откровенія онъ ищетъ параллель въ мѣдномъ морѣ Соломонова храма (8 стр.), тогда какъ въ работѣ Шляттера прекрасно сказано объ огуствѣшемъ морѣ при переходѣ

Израиля изъ Египта и о видѣ верхнихъ водъ надъ твердью. Вѣдь если не искать опоры для экзегетическихъ выводовъ, то работа Шляттера, имѣющая дѣло съ раввинизмомъ, хотя и въ древнѣйшихъ его формаціяхъ (Мехильта, Сифра, Сифре, таргумъ, мидрашъ, Теламдену, Песикта), бесполезна для нашего автора, ибо здѣсь ветхій завѣтъ не въ подлинномъ смыслѣ, но въ преломленіи его идей у раввиновъ, а доказательства, что писатель каноническаго Апокалипсиса стоялъ въ потокѣ раввинической традиціи, столь же условны, какъ и приводимыя въ оправданіе мысли о вліяніи палестинскаго раввинизма и книжничества на переводъ LXX.

Обмолвки у автора имѣются, такъ онъ недоумѣваетъ, что такое халколиванъ, тогда какъ сложеніе (гибридизація) изъ греч. и евр. корней могло бы ему объяснить слово, какъ бѣлую мѣдь (3 стр.)—халкосъ и лаванъ, съ диссимиляціей ливанъ-леванъ, на стр. 15 рѣчь о *nip energicum*, которое не поставлено въ текстъ авторомъ, на стр. 18 „крылья“ переведено „лучи“ и отнесено не къ правдѣ, а къ солнцу, на стр. 23 археологическая неточность изъ области культа: уголья и куреніе и вѣтъ дня Очищенія всегда приносило одно и то же лицо сразу въ одинъ входъ во Святое, на стр. 30 параллель представило бы запечатлѣніе свитка купчей за поле въ Анафонѣ, сдѣланное Іереміею, на стр. 36 поэтическое названіе луны — бѣлая къ чему то комментируется—лучистая бѣлизна. Однако всѣ вышеуказанные недочеты работы г. Попова не препятствуютъ ей быть весьма хорошимъ кандидатскимъ разсужденіемъ, не ошибается только тотъ, кто не работаетъ, и рецензентъ ожидаетъ, что авторъ при блестящемъ знаніи новыхъ и древнихъ языковъ сможетъ переработать сочиненіе и для полученія слѣдующей ученой степени, а пока его сочиненіе заслуживаетъ оцѣнки полнымъ балломъ (5)“.

б) Экстраординарнаго профессора священника *В. Н. Стрехова*:

„Сочиненіе г. Попова ставитъ своею задачею выясненіе отношенія символическихъ образовъ и языка книги Откровенія Іоанна Богослова къ символикѣ и языку ветхозавѣтной Библии и состоитъ изъ введенія (с. III—XXXVI), самаго изслѣдованія тематическаго вопроса (с. 1—71) и при-

ложения (с. 7—108). Во введеніи авторъ пытается рѣшить нѣкоторые вопросы исагогического характера, имѣющіе отношеніе къ Апокалипсису. Онъ говоритъ здѣсь о независимости Апокалипсиса по содержанію отъ апокалиптической и раввинистической письменности и потомъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о языкѣ Новаго Завѣта вообще, Апокалипсиса— въ частности. Эта часть сочиненія г. Попова представляется излишней. Изложеніе указанныхъ вопросовъ существомъ дѣла не вызывалось, такъ какъ темою, строго лингвистической, отъ автора требовалось освѣтить и выяснить отношеніе символическихъ образовъ Апокалипсиса къ символикѣ ветхозавѣтной. Что касается, въ частности, экскурса въ область новозавѣтнаго языка, то вмѣсто этого было бы, несомнѣнно, важнѣе поставить и рѣшить вопросъ: чѣмъ объяснить бросающійся прямо въ глаза ветхозавѣтный колоритъ Апокалипсиса? Помимо своей ненужности введеніе производитъ непріятное впечатлѣніе еще и тѣмъ, что написано оно тяжелымъ, литературно не отдѣланнымъ языкомъ. Авторъ, видимо, не имѣлъ времени, чтобы придать тяжелымъ переводамъ съ иностранныхъ пособій литературную форму.

Вторая—главная—часть сочиненія г. Попова посвящена изслѣдованію тематическаго вопроса. По своему содержанію эта часть работы г. Попова является вполне удовлетворительной. Видно, что авторъ потратилъ много кропотливаго труда на выясненіе ветхозавѣтныхъ параллелей къ символическимъ образамъ Апокалипсиса. Но и тутъ есть важный недостатокъ, заключающійся въ странномъ методѣ работы г. Попова. Вмѣсто того, чтобы систематизировать встрѣчающіеся въ Апокалипсисѣ ветхозавѣтные образы и картины по типамъ или найти какую-либо идейную схему, г. Поповъ просто выписываетъ въ порядкѣ внѣшней послѣдовательности, т. е. главу за главой, стихъ за стихомъ, греческій текстъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ Апокалипсиса, которые носятъ ветхозавѣтный колоритъ, и къ нимъ прицѣпляетъ ветхозавѣтныя параллели на еврейскомъ языкѣ съ русскимъ ихъ переводомъ. При такомъ методѣ работы отъ этой главной части сочиненія г. Попова совершенно не получается цѣльнаго впечатлѣнія.

Въ приложеніи данъ не всегда удачный и правильный въ

стилистическомъ отношеніи переводъ книги Schlatter'a: Das Alte Testament in der Iohanneischen Apokalypse. Приложение это вызываетъ недоумѣніе: зачѣмъ этотъ переводъ въ кандидатскомъ сочиненіи? Если для увеличенія его объема, то это совершенно излишне. Если для подкрѣпленія сужденій автора словами Schlatter'a, то для этого лучше бы внести соответствующія цитаты изъ Schlatter'a въ главную часть работы г. Попова.

Мое общее впечатлѣніе отъ сочиненія г. Попова такое. Методъ работы г. Попова въ главной ея части неправильный. Языкъ вездѣ тяжелый, литературно не отдѣланный. Что касается содержанія, то съ этой стороны сочиненіе г. Попова представляетъ скорѣе собраніе матеріаловъ къ рѣшенію тематическаго вопроса, чѣмъ строго научное изслѣдованіе. Но эти матеріалы во всякомъ случаѣ свидѣлствуютъ о большомъ трудолюбіи и познаніяхъ г. Попова, что и даетъ рецензенту право на присужденіе г. Попову степени кандидата богословія“.

34) О сочиненіи студента *Пятикрестовскаго Сергѣя* на тему: „Благотворительность и условія ея благотворности“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Тарьева*:

„Въ своемъ сочиненіи авторъ сначала разсуждаетъ о важности вопроса для личности, государства и церкви, затѣмъ опредѣляетъ благотворительность „въ строгомъ смыслѣ слова“, разбираетъ возраженія противъ благотворительности, религіозно-философскія и социально-политическія, и разсматриваетъ благотворность благотворительности личной, государственной и церковной.

Центральная мысль автора — пониманіе благотворительности въ евангельскомъ смыслѣ, въ смыслѣ обнаруженій вдохновенной любви, всецѣло охватывающей человѣка и побуждающей его жертвовать всею своимъ имуществомъ, всею своею жизнью. Христіанскую благотворительность, единственно заслуживающую имя истинной благотворительности, авторъ рѣшительно противопоставляетъ взгляду Кропоткина, который выводитъ благотворительность изъ инстинкта взаимопомощи. Образцы христіанской благотворительности—д-ръ Гаазъ, инокиня Анастасія, вообще, немногіе

избранники. „Только обладающіе даромъ любви (1 Кор. XII, 31—XIII) и могутъ быть названы благотворителями въ собственномъ смыслѣ этого слова“. Всѣ возраженія противъ благотворительности авторъ разсматриваетъ исключительно „съ точки зрѣнія истинной благотворительности“. Ему не стоитъ большого труда сбить съ позиціи такихъ противниковъ состраданія, какъ Леонтьевъ или Ницше, которые возражаютъ во имя красоты, свободы и вдохновенности: онъ показываетъ, что красота, свобода и вдохновенность болѣе всего свойственны христіанской любви. Ему легко удается отмѣтить слабыя стороны въ теоріяхъ соціальной пользы (соціализма) и Крестовоздвиженскаго Трудового Братства. Въ этихъ теоріяхъ слишкомъ много воздается здравому смыслу и слишкомъ мало—вдохновенному творчеству, красотѣ христіанской личности. Аргументація автора въ основномъ весьма сильна, хотя онъ не удерживается въ частностяхъ отъ нѣкоторыхъ рискованныхъ шаговъ. Нельзя не назвать рискованнымъ его сужденія о пользѣ паразитизма. „Что касается интересовъ общества (пишетъ онъ на стр. 50—52), то, увеличивая тунеядство, христіанская благотворительность несомнѣнно увеличиваетъ число паразитовъ на общественномъ организмѣ. Но намъ кажется, что и паразитизмъ имѣетъ иногда положительное значеніе для организма. Для переполненнаго кровью организма паразиты-пиявки оказываютъ благотворное дѣйствіе. Ту же роль пиявокъ можно признать и за паразитизмомъ общественнымъ. Нашъ общественный организмъ несомнѣнно нездоровъ: въ немъ избытокъ жизненной силы. Арміи безработныхъ лучшее тому доказательство. И если бы вся многочисленная армія нищихъ-профессіоналовъ захотѣла работать, то она лишь увеличила бы армію безработныхъ“ и т. д. Эти сужденія крайне слабы, хотя въ послѣдующемъ ихъ парадоксальность значительно смягчается (стр. 52). У автора все направлено къ одной цѣли—выставить красоту христіанской личности и отклонить всѣ возраженія противъ евангельской благотворительности. Такъ онъ подходитъ къ послѣдней формулировкѣ отвѣта на поставленную тему. „Мы—говоритъ онъ—опредѣляемъ благотворительность, какъ добродѣтель, имѣющую своимъ основаніемъ вдохновенную любовь,—то помазаніе, которое учитъ человѣка всему и которое, слѣдовательно, дѣлаетъ ненуж-

ными для благотворителя внѣшнія указанія на какія либо условія благотворности его благотворительности“. По мнѣнію г. Пятикрестовскаго, „для благотворителя внѣшнія условія не имѣютъ существеннаго значенія, и его воодушевленная дѣятельность всегда благотворна, что же касается до внутреннихъ условій, то такое условіе—одно, это любовь, творческое воодушевленіе, которое является собственно условіемъ самой благотворительности“. Далѣе онъ и разсматриваетъ „собственно не условія благотворности благотворительности, но лишь самый процессъ благотворительности и тѣ слѣдствія, которыя¹⁾ протекаютъ для благотворимыхъ отъ этой благотворительности“. Онъ ярко живописуетъ побѣдоносную христіанскую дѣятельность, которая все преодолеваетъ мощью духовной личности, силою любви. Въ послѣднихъ отдѣлахъ своего сочиненія г. Пятикрестовскій говоритъ о благотворительности государственной и благотворительности церковно-общественной. Государственная благотворительность имѣетъ свои специфическія задачи, это— „относительная благотворительность“, но она встрѣчаетъ на своемъ пути почти непреодолимая затрудненія. Равно и церковно-общественная благотворительность отлична отъ евангельской своею организованностью, — „осмотрительностью и осторожностью въ дѣлѣ покаянія“, хотя и здѣсь въ послѣднемъ итогѣ благотворность зависитъ отъ характера дѣйствующихъ лицъ.

Сужденія автора о евангельской любви и христіанской благотворительности безупречны; но отождествленіе благотворительности съ вдохновеннымъ обнаруженіемъ христіанской любви, приводящее къ устраненію самого вопроса о благотворности благотворительности, страдаетъ излишнимъ ригоризмомъ. Онъ упускаетъ изъ вниманія и то, что благотворительность имѣетъ широкое примѣненіе въ жизни и вытекаетъ изъ многихъ мотивовъ, не исключая и тѣхъ, которые указаны у Кропоткина, и то, что вдохновенная христіанская любовь не исчерпываетъ запросовъ соціальной пользы, удовлетвореніе которыхъ, поэтому, остается открытымъ. Критика теоріи Неплюева въ рецензируемомъ сочиненіи неполна: не оцѣнены указанные Неплюевымъ недочеты безсистемной благотворительности, не оцѣнена и относительная полезность организованной благотворительности. Откуда всплываетъ у

самого автора „относительная благотворительность“ государства и „осмотрительная благотворительность“ церковно-общественная? Если эти виды благотворительности имѣютъ для себя оправданіе, то оно коренится въ социальной нейтральности христіанской любви, что и нужно было бы отмѣтить. И когда г. Пятикрестовскій говоритъ о „благотворности благотворительности для самого благотворителя“, то не уклоняется ли онъ отъ надлежащаго смысла благотворности какъ полезности для жизни? Рассмотрѣніе послѣдней не внесло бы значительныхъ измѣненій въ то, что уже имъ написано, но заставило бы его значительно дополнить сказанное имъ. Однако этотъ недостатокъ диссертации вполне искупается восторженнымъ преклоненіемъ автора предъ высотой и мощью христіанской личности, предъ красотой христіанской любви. Своимъ религиозно-этическимъ подъемомъ сочиненіе производитъ благопріятное впечатлѣніе. Все выдаетъ глубоко-заложенные убѣжденія, являющіяся плодомъ и внимательнаго изученія богословской литературы. Также обширна и использованная авторомъ специальная литература. Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ вполне“.

б) И. д. доцента *Θ. К. Андреева*:

„Сочиненіе г. Пятикрестовскаго подкупаетъ своей искренностью, теплотой, хорошей христіанской настроенностью, стремленіемъ дать ясное рѣшеніе поставленнаго вопроса, но, къ сожалѣнію, оно страдаетъ полнымъ отсутствіемъ плана и ненаучностью приемовъ разработки темы. Вопросъ о благотворительности и условіяхъ ея благотворности рѣшается туманно и слишкомъ обще. Почти полное отсутствіе параграфовъ и резюмирующихъ введенія или заключенія еще болѣе затрудняетъ пониманіе мыслей автора. Многочисленные цитаты въ большей части набраны изъ мелкихъ журнальныхъ статей и лишь немногія опираются на солидные ученые авторитеты и первоисточники. Видно, что авторъ одушевленъ темой и старается освѣтить вопросъ какъ можно обстоятельнѣе, но это ему не всегда удается. Такъ идея о „помазанности“ какъ необходимомъ условіи для благотворной благотворительности—глубокая и интересная, но хотѣлось бы видѣть болѣе точную ея характеристику. Отношеніе въ благотворительности началъ личнаго къ общественному;

непосредственнаго къ организованному и ихъ сравнительная цѣнность также не выяснены въ достаточной полнотѣ. Характеристика и критика нѣкоторыхъ исторически осуществленныхъ образцовъ такой „устроенной“ благотворительности (напр. Трудовое Братство Неплюева) интересныѣе и обнаруживаютъ въ авторѣ большую наблюдательность и свободу отъ ходячихъ мнѣній о подобныхъ предпріятіяхъ. Интересно все то, что онъ говоритъ о Ѳ. П. Гаазѣ, княгинѣ Александрѣ Петровнѣ (въ монашествѣ Анастасіи), сестрѣ Варварѣ; но, хотѣлось бы видѣть больше этихъ милыхъ сердцу именъ (совершенно забыть, напр., Даміанъ-де-Вестеръ). Положеніе вопроса о благотворительности въ древней церкви не выяснено (хотя бы по извѣстной автору книгѣ В. Экземплярскаго или по неизвѣстнымъ ему работамъ Ульгорна, Суворова и др., а также по солидному изслѣдованію Зейделя: „Хозяйственно-этическіе взгляды отцовъ Церкви“, недавно появившемуся въ русскомъ переводѣ). Подъ ученіемъ Св. Писанія о томъ же предметѣ авторъ разумѣетъ едва ли не тѣ два изреченія книги Сираха, которыя онъ приводитъ на стр 43 и 66 своей работы: (какъ полагается, невѣрно указывая главы и стихи): „лучше умереть, нежели просить милостыню (40, 29)“ и „благотворительность, какъ рай, полна благословеній (40, 17)“, связать которыя ему не удастся, хотя его разсужденія о психологіи дающаго и принимающаго вдумчивы и тонки.

Недоумѣніе вызываютъ также нѣкоторыя частности работы. Такъ на стр. 17—18 авторъ утверждаетъ рискованное положеніе о пользѣ исключительно внѣшней благотворительности—игры для души того, кто ею занимается. На стр. 19 встрѣчается такая философія „отъ филологин“: для благотворенія, говоритъ авторъ, „нужно вдохновеніе любви, подобное поэтическому вдохновенію (сравни *благотвореніе* и *стихотвореніе*)“. Мы ожидали, что въ дальнѣйшемъ изложеніи, гдѣ вопросъ идетъ объ организованномъ *благотвореніи*, авторъ установитъ несомнѣнную „философическую“ связь послѣдняго и со *столпотвореніемъ*, принимая во вниманіе его чисто гуманистическій характеръ и ту сутолоку, какая обычно бываетъ на благотворительныхъ базарахъ. На стр. 27—28 и 32 авторъ приравниваетъ К. Леонтьева къ Ницше и приписываетъ ему идею чистаго *laisser faire* по отношенію

къ существующему въ мірѣ злу: но несомнѣнно, что хотя чисто эстетическій масштабъ у Леонтьева преобладаетъ надъ всѣми другими способами оцѣнки, однако грубое представленіе о необходимости тѣней для красоты цѣлой картины у него отсутствуетъ. Кратко его мысль по данному вопросу можетъ быть выражена его же словами такъ; „Христось, говоритъ онъ, ставиль милосердіе или доброту *личнымъ идеаломъ*; Онъ не обѣщаль нигдѣ торжества *поголовнаго братства на земномъ шарѣ*... Для такого братства необходимы прежде всего уступки со всѣхъ сторонъ. А есть вещи, которыя *уступать нельзя* (сочиненія, т. 8, стр. 186, курсивъ подлинника)“. Къ послѣднимъ цѣнностямъ онъ относитъ, напр., вѣру, которая всегда будетъ полагать границы между людьми и дѣлать однихъ духовно болѣе богатыми, чѣмъ другихъ, но личному подвигу любви, до положенія души за брата этимъ вовсе не ставится предѣла.

Наконецъ на стр. 87 страшнымъ диссонансомъ въ христіански-одушевленную работу врывается цитата „о пользѣ благотворительности“ изъ Р. В. Трайна. Неужели авторъ не знаетъ, что въ лицѣ этого проповѣдника „могущества челоувѣка“ онъ имѣетъ дѣло съ новѣйшей американской рекламой о „личномъ магнетизмѣ“, „сила внутри Васъ“, или, по терминологіи отцовъ: вѣрнѣйшее руководство для ниспаденія въ „прелесть“? Быть можетъ онъ удовольствовался лишь той — самой послѣдней — страницей книги, гдѣ находится приводимая имъ невозможная цитата объ извоищчѣей лошади, смотрящей „сосредоточеннымъ взглядомъ“ на мимоидущаго „благотворителя“. но если бы онъ заглянулъ повыше, онъ бы встрѣтилъ такіе совѣты: „Слѣдующій опытъ можетъ быть полезенъ многимъ и дать исцѣленіе: со спокойнымъ духомъ и сердцемъ, полнымъ любви ко всему существующему, углубитесь въ себя и сосредоточьте ваши мысли на слѣдующемъ: „Я вступаю въ единеніе съ безконечнымъ Духомъ жизни. Слѣдовательно, я—духъ, духовное существо, а потому моя истинная природа не можетъ подвергаться вліянію болѣзни. Тѣло мое, въ которое вошла уже болѣзнь, я всецѣло предоставляю воздѣйствию этой безконечной жизни, и теперь именно, въ этотъ моментъ, жизнь эта могучимъ потокомъ входитъ въ меня, проникаетъ все мое тѣло,—и процессъ моего исцѣленія совершается. Ду-

майте эти мысли такъ живо, чтобы вы чувствовали, какъ силы вашего тѣла возбуждаютъ въ васъ замѣтную теплоту. Вѣрьте съ непоколебимою твердостью, что въ эту минуту уже начинается цѣлительный процессъ и т. д.“. И все это приправлено библейскими текстами: „Подумайте только и вникните въ глубокий смыслъ этихъ великихъ словъ—„создадимъ человѣка по образу и подобию Божію“. Вѣдь они ясно говорятъ, что человѣкъ—этотъ перлъ творенія — созданъ сопричастнымъ божественной силы и бытія и долженъ быть властителемъ міра — и вдругъ онъ страшится и дрожитъ какого-то легкаго сквозняка“. (Кто, кромѣ американца, могъ бы додуматься до истолкованія образа Божія въ смыслѣ человѣка, не страдающаго насморкомъ!?)—„Раавѣ мы не дѣти одного Отца“, говорилъ І. Христосъ“,—вотъ „ссылка“ на Новый Завѣтъ.—Наконецъ, и та благодѣтельность, которую предлагаетъ Трайнъ, носить специфическія черты его системы: „Я не знаю, говоритъ онъ, болѣе лучшаго образа жизни, какъ одного изъ моихъ друзей. Онъ всегда находится въ такомъ состояніи духа, что безпрестанно посылаетъ всѣмъ свою любовь въ видѣ мыслей: „О міръ, какъ ты прекрасенъ и какъ я люблю тебя“... (Руск. пер.—оч. плохой—„Могущество человѣка“ М. 1908. Стр. 61—62, 67—68, 219, 97. И ссылками на такую-то книгу авторъ подкрѣпляетъ свои — безусловно строго-христіанскіе — взгляды на благодѣтельность!

Что касается чисто литературныхъ и другихъ мелкихъ погрѣшностей, то ихъ въ разсматриваемой работѣ немного: „Такая самоотверженная непрерывная дѣятельность не обща для цѣлаго вида (т. е. подразумѣвается — благодѣтелей) (стр. 25—26)“. На стр. 39 слово „болванъ“ было бы удобнѣе замѣнить словомъ „манекенъ“; „разсыпаться по разнымъ мѣстамъ житейскаго моря (стр. 64)“; „взаимоизгрызаніе изъза микроскопическихъ бездѣлицъ (стр. 73)“; „электризуемый скелеть (стр. 85)“; „человѣкъ (въ лицѣ Фр. Ницше, о. Виктора—на стр. 15 послѣдній именуется: „нѣкій іеромонахъ Викторъ“—и проч.) „справедливо возстааетъ“... (ibid.); „при наличности надежныхъ лицъ (стр. 134)“ и нѣкотор. др.

Но въ цѣломъ, какъ мы уже сказали, работа производитъ хорошее впечатлѣніе, и на нее затрачено не мало труда, поэтому мы считаемъ автора ея достойнымъ искомой степени“.

35) О сочиненіи студента іеромонаха *Максима (Руберовскаго)* на тему: „Исторія русскаго монашества отъ начала его до преп. Сергія“.

а) Ректора Академіи *Епископа Теодора*:

„Авторъ не пытался въ своей работѣ описать, хотя бы кратко, всё существовавшіе въ домонгольской періодъ на Руси монастыри. Его задача другая: на основаніи типичныхъ монастырей указаннаго періода онъ задумалъ нарисовать картину внутренней монастырской жизни въ связи съ церковно-политической жизнью“ (см. XI стр. Введенія). Въ данномъ случаѣ авторъ слѣдовалъ сужденію проф. Казанскаго, что исторія монашества не есть исторія монастырей и въ своемъ сочиненіи старался восполнить тѣ недочеты, кои, по его мнѣнію, присущи труду проф. Казанскаго. Трудъ проф. Казанскаго авторъ называетъ только трудомъ литературнымъ и не признаетъ за нимъ научно-критическаго значенія; „критическаго анализа въ немъ почти нѣтъ и теперь этотъ трудъ уже устарѣлъ“ (стр. XII Введ.). Сообразно своей задачѣ авторъ намѣчаетъ и планъ своей работы: „прежде всего, говоритъ авторъ, я намѣренъ говорить о монашествѣ, перенесенномъ на Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ, о монашествѣ греческомъ, составившемъ на Руси подготовительную ступень къ *національному* (?) русскому монашеству“ и выносить его въ особую главу. Далѣе въ хронологическомъ порядкѣ авторъ предполагаетъ говорить о монашествѣ при преп. Антоніи и Теодосіи Кіево-печерскихъ и объ этомъ монастырѣ—разсадникѣ монашества, а о другихъ монастыряхъ юго-западной Руси авторъ находитъ возможнымъ по указаннымъ выше соображеніямъ опустить. Сѣверное монашество съ его своеобразными формами авторъ дѣлаетъ дальнѣйшей задачей своего труда въ связи съ вопросами о просвѣтительной и колонизаціонной дѣятельности монастырей. Въ заключеніе своего труда авторъ предположилъ сказать нѣчто о служеніи монаховъ въ качествѣ высшихъ іерархическихъ лицъ и нарисовать идеаль монашества, прослѣдивъ его приложеніе къ жизни (XV—XVI стр. Введ.). Какъ можно видѣть, задача и самый планъ работы вполне опредѣляютъ самое ея существо и обезпечиваютъ ея серіозно-научный характеръ, конечно только подъ условіемъ научно-серіознаго

ихъ выполненія. Послѣдняго трудно конечно ожидать отъ студенческой работы, основанной не на первоисточникахъ, а на матеріалѣ, взятомъ изъ вторыхъ рукъ, матеріалѣ обильномъ и разностороннемъ, который нужно было не только пересмотрѣть, но изучить и привести въ какое-либо единство опредѣленнаго взгляда, а для этого, конечно, требуется и времени болѣе, нежели было въ распоряженіи автора. Автору можно въ извѣстную заслугу поставить уже и то, что онъ собралъ и просмотрѣлъ очень большую литературу по вопросу своего труда, не чуждался и специальныхъ памятниковъ старины (см. на стр. 203.—208 перечень источниковъ и пособій). Все сочиненіе автора состоитъ изъ Введенія и 8 слѣдующихъ главъ: 1 гл. Монашество до преп. Антонія и Θεодосія печерскихъ 1—24 стр. 2 гл. Монашество со времени основанія Кіево-печерской обители до упадка послѣдней 25—110 стр.; 3 гл. Монашество въ Новгородской землѣ 111—122; 4 гл. Монашество Сѣверо-восточное 122—134 стр.; 5 гл. Монашеская колонизація 134—151 стр.; 6 гл. Просвѣщеніе 151—160 стр. 7 гл. Печалованіе 161—178 стр. и 8-я гл. Идеалы монашества 179—202 стр. Признавая въ общемъ обработку и изложеніе научнаго матеріала въ этихъ главахъ вполне удовлетворительными, сдѣлаемъ по поводу ихъ нѣсколько частныхъ замѣчаній. Во Введеніи авторъ между прочимъ говоритъ, что подобно каждому человѣку въ отдѣльности и каждому народу, переживающему въ своемъ историческомъ развитіи періоды дѣтства, юношества и зрѣлаго возраста, и монашество проходитъ эту школу (вѣроятно скалу) развитія. Въ исторіи русскаго монашества такимъ періодомъ дѣтства авторъ считаетъ состояніе его „изъ начала“ возникновенія до времени преп. Сергія (1 стр. Введ.). Что-же можетъ значить это „дѣтское“ состояніе русскаго монашества и какое основное содержаніе этого понятія? Авторъ указываетъ только одно: „характеръ монастырской жизни на Руси за это время болѣе по-преимуществу городской“ (2 стр.); „всѣ монастыри возникали въ городахъ или подъ ихъ стѣнами“ (ibid). Въ отличіе отъ сего „на Востокъ, въ средѣ устарѣвшаго и уже отжившаго свою исторію народа (?), Византія не представляла удобной почвы для достиженія путемъ подвижничества полного душевнаго спасенія, необходимо было уйти изъ этого испорченнаго міра и удалиться

въ уединеніе“... (Ш стр.). „У насъ съ заботами о своемъ спасеніи, продолжаетъ авторъ, монахи соединяли труды по возрожденію и исправленію общественной нравственности, а тамъ цѣлю жизни было личное спасеніе; поэтому монахи наши лишь только монахи-подвижники, а не аскеты“ (3 стр.). Такимъ образомъ въ концѣ концовъ „дѣтство“ русскаго монашества отъ „зрѣлаго возраста“ восточнаго монашества отличается по мысли нашего автора только тѣмъ, что первое есть только „подвижничество“ съ нравственнымъ воздѣйствіемъ на жизнь, а второе есть „аскетизмъ“ съ задачей личнаго спасенія. Сужденіе болѣе, чѣмъ наивное. Неужели задача нашего подвижничества была иная, нежели восточнаго? Развѣ наши монахи-подвижники не имѣли въ виду личное спасеніе и не для этого личнаго спасенія удалялись въ монастыри и ихъ строили? Вѣдь и задача христіанства ничто иное, какъ личное спасеніе. Родство духовное нашего монашества съ восточнымъ нужно признавать уже и потому одному, что оно имѣетъ свой корень на Востокѣ. Самъ авторъ признаетъ это и первую главу своего сочиненія начинается такими словами: „монашество не русское *изобрѣтеніе*, оно перешло къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанствомъ“ (1 гл. I). Почему авторъ считаетъ монашество „изобрѣтеніемъ“ и почему онъ въ приложеніи къ монашеству счелъ за лучшее *изобрѣсти* свою терминологію, — не понятно. Впрочемъ общій очеркъ положенія монашества до преп. Антонія и Феодосія сдѣланъ толково и даже научно въ смыслѣ знакомства съ литературой предмета. Тоже можно сказать и о 2-й главѣ, въ которой авторъ кратко перечисляетъ игуменовъ Кіево-Печерской лавры при разныхъ русскихъ князьяхъ и значеніе этой обители при указанныхъ князьяхъ для жизни общественной. Очевидно здѣсь авторъ старался раскрыть свою основную идею, что періодъ дѣтства русскаго монашества характеризовался служеніемъ его обществу. Мы не согласны съ нѣкоторыми положеніями, высказанными авторомъ въ этой главѣ; напр. на стр. 53-й авторъ говоритъ, что „стремленіе къ монашеству предполагаетъ уже извѣстную культурную христіанскую ступень, какой мы не видимъ въ тогдашнемъ среднемъ русскомъ человѣкѣ“. Что же это за ступень и развѣ въ монахи не шли простецы и средніе люди? На стр. 56-й авторъ говоритъ, что

„исторія Печерскаго монастыря есть исторія различныхъ пожертвованій монастырю“. Кто же такъ понимаетъ исторію этого монастыря, самъ авторъ или кто другой? Очевидно, онъ самъ, такъ какъ на стр. 62-й онъ самъ заявляетъ, что „религіозную сторону дѣятельности, развитіе монашескаго благочестія онъ оставляетъ въ сторонѣ“. Конечно, это и нужно поставить автору въ значительный минусъ его работы.

Автору нужно было остановиться на личности преп. Антонія и Феодосія и изъ нихъ освѣтить тогдашнее русское монашество, а онъ описалъ ихъ очень внѣшне. Этотъ характеръ внѣшняго описанія присущъ и слѣдующимъ главамъ сочиненія, гдѣ авторъ говоритъ о монашествѣ въ Новгородской землѣ, о Сѣверо-Восточномъ монашествѣ, о просвѣщеніи, о печалованіи, объ идеалахъ монашества, или вѣрнѣе не объ идеалахъ, а о характерѣ жизни; вездѣ авторъ мало обращаетъ вниманія на духовную сторону монашества.

Языкъ у него по мѣстамъ своеобразный, доморощенный, не литературный, напр. стр. 80 („они, говоря географически, занимали...“), 83 („славянизация Сѣв. - Вост. Руси“); 87 („исцѣленія пастырскаго, а не медицинскаго характера“); 99, 104, 134 („если не считать случаевъ церковныхъ функцій“) („когда лопнула надежда на свои силы“) и др.

Однако указанные недостатки сочиненія не обезцѣнивають труда автора, труда серьезнаго, усерднаго и очень полезнаго въ нашей исторической наукѣ, безспорно дающаго автору право на полученіе имъ степени кандидата богословія“.

б) И. д. доцента *іеромонаха Пантелеимона (Успенскаго)*:

Для разработки своей темы скудные свѣдѣнія о Максимѣ собралъ изъ тѣхъ печатныхъ источниковъ и пособій, какія нашель въ нашей Академической библіотекѣ. Разумѣется, онъ не могъ самостоятельно ознакомиться съ тѣми письменными и вещественными памятниками, несомнѣнно, имѣющимися въ древне-русскихъ монастыряхъ, которые могли бы пролить свѣтъ на состояніе русскаго монашества въ древнѣйшій его періодъ. Авторъ упоминаетъ о своей попыткѣ, хотя и безрезультатной, найти что-либо для своей темы въ библіотекахъ Московскихъ музеевъ и Епархіальнаго дома. Имѣющийся же подъ руками матеріаль о Максимѣ въ достаточной мѣрѣ изучилъ и изложилъ довольно подробно и

обстоятельно (разсматриваемое сочиненіе заключаетъ въ себѣ XVI—208 стр. мелкаго и убористаго письма).

Послѣ не очень пространнаго введенія авторъ говоритъ о насажденіи и распространеніи монашества на Руси, довольно подробно излагаетъ исторію Кіево-Печерскаго монастыря съ внѣшней и внутренней стороны, кратко (по скудости свѣдѣній) описываетъ сѣверно-русское монашество (Псковско-Новгородское, Владиміро-Суздальское и Полоцко-Смоленское) въ лицѣ его важнѣйшихъ монастырей и подвижниковъ; затѣмъ слѣдуютъ главы о колонизаціи монашества, просвѣщеніи и печалованіи, уясняющія значеніе монашества для древней Руси въ гражданско-политическомъ, религіозно нравственномъ и литературно-просвѣтительномъ отношеніи; нарисовавъ, наконецъ, идеаль монашества и указавъ отступленія отъ него, авторъ дѣлаетъ заключительный выводъ изъ своей работы и говоритъ нѣчто въ защиту современнаго монашества. Таково общее содержаніе работы о. Максима.

Хорошо дѣлаетъ авторъ въ томъ случаѣ, когда въ началѣ сочиненія пытается дать критическую оцѣнку труду проф. Казанскаго, посвященному исторіи русскаго монашества отъ XI до XIV вѣка, указывая его достоинства и недостатки. (XII—XIV стр.). Но напрасно бы мы стали искать критическаго отношенія къ пособіямъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. У свѣтскихъ историковъ авторъ заимствуетъ не только ихъ взгляды и детальную разработку вопроса, но отчасти даже и выраженія. Непродуманное слѣдованіе пособіямъ повлекло автора къ слѣдующимъ ошибкамъ. Во-первыхъ, онъ высказываетъ неглубокій, довольно внѣшній взглядъ на монашество. Впрочемъ и собственныя сужденія автора о монашествѣ не отличаются глубиною (стр. III, XVI, 6, 53 и др.). Во-вторыхъ, въ сочиненіи можно встрѣтить противорѣчія. Напримѣръ, на стр. 2 и 111 говорится о томъ, что восточно-византійское монашество прекрасно привилось и акклиматизировалось на сѣверно-русской почвѣ, а на стр. 182 высказывается діаметрально - противоположное сужденіе. Въ-третьихъ, напрасно авторъ слѣдуетъ тѣмъ историкамъ, которые стараются почему-то рѣзко разграничить византійское и древне-русское монашество, идеаль перваго рисуя, какъ попеченіе исключительно о своемъ личномъ спасеніи,

а древне-русскихъ монаховъ своеобразно идеализируя и представляя въ видѣ какихъ-то социальныхъ и культурныхъ дѣятелей, стоящихъ въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ міромъ (стр. III, 28, 104, 183). Ни византійское монашество никогда не служило исключительно личному спасенію, ни древне-русское отнюдь не полагало во главу угла социально-культурной дѣятельности. Въ-четвертыхъ, на основаніи нѣкоторыхъ свидѣтельствъ Кіево-Печерскаго патерика и нѣкоторыхъ лѣтописныхъ данныхъ дѣлаются не вполне основательные выводы и заключенія (стр. 79, 87, 184, 191, 194—196). Особенно неприятно было читать тѣ мѣста, гдѣ авторъ безъ разбора слѣдуетъ рационалистическимъ тенденціямъ нѣкоторыхъ авторовъ. Онъ повторяетъ, напримѣръ, мнѣніе извѣстнаго историка русской Церкви о томъ, что нетлѣніе мощей Кіево-Печерскихъ святыхъ обусловлено-де, очевидно, свойствомъ Кіевскихъ пещеръ и вліяніемъ воздуха (стр. 97). На стр. 92—93 авторъ даетъ совершенно произвольное (заимствованное, конечно) объясненіе одного чуда, о которомъ разсказывается въ житіи преп. Прохора Печерскаго.

Подражательностію работы объясняется и то, что по нѣкоторымъ вопросамъ авторъ безъ нужды слишкомъ распространяется (по вопросу о колонизаціи русскаго сѣвера и о „печалованіи“ главнымъ образомъ древне-русскаго *высшаго духовенства*, а не монашества...), а по нѣкоторымъ и притомъ существеннымъ для темы пунктамъ авторъ дѣлаетъ лишь краткія упоминанія. Такъ, о Максимѣ, говоря о затворѣ и юродствѣ, не даетъ однако полной и законченной картины высокой нравственно-аскетической жизни первыхъ насельниковъ Кіево-Печерскаго монастыря. О введеніи преп. Θεодосіемъ формъ греческаго монашества и Студійскаго устава авторъ дѣлаетъ только бѣглое упоминаніе, не объясняя, откуда и какимъ образомъ онъ могъ ихъ заимствовать (стр. 32, 36). Почти ничего въ сочиненіи не сказано о состояніи монастырскаго богослуженія и пр.

Стиль разсматриваемаго сочиненія также свидѣтельствуетъ о подражаніи свѣтскимъ историкамъ, напримѣръ, на стр. 30 читаемъ: „Вся жизнь Θεодосія до поступленія его въ монастырь проходитъ въ непрерывной тяжелой борьбѣ съ семейнымъ началомъ“ (т. е. съ матерью). См. еще стр. 49—50, 83, 100, 135 и др. Собственный же стиль автора далеко не

отличается красотой и изяществомъ, а иногда и ясностію (стр. XII, XIV, 1, 18, 60, 80, 99, 104 и др.). Изъ другихъ частныхъ недостатковъ въ работѣ слѣдуетъ указать на отсутствіе оглавленія и раздѣльности въ текстѣ (т. е. авторъ нигдѣ почти новыхъ мыслей не начинается съ новой строки) и на неточную цитацію. О послѣдней слѣдуетъ сказать, что авторъ не называетъ иногда книги или статьи въ журналѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не указываетъ страницы, а мѣста и годъ изданія не обозначены въ цитатахъ ни разу, что безусловно необходимо было сдѣлать для повторенныхъ изданій (стр. II, VII, X, 5, 9, 13, 26—28, 84, 136, 148, 152, 180 и др.).

“ Какъ бы то ни было, о. Максимъ отнесся къ своей работѣ довольно внимательно и добросовѣстно и для составленія курсового сочиненія приложилъ значительное стараніе и усидчивость; разработка взятой имъ темы, несомнѣнно, дала ему много полезныхъ свѣдѣній и сообщила навыкъ разбираться въ дѣтописныхъ и житійныхъ матеріалахъ; поэтому для искомой степени разсматриваемое сочиненіе должно быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ“.

36) О сочиненіи студента *іеромонаха Герасима (Садковскаго)* на тему: „Христіанство въ пониманіи восточныхъ аскетовъ. (Опытъ систематизаціи идей подвижничества IV вѣка“.

а) Ректора Академіи *Епископа Теодора*:

„Въ дѣйствительности авторъ сокращаетъ трудъ изученія св. отцовъ аскетовъ IV вѣка до изученія только наиболѣе извѣстныхъ: преп. Антонія В., Макарія В., преп. Ефрема Сирина, св. Аѳанасія Александр. Ихъ онъ видимо читалъ усердно, ихъ онъ и цитируетъ усердно, ихъ словами по преимуществу и пишетъ свое сочиненіе. И конечно писать о вещахъ столь важныхъ, какъ воплощеніе Господа І. Христа, Тайна Св. Троицы, промышленности о мірѣ, тайна спасенія во Христѣ и прочіе духовные предметы, гораздо лучше словами духоносныхъ отцовъ, нежели языкомъ нашихъ учебниковъ, языкомъ „плотскихъ“ словъ и понятій, совершенно не характерныхъ и не выражающихъ существа духовныхъ предметовъ. Мы бы сказали, что въ этой особенності сочи-

ненія его красота, а въ умѣнїи выбирать лучшее изъ всего прекраснаго, что есть у святыхъ отцовъ, его особая цѣнность, характеризующая въ авторѣ способность хорошо оцѣнивать и взвѣшивать тотъ матеріаль, съ которымъ ему пришлось имѣть дѣло. Все сочиненіе, очень небольшое по числу страницъ (162 писанныхъ страницы), состоитъ изъ 3-хъ главъ и предисловія. Установивъ въ предисловіи точку зрѣнія на задачу и предметъ своей работы (стр. 11 — 12), авторъ 1-ю главу (1 — 54 стр.) посвящаетъ раскрытію основного пункта въ христіанствѣ—воплощенія Господа І. Христа—какъ понимался онъ у аскетовъ. Здѣсь совершенно правильно, въ духѣ святоотеческаго ученія, утверждается мысль, что христіанство есть „великая тайна“, тайна не какого-либо новаго, великаго ученія, а тайна новой жизни и новаго бытія для человѣка и потому воспріятіе и отношеніе къ христіанству должно быть жизненное, а не теоретическое. Раскрытіе этой основной мысли о христіанствѣ, какъ тайнѣ новой жизни, у автора слагается изъ уясненія вопроса о грѣхопаденіи человѣка со стороны нравственно-психологической или антропологической. Отсюда у него уясняется необходимость самаго воплощенія Господа І. Христа для спасенія, сущность и смыслъ этого воплощенія и существо спасенія и новой жизни во Христѣ. Всѣ эти вопросы раскрываются у него не только въ духѣ и на почвѣ святоотеческой мысли, но и въ изложеніи святоотеческомъ. Это и понятно, такъ какъ авторъ устанавливаетъ и выясняетъ не свою, а святоотеческую мысль на указанные пункты христіанскаго ученія. Приходится только жалѣть, что онъ дѣлаетъ все это очень конспективно, вѣрнѣе набросками, и глубокую систему христіанства, какъ она сложилась въ святоотеческомъ мышленіи, обращаетъ въ схему только глубокихъ мыслей. Мы бы даже сказали, что самая основная мысль и этой 1-й главы, и всего сочиненія, что христіанство по воззрѣнію св. отцовъ есть главнымъ образомъ новая жизнь и новая сила бытія, недостаточно раскрыта. А между тѣмъ у него II-я глава начинается такъ, что предполагаетъ эту мысль уже вполнѣ раскрытой и обоснованной. Авторъ въ ней (II-й гл.) говоритъ объ отношеніи о.о. аскетовъ къ догматической сторонѣ христіанства и утверждаетъ, что они очень мало касались этой стороны христіанства въ смыслѣ чисто теоретическаго

раскрытія пунктовъ христіанскаго вѣроученія. Это вытекало у нихъ изъ основнаго взгляда ихъ на христіанство, какъ на жизнь, почему они и направляли все вниманіе къ тому, чтобы устроить свою жизнь на началахъ христіанства, а не воплотить христіанство въ догматическихъ системахъ (54—55). У автора эта глава собственно должна имѣть двойное значеніе: она является какъ бы и выводомъ изъ общаго утвержденія (1 гл.) его о св. отцахъ, что они относились жизненно къ христіанству, и въ то же время она должна какъ бы иллюстрировать эту его основную мысль и не только иллюстрировать, но и давать обоснованіе ей. Эта глава при такомъ положеніи имѣетъ существенное значеніе для сочиненія, а между тѣмъ она очень кратка (54—93 стр.) и авторъ какъ бы мимоходомъ говоритъ объ отношеніи св. о.о. аскетовъ къ еретикамъ разнаго рода, указывая въ этомъ самомъ общій ихъ (св. отцовъ) характеръ отношенія къ догматическимъ вопросамъ. „Сочиненія, въ которыхъ св. о.о. аскеты касаются еретическихъ заблужденій, говоритъ авторъ, написаны болѣе въ видѣ благоговѣйныхъ размышленій объ истинахъ, подвергаемыхъ сомнѣнію, нежели въ видѣ изслѣдованій чисто догматическихъ“ (57 стр.). Тонъ сочиненій и приемы конечно еще не могутъ уяснить самаго характера раскрытія извѣстнаго вопроса, вотъ почему и у о.о. аскетовъ раскрытіе нѣкоторыхъ догматическихъ истинъ сдѣлано очень глубоко, авторъ самъ же цитируетъ св. Аванасія Ал. Конечно мы не отрицаемъ того, что авторъ говоритъ о характерѣ отношенія св. о.о. аскетовъ къ догматической сторонѣ христіанства; все это вѣрно и болѣе того: желательно, чтобы онъ раскрылъ это обстоятельнѣе. Третью главу сочиненія, самую большую (93—162), авторъ посвящаетъ вопросу о жизненномъ воплощеніи христіанства. Вкратцѣ здѣсь излагается христіанская святоотеческая аскетика въ ея основныхъ принципахъ. Она написана авторомъ съ глубокимъ чувствомъ личной религіозной настроенности и пониманія духа христіанской аскетики и читается съ интересомъ.

Хочется отъ души пожелать автору, чтобы онъ не бросалъ пера и употребилъ свои богатые духовныя дарованія на серьезную работу въ той области, которая ему самому по душѣ, и даль серьезно продуманную и обстоятельно рас-

крытую систему христіанскаго святоотеческаго міровоззрѣнія, какъ оно выразилось въ писаніяхъ аскетовъ.

Степени кандидата богословія онъ вполне заслуживаетъ“,

б) Инспектора Академіи *архимандрита Иларіона*:

„Сочиненіе іеромонаха Герасима написано на весьма интересную тему. Идеи аскетовъ чаще разсматриваются отдѣльно и обособленно отъ общихъ ихъ взглядовъ; въ сочиненіи о. Герасима идеи специально подвижническія поставлены въ связь съ обще-догматическими взглядами аскетовъ, по писаніямъ аскетовъ характеризуется христіанство не только какъ подвижническая жизнь, но и какъ опредѣленная система догматическихъ воззрѣній. Сочиненіе написано на основаніи тщательнаго чтенія твореній преп. Макарія Египетскаго, преп. Ефрема Сирина и др. о.о. подвижниковъ. Та свобода, съ которой авторъ приводитъ слова аскетовъ, обиліе выдержекъ и цитатъ достаточно показываютъ, что съ твореніями аскетовъ авторъ познакомился хорошо, такъ что его небольшое сравнительно сочиненіе (162 стр.—около 100 печатныхъ) содержитъ въ себѣ самое существенное и наиболѣе характерное изъ аскетическихъ твореній, а не представляетъ случайнаго набора первыхъ попавшихся словъ и разсужденій. Съ матеріальной стороны сочиненіе заслуживаетъ полнаго одобренія, но со стороны формальной автору можно сдѣлать не мало упрековъ.

У автора нѣтъ никакого оглавленія и нѣтъ надписанія каждой отдѣльной главы. Въ первой главѣ онъ (стр. 13—54) излагаетъ христологию и сотериологию преимущественно по твореніямъ Ефрема Сирина; во второй (стр. 54—92) догматическіе взгляды свв. о.о. аскетовъ, въ третьей (стр. 93—162) антропологию и аскетику. Большое недоумѣніе возбуждаетъ глава вторая. Непонятно, почему догматическія воззрѣнія отцевъ потребовалось въ изложеніи отдѣлить отъ христологии и сотериологии. Изложивъ христологию и сотериологию, авторъ на стр. 53 восклицаетъ: Вотъ христіанство! А что же въ такомъ случаѣ во второй главѣ? Тоже христіанство? Или другое что? Здѣсь авторъ пишетъ (стр. 55—66) объ отношеніи отцевъ къ богословскимъ разсужденіямъ, объ отношеніи ихъ къ еретикамъ (стр. 67—75), затѣмъ переходитъ

къ изложенію ихъ догматическихъ взглядовъ, при чемъ начинается (стр. 76) опять съ воплощенія и продолжаетъ (стр. 77) воскресеніемъ. Вдругъ читаемъ: „Особенно хорошо преп. Ефремъ рассуждаетъ о бытіи Божьемъ и о Богѣ“ (стр. 77). Читаемъ дальше о Богѣ, Троичномъ въ Лицахъ (стр. 81), о Лицѣ Сына Божія (стр. 84. Но вѣдь это опять христология!), о Духѣ Святомъ (стр. 85). Это все излагалось по преп. Ефрему. Дальше авторъ касается ученія другихъ аскетовъ и на стр. 89—92 даетъ какъ бы оглавленіе или перечень того, чему учили св. аскеты, но какъ учили,—этого не видно. Напр., авторъ пишетъ такъ: „Преп. Макарій упоминаетъ въ своихъ писаніяхъ и о св. Троицѣ, и о воплощеніи Христа, и о искупленіи людей отъ власти діавола, и о Св. Духѣ, говоритъ онъ намъ о благодати, объ ангелахъ, о воскресеніи мертвыхъ, о демонахъ. У него встрѣчаются рассужденія о свойствахъ Божіихъ“ (Вотъ такъ послѣдовательность! Послѣ демоновъ о свойствахъ Божіихъ!). Послѣ каждого слова здѣсь видимъ цифровыя цитаты на творенія преп. Макарія и только. Вообще, думается, содержаніе второй главы могло быть безъ остатка и съ немалой пользой раздѣлено между предисловіемъ и первой главой.

Относительно метода работы слѣдуетъ сказать, что авторъ излагаетъ, но не изслѣдуетъ. На стр. 57 авторъ пишетъ о твореніяхъ преп. Ефрема, что они „написаны болѣе въ видѣ благоговѣйныхъ размышленій объ истинахъ, подвергаемыхъ еретиками сомнѣнію, нежели въ видѣ изслѣдованій чисто догматическихъ“. Но очевидно то же самое можно сказать и о сочиненіи о. Герасима, излагающаго взгляды преп. Ефрема преимущественно его собственными словами. Вѣдь христология и сотеріология аскетовъ не есть что-либо самобытное, а у о. Герасима все внѣ времени и пространства. Зависитъ это, конечно, отъ недостаточной его освѣдомленности въ исторіи догматическихъ ученій вообще. У аскетовъ многое лишь въ намекахъ, которые понятны тому, кто знаетъ типичныхъ выразителей того или иного мнѣнія. Авторъ не замѣчаетъ, напр., слѣдовъ такъ называемой „теоріи оболщенія“. Незнакомство съ исторіей догматическихъ терминовъ вноситъ иногда неотчетливость въ изложеніе. Терминъ искупленіе, напр., употребляется авторомъ въ разныхъ смыслахъ:

то разумѣется искупленіе отъ власти діавола, то избавленіе отъ грѣха, то даже „искупленіе отъ грѣха, проклятія и смерти“. Этотъ послѣдній неудачный терминъ вносится въ систему воззрѣній аскетовъ.

Изложенію автора нельзя не пожелать болѣе строгой логической отдѣлки; сочиненію не достааетъ послѣдней строгой редакціи. Вотъ почему у автора встрѣчаются повторенія, иногда буквальные, одного и того же (см. стр. 27—30 и 42—45; 63 и 66; 57, 75 и 85), въ послѣдовательно текуція разсужденія эпизодически вставляются мысли инородныя (напр., стр. 29, 31), есть и противорѣчія, напр., по вопросу объ участіи аскетовъ въ церковной жизни (стр. 55 срвн. стр. 56 и 67). Мѣстами можно отмѣтить непослѣдовательность аргументаціи. Авторъ, напр., пишетъ, что по взгляду аскетовъ послушаніе Церкви есть критерій истины (стр. 64, 76), но въ подтвержденіе приводитъ слова Ефрема Сирина: „Есть у насъ путь въ Божественныхъ Писаніяхъ, такъ и пойдѣмъ симъ путемъ съ вѣрою“ и т. д. (стр. 65).

Впрочемъ въ стилистическомъ отношеніи сочиненіе автора безупречно. Правда, собственныхъ словъ и разсужденій въ сочиненіи очень мало; больше выдержки изъ святоотеческихъ писаній. Но авторъ часто выдержки приводитъ не буквально, а передаетъ содержаніе и дѣлаетъ это хорошо. Можно пожелать лишь большей сжатости. У автора много приводится просто восклицаній и лирическихъ изліяній аскетовъ, автора же должны больше интересовать разсужденія и мысли. Тѣмъ не менѣе необдуманныхъ и неосторожныхъ выраженій въ сочиненіи о. Герасима встрѣчается не мало. „Для спасенія человѣка на землю сошелъ Господь Іисусъ Христосъ“ (стр. 21). „Дѣло воплощенія Христа (стр. 22). „По церковному разумѣнію исходной точкой христіанства является грѣхопаденіе человѣка“ (стр. 14, 53). „Святые отцы исходнымъ пунктомъ христіанской жизни считаютъ грѣхопаденіе человѣка и желаніе имъ спасенія“ (стр. 102—103).

Всѣ отмѣченные недостатки сочиненія объясняются, думается, недостаткомъ вниманія автора къ своему сочиненію, но не недостаткомъ времени, на который совершенно напрасно жалуется авторъ (стр. 93). Онъ больше вниманія удѣлитъ изученію аскетическихъ твореній и меньше ихъ на-

учному изслѣдованію и систематическому изложенію въ сочиненіи, а также и самой научно-литературной обработкѣ сочиненія. Ознакомленіе съ аскетической литературой несомнѣнно не останется безслѣднымъ въ богословскомъ развитіи о. Герасима и его собственной монашеской жизни. За это ручается его любовь къ аскетическимъ писаніямъ и преклоненіе предъ отцами-аскетами. Содержательность сочиненія и стройность его изложенія въ первой и третьей главахъ являются достаточнымъ основаніемъ для присужденія іеромонаху Герасиму степени кандидата богословія“.

37) О сочиненіи студента *Сергіевскаго Николая* на тему: „Дѣятели на поприщѣ изученія древне-русской письменности, вышедшіе изъ Московской Духовной Академіи“.

а) Экстраординарнаго профессора *Н. Л. Туницкаго*:

„Московской духовной академіи, какъ извѣстно, принадлежитъ весьма почетное мѣсто въ исторіи научной разработки древне-русской письменности. Этой области посвятили свои труды и нѣкоторые, извѣстные своими славными именами, наставники академіи, и нѣкоторые ея бывшіе питомцы, проходившіе свой жизненный путь на другихъ поприщахъ. Приближающійся столѣтній юбилей академіи дѣлаетъ своевременнымъ и весьма поучительнымъ вспомнить имена этихъ тружениковъ и опредѣлить размѣры и значеніе ихъ богатаго вклада въ науку исторіи древне-русской литературы. Разумѣется, вся совокупность относящагося сюда матеріала отличается значительнымъ обиліемъ, разнообразіемъ и сложностью. Но обобщающая обработка его представляется вполне возможной и осуществимой въ рамкахъ годичной кандидатской работы, потому что почти всѣ дѣятели на поприщѣ изученія древне-русской письменности и всѣ важнѣйшіе труды ихъ уже нашли себѣ оцѣнку и въ критической, и въ біографической, и въ исторической литературѣ. Въ настоящее время встаютъ на очередь вопросы о томъ, какими условіями возбуждался въ Московской академіи интересъ къ разысканіямъ и изученію памятниковъ русской письменности, существовалъ ли этотъ интересъ въ видѣ опредѣленной академической традиции, или въ отдѣльныхъ случаяхъ

онъ былъ дѣломъ личнаго почина, насколько великъ удѣльный вѣсъ всѣхъ соотвѣствующихъ трудовъ, выросшихъ въ стѣнахъ академіи или подъ ея воспитывающимъ вліяніемъ. Этими вопросами опредѣлялся интересъ темы и должно было опредѣляться направленіе ея разработки.

Авторъ разсматриваемаго сочиненія, можетъ быть вслѣдствіе отсутствія у него ориентирующаго читателей вступленія, не ставитъ себѣ всѣхъ этихъ вопросовъ опредѣленно, но они чувствуются скрытыми у него во всемъ содержаніи его сочиненія. Оно состоитъ изъ семи главъ. *Первая глава* имѣетъ аляповатое заглавіе съ довольно расплывчатымъ смысломъ: „Историческія науки, какъ факторъ возникновенія интереса къ древне-русской письменности въ Московской Духовной Академіи“ (стр. 1). Однако, эта глава въ общемъ вѣрно обрисовываетъ исторію возникновенія научныхъ интересовъ къ древне-русской письменности въ Россіи и въ частности въ Московской академіи, при чемъ совершенно справедливо историко-литературная традиція академіи возводится къ тому направленію академической науки, которое ведетъ свое начало отъ преосв. Филарета Гумилевскаго и А. В. Горскаго и которое характеризуется стремленіемъ къ критическому изслѣдованію первоисточниковъ науки. *Вторая глава* посвящена преосв. Филарету. Къ сожалѣнію, здѣсь авторъ говоритъ больше о Филаретѣ, какъ историкѣ вообще, чѣмъ спеціальнѣе о его трудахъ въ области древней письменности. Онъ даже совсѣмъ не упоминаетъ о сочиненіи Филарета „Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители“, имѣющемъ большое значеніе какъ по важности вопроса о первоучителяхъ для исторіи древней письменности, такъ и по разнообразнымъ справкамъ, попутно приведеннымъ преосв. Филаретомъ въ примѣчаніяхъ. *Третья глава* посвящена А. В. Горскому, научная дѣятельность котораго характеризуется авторомъ со стороны критическаго и объективнаго направленія ея. Съ особенной тщательностью разсмотрѣны открытіе А. В. Горскимъ т. н. „паннонскихъ житій“ и трудъ его по описанію славянскихъ и русскихъ рукописей Синодальной бібліотеки. Въ этой главѣ, между прочимъ, авторъ говоритъ объ обращеніяхъ къ Горскому за ученой помощью со стороны современныхъ ему изслѣдователей и упоминаетъ при этомъ имена преосв. Филарета и

проф. М. П. Погодина. Но въ архивѣ Горскаго, поступившемъ въ библіотеку нашей академіи, хранятся письма цѣлаго ряда другихъ ученыхъ специалистовъ, постоянно искавшихъ себѣ въ обширномъ запасѣ познаній Горскаго указаній, разъясненій, помощи, сотрудничества. Имѣемъ въ виду письма Ѳ. И. Буслаева, О. М. Бодянскаго, Н. С. Тихоновова, И. И. Средневскаго, И. П. Сахарова, А. Ѳ. Гильфердинга и др. Эти письма могли бы значительно расширить кругозоръ изслѣдователя. Съ другой стороны, по справедливости высоко оцѣнивая значеніе классическаго „Описанія рукописей Синодальной библіотеки“, авторъ склоненъ умалять значеніе послѣдующихъ аналогичныхъ работъ другихъ ученыхъ. Но въ послѣднее время цѣлый рядъ русскихъ книгохранилищъ нашелъ себѣ описателей, которые являются достойными продолжателями традиціи Горскаго и Невоструева, и въ частности нѣкоторые отдѣлы Синодальной библіотеки вѣроятно описаны ея нынѣшнимъ почтеннымъ библиотекаремъ Н. П. Поповымъ. Въ *четвертой главѣ* идетъ рѣчь о К. И. Невоструевѣ. Ростъ его научныхъ интересовъ прослѣженъ въ связи съ данными его біографіи. Достоинство его научныхъ трудовъ оцѣнено вполнѣ правильно, но мы не можемъ согласиться съ г. Сергіевскимъ, будто, приступая къ описанію рукописей Синодальной библіотеки, по пріѣздѣ въ Москву изъ Симбирска, К. И. Невоструевъ обладалъ лишь „элементарными научными познаніями“ (стр. 186). Авторъ принялъ изъясненія присущей Невоструеву скромности за выраженіе дѣйствительной его неосвѣдомленности въ сферѣ древне-русской письменности. Но въ такомъ случаѣ самъ Горскій не избралъ бы Невоструева себѣ въ сотрудники. Нельзя признать удовлетворительнымъ въ 4-ой главѣ также рѣшенія вопроса о подлинной долѣ участія Невоструева въ составленіи „Описанія рукоп. Синод. библіотеки“. Вопросъ этотъ въ сочиненіи рѣшается общими фразами (стр. 191). Но самъ авторъ сознаетъ, что „для окончательнаго рѣшенія этого вопроса нужно привлечь огромное количество архивнаго матеріала, сопоставить его съ изданными уже томами описанія и вообще войти въ детальное его разсмотрѣніе“ (стр. 185). Не дѣлая этого, авторъ находитъ себѣ извиненіе „въ трудности, даже невозможности проникнуть въ нужные для этого архивы“ (стр. 186). *Пятая*

и шестая главы посвящены двумъ питомцамъ академіи, трудившимся въ московскихъ книгохранилищахъ—В. М. Ундольскому и А. Е. Викторову. Происхожденіе, размѣры и значеніе трудовъ перваго изъ нихъ опредѣлены основательно, но, къ сожалѣнію, изложенію недостаетъ точныхъ библиографическихъ указаній, касающихся изслѣдованій Ундольскаго (см., напр., стр. 219). О второмъ авторъ говоритъ главнымъ образомъ, какъ о многополезномъ хранителѣ рукописнаго отдѣленія Румянцовскаго Музея, но сравнительно мало касается его ученыхъ трудовъ. Для сужденія о разысканіяхъ Викторова въ области древне-русской литературы автору было бы весьма полезно познакомиться съ архивомъ этого ученаго, хранящимся въ Румянцовскомъ Музеѣ. Самъ авторъ сознаетъ это (стр. 247). Но онъ не познакомился не только съ бумагами Викторова, но даже, повидимому, и съ ихъ обстоятельнымъ описаніемъ, напечатаннымъ въ одномъ изъ Отчетовъ Румянц. Музея. *Седьмая глава* касается нѣкоторыхъ другихъ дѣятелей науки, внесшихъ свой вкладъ въ изученіе древней письменности: П. С. Билярскаго, И. В. Бѣляева, преосв. Амфилохія, Н. И. Надеждина, преосв. Саввы, П. С. Казанскаго, Е. Е. Голубинскаго. Но изъ перечисленныхъ лицъ Надеждинъ очень мало касался древне-русской письменности. Съ другой стороны, читатель не можетъ простить автору его недостаточнаго вниманія къ тому богатому вкладу въ изученіе древне-русскихъ памятниковъ, которымъ наука обязана Е. Е. Голубинскому. Въ этой же главѣ рѣчь идетъ объ общепризнанныхъ заслугахъ передъ наукой нынѣ здравствующаго и продолжающаго свои труды проф. Г. А. Воскресенскаго.

Такимъ образомъ, сочиненіе г. Сергіевскаго страдаетъ не полнотою изслѣдованія, но эта неполнота вполне извинима вслѣдствіе обширности и разнообразія подлежавшаго его изученію матеріала. Менѣе извинительно недостаточно глубокое и самостоятельное изученіе подлинныхъ ученыхъ трудовъ, рассмотрѣнныхъ въ сочиненіи, что имѣло своимъ слѣдствіемъ общій компилятивный характеръ его работы. По мѣстамъ авторъ обнаруживаетъ недостаточную освѣдомленность въ вопросахъ, которые его близко касаются: В. О. Ключевскому у него приписывается изслѣдованіе Макарьевскихъ Четыхъ Миней (стр. 196); „подвигъ собиранія Миней,—

парадоксально утверждает авторъ, — является едва-ли не равнымъ самому ихъ собиранію“ (ib.); дѣятельность извѣстнаго публициста Надеждина, ошибочно думаетъ онъ, — вращалась преимущественно въ сферѣ „южно-славянскихъ древностей и исторіи“ (стр. 291); въ корнѣ не вѣрять тотъ взглядъ автора на современное состояніе науки исторіи русской литературы, по которому будто бы новые труды, въ противоположность интересамъ Филарета, захватываютъ очень мало духовную письменность древней Руси (стр. 47). Быть можетъ эти погрѣшности находятъ себѣ объясненіе въ томъ, что автору пришлось говорить слишкомъ о многомъ, при томъ — бѣгло и кратко. Наконецъ, нельзя не поставить въ вину автору отсутствія у него итоговъ разсмотрѣнному дробному матеріалу.

Однако, при этихъ, общихъ и частныхъ, недостаткахъ своихъ, сочиненіе г. Сергіевскаго имѣетъ и свои положительныя ученія и литературныя достоинства. Авторъ старательно собралъ разнообразный разбросанный матеріалъ, касающійся нужныхъ ему лицъ и трудовъ, и все собранное привелъ въ связь и порядокъ. Чрезъ всѣ главы его сочиненія проходить одно основное стремленіе — не только опредѣлить вкладъ въ науку о древней письменности лицъ, получившихъ образованіе въ Московской академіи, но и выяснитъ извѣстную историко-литературную традицію въ академіи. Заслуги академіи передъ наукой въ этомъ отношеніи охарактеризованы правильно и объективно. Все содержаніе сочиненія отличается послѣдовательностью и серьезнымъ, дѣловымъ тономъ. Изложеніе, за исключеніемъ немногочисленныхъ погрѣшностей и неточностей въ выраженіяхъ (см. стрр. 101, 113, 118, 124), — правильное и литературное; языкъ, за исключеніемъ тяжеловѣсныхъ формулировокъ оглавленія, легкой и удобочитаемый. Сочиненіе даетъ автору право на искомую степень.“

б) И. д. доцента *Θ. М. Россейкина:*

„Сочиненіе г. Сергіевскаго представляетъ большой интересъ не только юбилейностью своей темы, но и своей задачей уяснить заслуги и опредѣлить долю работы, выполненной нашей Академіей на одной изъ полосъ общаго поля русской науки. Предъ читателемъ проходитъ рядъ славныхъ

именъ, родныхъ вѣмъ намъ по ихъ живой связи съ Академіей. Первые изъ нихъ были свидѣтелями начальной поры Московской Академіи; послѣдніе—по времени, конечно, но не по заслугамъ—будутъ справлять ея столѣтній юбилей (Г. А. Воскресенскій). Исторія жизни и трудовъ этихъ лицъ поучительна не для одного автора настоящей студенческой работы.—Съ своей задачей г. Сергіевскій справился вполне удовлетворительно. Тщательность подбора матеріала и добросовѣстность его обработки показываютъ очень внимательное отношеніе къ дѣлу. Въ главѣ о К. И. Невоструевѣ автору не мѣшало-бы принять во вниманіе документально составленный очеркъ Исторіи Симбирской духовной семинаріи, вышедшій изъ подъ пера уважаемаго преподавателя этой семинаріи П. П. Неболюбова, гдѣ имѣются свѣдѣнія о симбирскомъ періодѣ жизни Невоструева.—Есть въ сочиненіи спорныя утвержденія (3), двусмысленныя (8) и неудачныя (19) выраженія.—Степени кандидата богословія г. Сергіевскій заслуживаетъ“.

38) О сочиненіи студента *Синева Николая* на тему: „Жизнь, чудеса и исторія канонизаціи св. великой княгини *Анны Кашинской*“.

а) Ректора Академіи *Епископа Θεодора*:

„Сочиненіе производитъ прекрасное впечатлѣніе исчерпывающей полнотой изслѣдованія вопроса и серьезностью научныхъ пріемовъ. Авторъ вездѣ обнаруживаетъ попытку къ самостоятельному рѣшенію спорныхъ вопросовъ въ области своего изслѣдованія. Литература, относящаяся къ предмету изслѣдованія г. Синева, довольно обширна, осложнена полемическимъ элементомъ со стороны раскольниковъ по вопросу о перстосложеніи преп. *Анны Кашинской*, запутанъ вопросъ объ исторіи канонизаціи святой. Все это автора нисколько не утратило и не запутало; у него хватило времени, умѣнія, а главное терпѣнія просмотрѣть и изучить: а) писанныя „патріаршія грамоты *Калязинскому монастырю*“; „царскія грамоты“; рукописи: Императорской Академіи Наукъ, Кіевской Духовной Академіи, Московской Духовной Академіи, С.-Петербургской Духовной Академіи, Императорской Публичной Библіотеки, Румянцовскаго Музея, Тверскаго

Музея, Кашинской Город. Управы, Фроловской церкви г. Кашина, Дѣла Дух. Консисторіи г. Твери, Дѣла Синод. Конторы; просмотрѣль онъ и печатныя изданія: „Дѣянія Св. Синода 1908“, „Акты Моск. Собора 1677—78 г.г.“; лѣтописи: Воскресенскую, Лаврентьевскую, Никонову III, Тверскую, Троицкую, „Матеріалы по исторіи раскола“ Субботина и множество печатной литературы въ качествѣ пособій къ своему изслѣдованію (см. первыя 7 стр. сочиненія). При указаніи пособій автору слѣдовало - бы помѣчать въ періодическихъ изданіяхъ названія статей и фамилій ихъ авторовъ, иначе получаются какія-то слѣпыя ссылки. Въ результатѣ серьезнаго и обширнаго изученія относящейся къ темѣ автора литературы явилась для него возможность установить *имя Святой* (Софія—Анна) и разобрать ошибочныя по мнѣнію автора мнѣнія относительно тождества св. Анны съ Евфросиніей (см. 3 стр.—12 стр. 1 гл. 1-я части соч.). Такъ же авторъ опредѣленно указываетъ на основаніи критическаго анализа свѣдѣній о родинѣ святой (свѣдѣній ошибочныхъ) точное мѣсто ея рожденія—г. Ростовъ (см. 12—28 стр. 1 ч. 1 гл. соч.); время рожденія (1280—1281 г.) (см. 28—30 стр. *ibid.*); смерти ея (1368-й годъ) (см. 145—156 стр. соч.) и мѣсто погребенія ея—г. Кашинъ (156—181 стр.). Всѣ эти вопросы, основные въ біографіи каждаго лица, а въ біографіи св. Анны запутанные до чрезвычайности противорѣчивыми свѣдѣніями и мнѣніями, авторъ выясняетъ чисто научнымъ критическимъ методомъ на основаніи анализа источниковъ и приходитъ къ пріемлемымъ, вполне опредѣленнымъ выводамъ и утвержденіямъ. Такъ первыя 2 главы 1-й части сочиненія, можно сказать, съ исчерпывающей полнотой даютъ свѣдѣнія о жизни преп. Анны со дня ея рожденія до кончины и погребенія ея (см. стр. 1—217).

Третья, довольно обширная глава сочиненія (222—440) посвящена, можно сказать, жизни Святой по преставленіи ея на небо, жизни благодатной, проявленію ея чудодѣйственной силы на землѣ и исторіи ея канонизаціи. Авторъ хронологически, начиная съ первыхъ случаевъ чудеснаго проявленія помощи Святой и съ начальнаго момента мѣстнаго ея почитанія, излагаетъ исторію прославленія Святой, стараясь уяснить необычный въ исторіи канонизаціи святыхъ фактъ пріостановки по опредѣленію Собора 1677—78 г. почи-

танія Святой Анны, начатаго ранѣ открытія въ присутствіи Царя Алексѣя Михайловича.

Эта глава сочиненія особенно содержательна и интересна; авторъ выступаетъ въ ней, какъ умѣлый и добросовѣстный изслѣдователь памятниковъ и толкователь разныхъ научныхъ мнѣній по этому вопросу, породившему обширную литературу. Конечно эту главу можно-бы и сократить безъ ущерба дѣла. Третьей главой, вопросомъ о канонизаціи Святой въ 1909 г. и чудесами послѣ прославленія угодницы заканчивается первая часть сочиненія, бѣльшая по объему и относящаяся специально къ вопросу, темы. Вторая часть сочиненія посвящена специально и частному въ общей работѣ вопросу о перстосложеніи св. Анны. Авторъ касается здѣсь утвержденія раскольниковъ, будто св. Анна молилась двуперстно, доказываетъ несостоятельность этого взгляда на основаніи разбора основаній для этого взгляда и въ заключеніе высказываетъ свои „собственныя“ соображенія о перстосложеніи Святой (492—499 стр.). Эта часть, какъ и первая, носитъ тотъ-же серьезно-научный характеръ и весьма интересна. Отъ души желаемъ автору приготовить свою работу для печати. Степени кандидата богословія онъ вполне заслуживаетъ“.

б) Ординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго*:

„Это сочиненіе представляетъ собою большой томъ въ 499 стр. 4^о довольно убористаго письма. Оно раздѣляется на двѣ части: въ I части излагается жизнь, чудеса и исторія канонизаціи св. Анны (стр. 1—442); II часть всецѣло посвящена вопросу о перстосложеніи ея (стр. 443—449). Сочиненію предпослано введеніе (I—XV), въ которомъ авторъ говоритъ о своей задачѣ.

Сочиненіе это—не компиляція, а дѣльная научная самостоятельная работа. Автору пришлось имѣть дѣло съ темой, мало разработанной въ литературѣ: „мы можемъ смѣло сказать“, говоритъ онъ во введеніи (стр. VI), „что кромѣ нѣсколькихъ страницъ, посвященныхъ выясненію вопроса о Св. Аннѣ Кашинской Е. Е. Голубинскимъ, страницъ, къ которымъ иногда, однако, приходится относиться очень осторожно,—кромѣ этихъ страницъ нѣтъ въ литературѣ нашего

вопроса ничего, что бы носило характер научнаго изслѣдованія о святой“. Но и то, что авторъ нашель въ литературѣ, далеко не удовлетворило его: „для однихъ“, говоритъ онъ (стр. III), „остается темнымъ дѣйствительное имя святой; другіе подвергаютъ сомнѣнію хронологическое приуроченіе ея жизни; третьи представляютъ въ неясныхъ и разнорѣчивыхъ очертаніяхъ событія жизни святой; четвертыми, не исключая даже и специально-православно-миссіонерскаго журнала, дается вѣра тому, что Св. Анна Кашинская двоеперстница, и, слѣдовательно, продолжательница раскольнической традиціи въ вопросѣ о перстосложеніи; пятые, въ рядахъ которыхъ есть не только раскольники, но и имя виднаго историка православной русской церкви и православнаго священника, бросаются рѣшительно безъ всякихъ данныхъ въ не имѣющіе никакого смысла толки о томъ, будто бы сама церковь Христова не удерживала Св. Анну Кашинскую въ своей памяти, будто бы былъ моментъ, когда сама церковь, канонизовавъ святую, признала, что для Св. Анны Кашинской нѣтъ мѣста въ числѣ общецерковныхъ святыхъ; шестые не увѣрены въ мѣстѣ погребенія Святой, допускаютъ, что честные останки ея—въ Кашина“. Вслѣдствіе такого отсутствія въ литературѣ твердо установленныхъ данныхъ о Св. Аннѣ, автору пришлось самому взяться за первоисточники и критически провѣрить все, что о ней писано. Ему пришлось имѣть дѣло не только съ печатной литературой, но и съ рукописными источниками разнаго рода. Онъ задался цѣлью „собрать все, что можно было найти въ исторической литературѣ, архивныхъ и устныхъ источникахъ о Св. Аннѣ Кашинской и провѣрить ихъ“ (стр. XI). Вслѣдствіе своего критическаго отношенія къ литературѣ, авторъ ничего не принимаетъ на вѣру, все подвергаетъ пересмотру, иногда даже на основаніи новыхъ данныхъ, которыя онъ нашель въ своихъ рукописныхъ источникахъ, и нерѣдко приходитъ къ другимъ результатамъ, чѣмъ его предшественники.

Особенно важной показалась мнѣ II часть его сочиненія, посвященная вопросу о двоеперстіи Св. Анны. Авторъ, по своему обычаю, разсматриваетъ всѣ данныя, на основаніи которыхъ считаютъ ее двоеперстницей, и очень удачно, на мой взглядъ, разбиваетъ ихъ одно за другимъ, указывая между прочимъ на то, что извѣстія объ этомъ не безпристрастны,

такъ какъ исходятъ именно отъ послѣдователей старообрядчества.

Написано сочиненіе очень понятно и просто и, что бросается въ глаза, съ любовью къ „величавой духовной красотѣ и святости“ „облика Св. Анны“, и въ строго православномъ духѣ.

Въ виду важныхъ достоинствъ этого сочиненія оцѣниваю его балломъ 5.“

39) О сочиненіи студента священника *Скворцова Константина* на тему: „Отношеніе правительства императора Николая I къ расколу“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Обширное сочиненіе г. Скворцова (796 стр. большого формата) начинается вводной главой (11 — 153), въ которой авторъ во-первыхъ старается выяснитъ вопросъ о сущности раскола и характеризовать его политическое значеніе, а вторыхъ даетъ подробный очеркъ правительственныхъ мѣропріятій до Николая I, вызывавшихся главнымъ образомъ тѣмъ политическимъ значеніемъ, которое расколу придавалось. Здѣсь мы находимъ очеркъ отношенія къ расколу патріарха Никона и царя Алексѣя Михайловича, а затѣмъ характеристику взглядовъ на расколъ и мѣропріятій въ каждое послѣдующее царствованіе. Авторъ вѣрно изображаетъ и колеблющуюся политику Петра, и рѣзкое отношеніе къ расколу при его преемникахъ, и поворотъ въ сторону вѣротерпимости, наступившій при Петрѣ III и въ особенности при Екатеринѣ II, освободившей старовѣровъ отъ тѣхъ стѣсненій, которыя надъ ними тяготѣли. Не совсѣмъ можно согласиться, по нашему мнѣнію, съ тѣми общими сужденіями автора о реформѣ Петра В., которыя авторомъ въ этомъ вступительномъ очеркѣ высказываются. Намъ кажется невозможнымъ говорить о томъ, что Петръ „съ 1700 г. начинается переустройство русской жизни“ (66). Въ 1700 г. Петръ едва ли могъ задаваться такими широкими цѣлями, имѣть въ виду такую всеобъемлющую реформу. Преобразованія Петра, какъ извѣстно, расpirялись и развертывались постепенно. Невѣрнымъ намъ кажется и взглядъ, высказанный авторомъ на отношеніе Петра В. къ религіи: „Петръ не

былъ особенно вѣрующимъ, хотя онъ не заявлялъ себя открытымъ атеистомъ“ (67). Объ атеизмъ Петра не можетъ быть и рѣчи; можно говорить развѣ только о его свободномъ отношеніи къ виѣшнимъ формамъ религіи. Искренность его вѣры не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Хорошо извѣстно также, что не съ Петра В. ведетъ начало зависимое положеніе церкви по отношенію къ государству; такая зависимость установилась ранѣе. Петромъ В. она была только сильнѣе, чѣмъ прежде, закрѣплена (68).

Эти возраженія касаются однако той части работы, которую можно считать наименѣе существенной. Главная часть сочиненія—обзоръ положенія раскола и отношенія къ нему правительства при Николаѣ I. Содержаніе этого центрального отдѣла сочиненія даже шире заглавія. Авторъ не хочетъ ограничиться характеристикой правительственныхъ мѣропріятіи по отношенію къ расколу, на что онъ имѣлъ бы право, опираясь на заглавіе. Онъ старается выяснить и характеризовать подробно политическую идеологію раскола и въ ней искать основаній тѣхъ мѣръ, которыя были приняты противъ раскола при Николаѣ Павловичѣ, когда на расколъ стали вновь смотрѣть, какъ на вредное политическое, а не только церковное, направленіе. Такая характеристика дается въ § II и III главы II, гдѣ авторъ приводитъ яркія иллюстраціи политическихъ воззрѣній раскольниковъ. Въ этой же главѣ, вообще богатой по содержанію, авторъ знакомитъ насъ съ вліятельными сужденіями о расколѣ и о средствахъ борьбы съ нимъ, высказанными московскимъ митрополитомъ Филаретомъ (§ I). Такимъ образомъ онъ постепенно выясняетъ тѣ факторы, подъ вліяніемъ которыхъ сложился взглядъ на значеніе раскола у самого императора Николая I (§ IV). Взглядъ этотъ не былъ предвзятымъ. Онъ сформировался воздѣйствіемъ предпринятаго при Николаѣ Павловичѣ освѣдомленія о расколѣ. Ознакомленіе съ расколомъ при этомъ государѣ впервые было поставлено на широкое основаніе. Были командированы чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ для изслѣдованія раскола въ разныхъ губерніяхъ; данъ былъ толчекъ къ научному изученію раскола (§ III, V); приняты были мѣры къ установленію бѣльшей точности въ статистикѣ раскола (§ VI). Излагая всѣ эти способы ознакомленія съ расколомъ, авторъ даетъ ихъ критику, указывая тѣ ихъ

дефекты, которые приводили къ неправильному освѣщенію и пониманію раскола и вслѣдствіе которыхъ возрѣнія крайнихъ и фанатичныхъ сектъ приписывались, иногда всему старовѣрью (196). Изслѣдованія раскола черезъ министерскихъ чиновниковъ и черезъ мѣстную администрацію совершались съ невѣрной и односторонней точки зрѣнія, а мѣры, рекомендовавшіяся этими изслѣдователями, носили исключительно полицейскій характеръ и были направлены главнымъ образомъ на усиленіе полицейскаго надзора (252). Въ особенности подробному критическому анализу подвергаетъ авторъ добытыя при Николаѣ I статистическія данныя о расколѣ (288—341). Указывается ихъ неточность, но съ другой стороны (314) отмѣчаются и положительныя достоинства этихъ свѣдѣній. Конечную цифру раскольническаго населенія (10.000.000), принятую правительствомъ Николая Павловича, авторъ находитъ преувеличенной и при этомъ указываетъ, что именно эта преувеличенная цифра и „послужила одной изъ главныхъ причинъ стѣснительныхъ для раскольниковъ мѣръ“ (341).

Въ гл. III мы находимъ характеристику религіозныхъ правъ раскольниковъ. Здѣсь авторъ разсматриваетъ вопросы: о лицахъ, совершавшихъ у раскольниковъ богослуженіе, о богослужебныхъ зданіяхъ и о пропагандѣ раскола, подробно излагая тѣ правительственныя мѣропріятія, которымъ старообрядцы подвергались по каждому изъ этихъ пунктовъ. Въ особенности продолжительно авторъ останавливается на мѣрахъ противъ бѣглопоповства, въ значительной степени парализованныхъ учрежденіемъ австрійской каедры. Въ слѣдующей IV гл. изслѣдуются гражданскія права раскольниковъ, и вниманіе автора устремлено на стѣсненія и ограниченія, постигшія старообрядцевъ въ царствованіе Николая I въ области гражданскихъ правъ. Наконецъ, послѣдняя V глава посвящена обзору духовныхъ мѣръ, принимавшихся противъ раскола, главнымъ образомъ миссіи и школы, причемъ, говоря о первой, авторъ выясняетъ причины ея неуспѣха.

Г. Скворцовъ обнаружилъ большое трудолюбіе при исполненіи своей работы. Собралъ большую литературу, относящуюся къ предмету его изслѣдованія, указатель которой мы находимъ на первыхъ страницахъ сочиненія, онъ изучилъ

обстоятельно какъ офіціальные документы, касающіеся раскола, такъ и сочиненія по его исторіи. Онъ обнаружилъ также способность подробно анализировать изучаемыя явленія, отыскивать ихъ причины и убѣдительно доказывать связь между наблюдаемыми фактами. Всѣ эти свойства придаютъ научную цѣнность его работъ. По ней, дѣйствительно, можно познакомиться съ положеніемъ раскола при Николаѣ Павловичѣ и съ отношеніемъ къ нему правительства. Поставленную себѣ авторомъ задачу слѣдуетъ признать разрѣшенной. Въ упрекъ автору мы ставимъ его совершенно излишнюю склонность къ пространнымъ изложеніямъ въ текстѣ тѣхъ матеріаловъ, которые служатъ ему источниками, что многимъ страницамъ его работы сообщаетъ слишкомъ сырой видъ. Таково напр. изложеніе цѣликомъ плана научнаго изученія раскола, предложеннаго Надеждинымъ (стр. 272 и сл.), прошенія уральскихъ раскольниковъ (409 и сл.), разсужденій, принятыхъ во вниманіе императоромъ Николаемъ (416—425), условій Николаевскихъ старообрядцевъ (428), соображеній митрополита Филарета (493), перечисленіе имуществъ Преображенскаго кладбища (637), основныхъ положеній для инструкціи миссіонерамъ (672—676) и др. Не слѣдовало бы забывать, что диссертация не есть сборникъ матеріаловъ, какъ бы эти послѣдніе интересны ни были. Обиліе пространныхъ и не всегда нужныхъ выписокъ непомѣрно увеличило размѣры сочиненія. Впрочемъ, искомой степени оно вполнѣ заслуживаетъ“.

б) Доцента *Н. В. Лысогорскаго*:

„Авторъ въ своей работѣ имѣлъ предшественниковъ. Въ магистерскихъ диссертацияхъ Васильевскаго („Государственная система отношеній къ старообрядческому расколу въ царствованіе имп. Николая I“), Бѣликова В. („Дѣятельность московск. митр. Филарета по отношенію къ расколу“) и нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ предметъ, избранный Скворцовымъ, по частямъ былъ уже значительно разработанъ, особенно со стороны фактическаго содержанія. О. Скворцову трудно было вносить въ свое сочиненіе что-нибудь новое изъ матеріала. Ему оставалось провѣрить по первоисточникамъ существующія уже въ наукѣ свѣдѣнія и сообщить имъ извѣстную идейность. Первое авторъ выполнилъ

въ достаточной мѣрѣ. Второе же удалось ему, можно сказать, лишь отчасти. Занятый обильной фактической стороной, авторъ не приложилъ надлежащаго вниманія, можетъ быть по краткости времени, къ идейной части своего сочиненія, и она у него оказалась не столь рельефной, какъ бы ей слѣдовало быть.—Въ общемъ же работа о. Скворцова должна быть названа очень хорошей, дающей автору полное право на полученіе степени кандидата богословія“.

40) О сочиненіи студента *Смоленскаго Алексѣя* на тему: „Учительное Евангеліе Константина Болгарскаго“.

а) И. д. доцента *В. П. Виноградова*:

„Автору поставлено было задачей — произвести анализъ Учительнаго Евангелія Константина Болгарскаго со стороны источниковъ и затѣмъ, на основаніи этого анализа, освѣтить, насколько возможно, научные вопросы, связанные съ указаннымъ памятникомъ. Объ части своей задачи талантливый авторъ выполнилъ съ выдающимся трудолюбіемъ, съ самой серьезной эрудиціей и съ завиднымъ успѣхомъ.

Такъ какъ бѣольшая половина памятника (28 бесѣдъ) уже была обследована со стороны источниковъ преосв. Антоніемъ и проф. Михайловымъ, то въ отношеніи этой части нашъ авторъ долженъ былъ заняться провѣркой результатовъ работы названныхъ ученыхъ. Трудъ г. Смоленскаго увѣнчался здѣсь счастливымъ открытіемъ греческаго оригинала для ряда отрывковъ, признанныхъ указанными изслѣдователями за самостоятельное творчество автора Учительнаго Евангелія. Почти для всѣхъ другихъ бесѣдъ Учит. Евангелія, не обследованныхъ еще детально со стороны источниковъ, г. Смоленскій нашель греческій оригиналъ и далъ тщательное сличеніе славянскаго текста съ греческимъ. По тщательности, научной серьезности выполненія работа нашего автора здѣсь заслуживаетъ самага полнаго одобренія.

Вполнѣ научно выполненный анализъ памятника со стороны источниковъ далъ г. Смоленскому возможность *новаго освѣщенія* важнѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ Учит. Евангеліемъ, именно вопросовъ: а) о степени самостоятельности автора памятника, б) о характерѣ греческаго оригинала памятника, в) о времени, мѣстѣ и авторѣ памятника и,

наконецъ, г) о значеніи Учит. Евангелія въ исторіи славянской письменности.—По первому вопросу г. Смоленскій приходитъ къ выводу, что преосв. Антоній сдѣлалъ ошибку, признавъ *всѣ* заключенія отдѣльныхъ бесѣдъ самостоятельнымъ творчествомъ автора Учит. Евангелія; на самомъ дѣлѣ, только незначительная часть ихъ можетъ быть признана самостоятельной; съ несомнѣнностью можно признать самостоятельнымъ произведеніемъ Константина одни вступленія, да и то нѣкоторыя изъ нихъ возбуждаютъ сомнѣніе въ этомъ отношеніи. По второму вопросу авторъ приходитъ къ оригинальному выводу: „подлинникомъ Учит. Евангелія Константина не были ни полныя творенія святыхъ отцевъ, ни катены, въ видѣ ли списка Бодлеянскаго или Коаленевскаго, а, вѣроятно же всего, особый, пока еще неизвѣстный типъ. Толковаго Евангелія, соединившаго въ себѣ въ сокращенномъ видѣ толкованія Евангельскаго текста по Матѳею, Лукѣ и Іоанну изъ двухъ святыхъ отцевъ—Іоанна Златоуста и Кирилла Александрійскаго“. Возможность существованія такого рода Толковаго Евангелія г. Смоленскій выясняетъ между прочимъ разборомъ своеобразной структуры Толковаго Евангелія Синодальной Библиотеки, заключающагося въ рукописи № 82 (по каталогу греч. рук. арх. Владиміра), на который счастливо-удачно остановилъ свой научно-зоркій взглядъ нашъ авторъ. Еще болѣе оригинально и прямо таки замѣчательно, по нашему мнѣнію, удачно выясняетъ г. Смоленскій вопросъ о времени, а въ связи съ нимъ и мѣстѣ происхожденія памятника. Попытку опредѣлить хронологическую дату памятника при помощи „Историкіи“ нашъ авторъ признаетъ неудачной, такъ какъ по его мнѣнію (основанному на обстоятельномъ анализѣ этой статьи съ точки зрѣнія уже выясненныхъ имъ особенностей Учит. Евангелія Константина) „Историкія не является произведеніемъ Константина, не имѣетъ никакого отношенія къ его Учит. Евангелію и даетъ рядъ годовъ, взаимно противорѣчащихъ другъ другу“. Но нашъ авторъ здѣсь не только разрушаетъ, но и положительно созидаетъ. Онъ нашелъ и предлагаетъ новый чрезвычайно простой, но и въ то же время замѣчательно остроумный и, по нашему мнѣнію, довольно прочный путь для установки хронологической даты памятника. Ему пришла мысль посмотреть на свой памятникъ со *спеціальной*

историко-гомилетической точки зрѣнія, какъ на рядъ поученій, постепенно составленный ad hoc, для произнесенія въ опредѣленномъ историческомъ году. Мысль эта была близка и раннѣйшимъ изслѣдователямъ Евангелія Константина, но никому не пришло въ голову остановиться на ней и сдѣлать надлежащіе выводы. А между тѣмъ эти выводы подсказывались сами собой. Дѣло въ томъ, что если Константинъ писалъ рядъ поученій, образующихъ Учит. Евангеліе, для наличнаго историческаго года, то, разумѣется, онъ долженъ былъ сообразоваться въ числѣ и распорядкѣ бесѣдъ съ требованіями церковнаго года. Но, вѣдь, церковный годъ не есть величина постоянная, неизмѣнная: съ каждымъ историческимъ годомъ онъ *измѣняетъ свой видъ въ смыслѣ количества и порядка воскресныхъ дней*, на которые какъ разъ и составлены поученія Константина; видъ церковнаго года, падающаго на каждый данный историческій годъ, какъ извѣстно, совершенно опредѣленно устанавливаетъ пасхалія и она же позволяетъ, наоборотъ, по виду церковнаго года точно опредѣлить соответствующій ему историческій. Отсюда авторъ естественно приходитъ къ выводу: если Константинъ составлялъ свои бесѣды примѣнительно къ опредѣленному текущему церковному году, то составъ и распорядокъ бесѣдъ въ сборникѣ Учит. Евангелія долженъ точно отражать видъ текущаго церковнаго года, а этотъ послѣдній долженъ свидѣтельствовать о томъ историческомъ годѣ, на который онъ падалъ. Нашъ авторъ и идетъ этимъ путемъ опредѣленія хронологической даты изслѣдуемаго имъ памятника. Путемъ анализа состава памятника авторъ наглядно вскрываетъ, что памятникъ написанъ для церковнаго года, имѣвшаго слѣдующій видъ: первая Пасха падала за 38 недѣль до Рождества Христова, т. е., слѣдовательно, между 3—9 апрѣля, а вторая падала между 22—25 апрѣля, такъ какъ отъ недѣли по Богоявленіи до недѣли Мытаря и Фарисея сборникъ имѣетъ 5 бесѣдъ и, слѣдовательно, предполагаетъ пять недѣль. Въ періодъ времени жизни и дѣятельности Константина—т. е. конецъ IX и начало X вѣковъ—такого рода церковный годъ случился трижды—въ 880—881 г.г., въ 891—892 и 918—919 г.г. Изъ этихъ трехъ датъ необходимо остановиться только на одной, именно 880—881 г.г., такъ какъ церковный годъ Учит. Евангелія предполагаетъ между Рожд. Хр. и Богоявленіемъ лишь одно

воскресенье, что возможно лишь при совпадении Рождества Христова с воскресеньемъ, понедѣльникомъ или вторникомъ; а это, именно совпадение Рождества Христова с воскресеньемъ, какъ разъ случилось изъ трехъ указанныхъ датъ только въ 880—881 г., когда Пасха была 3 апрѣля. Такимъ образомъ пасхальныя вычисления даютъ возможность признать, что Учительное Евангеліе Константина написано въ 880—881 г.г.—Установленіе этой новой даты Учит. Евангелія неизбѣжно ведетъ и къ совершенно новой установкѣ мѣста происхожденія памятника. Если доселѣ указывали въ качествѣ такового или Константинополь, или Солунь, или Болгарію, то теперь открывается необходимость отнести происхожденіе памятника въ *Моравію*, такъ какъ, по согласному утверженію всѣхъ изслѣдователей, періодъ времени съ 862 по 885 г. Константинъ провелъ въ Моравіи. Въ подтвержденіе этого своего положенія авторъ разбираетъ всѣ доводы въ пользу прежнихъ мнѣній по этому вопросу и указываетъ рядъ положительныхъ основаній, даваемыхъ анализомъ памятника. Пытаясь прояснить біографію автора Учит. Евангелія, г. Смоленскій болѣе склоняется считать его солунскимъ славяниномъ, ученикомъ св. Кирилла—Константина, однимъ изъ старшихъ современниковъ св. братьевъ; мѣстомъ литературной дѣятельности Константина въ послѣдній періодъ его жизни признается восточная Болгарія. Опредѣляя значеніе Учит. Евангелія Константина для русской письменности, авторъ заявляетъ: „конечно, каждому изслѣдователю лестно сказать про изслѣдуемый имъ памятникъ, что онъ игралъ огромную роль въ развитіи и просвѣщеніи народа, но, къ сожалѣнію, изслѣдователь Учит. Евангелія Константина про свой памятникъ этого сказать не можетъ. Покоряясь фактамъ, онъ долженъ сказать, что Учит. Евангеліе Константина, хотя и перешло на Русь вмѣстѣ со всей болгарской литературой, однако не руссифицировалось, и умерло, не внесши своей лепты въ дѣло просвѣщенія русскаго народа“.

Таковы главнѣйшіе моменты и результаты работы г. Смоленскаго. Уже только они одни свидѣтельствуютъ, какъ весьма богато содержаніемъ и научно-цѣнно сочиненіе нашего автора. Но мы отмѣтили далеко не все цѣнное работы автора. Работа г. Смоленскаго буквально усѣяна многочисленными мелкими, но цѣнными самостоятельными наблюденіями, за-

мѣчаніями, выводами историко-литературнаго характера, перечислять которые въ настоящемъ отзывѣ нѣтъ нужды. Къ этому необходимо добавить, что авторъ приложилъ къ сочиненію собственноручно сдѣланную имъ точную копию съ Синодальнаго списка Учит. Евангелія съ вариантами списка Имп. Публичной Библіотеки и отчасти Вѣнскаго списка (поскольку послѣдній извѣстенъ по работамъ г. Михайлова).

Вообще работа г. Смоленскаго выдѣляется надъ общимъ уровнемъ студенческихъ работъ, какъ трудъ въ собственномъ смыслѣ ученый, обнаруживающій въ авторѣ незаурядный талантъ ученаго изслѣдователя въ сферѣ историко-литературной. Послѣ нѣкоторой переработки и дополненій трудъ г. Смоленскаго вполне достойно могъ бы быть представленъ на соисканіе ученой степени магистра богословія, но и въ настоящемъ видѣ онъ могъ бы быть напечатанъ, какъ серьезный вкладъ въ науку. Есть, конечно, въ сочиненіи и дефекты, и даже цѣлый рядъ мелкихъ дефектовъ, заключающихся по преимуществу въ нѣсколько поспѣшныхъ сужденій по нѣкоторымъ изъ попутно затрогиваемыхъ имъ вопросовъ; на примѣръ, по вопросу о происхожденіи катенъ, о причинахъ происхожденія Учит. Евангелія, какъ элемента Уставныхъ Чтеній въ Греціи (стр. 150), объ генетическомъ взаимоотношеніи Учительнаго и Толковаго Евангелій (стр. 151) и нѣкот. др. Основные тезисы труда автора могутъ быть оспариваемы... Но въ той громадной и сложной работѣ, которую нашъ авторъ произвелъ въ періодъ менѣе года, и при томъ въ отношеніи столь мало выясненной личности и эпохи, какъ личность и эпоха автора Учит. Евангелія, указанные дефекты почти неизбежны; и ставить ихъ въ вину г. Смоленскому было бы прямо грѣшно. Читать его работу доставляетъ истинное научно-эстетическое удовлетвореніе. Степени кандидата богословія нашъ авторъ, разумѣется, заслуживаетъ вполне и безспорно“.

б) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„Написанное съ знаніемъ дѣла и живымъ интересомъ къ предмету изслѣдованія, сочиненіе г. Смоленскаго представляетъ собою работу, очень цѣнную въ научномъ отношеніи. Исходной точкой для ея автора служить литература, посвя-

ценная Учительному Евангелію Константина, прекрасно имъ изученная и критически провѣренная. Но трудъ г. Смоленскаго отнюдь не является простой компиляціей изъ существующихъ уже изслѣдованій. Послѣднія—это только фундаментъ, на которомъ авторъ возводитъ собственныя построенія. Онъ вовсе не касается того, что нашло для себя удовлетворительное разрѣшеніе въ существующей литературѣ, а изслѣдуетъ вопросы, или вовсе не затронутые въ ней, или поставленные, но рѣшенные, по его мнѣнію, неправильно или безъ достаточныхъ основаній. Задача автора—отчасти восполнить результаты прежнихъ изслѣдованій, отчасти внести къ нимъ необходимыя поправки. Съ цѣлью восполненія онъ выдвигаетъ нѣсколько новыхъ вопросовъ: объ отношеніи Учительнаго Евангелія Константина къ Уставнымъ чтеніямъ и объ его значеніи въ исторіи славянской письменности. Въ другихъ случаяхъ онъ продолжаетъ незавершенную работу предшествующихъ изслѣдователей. Сюда относится вопросъ о размѣрѣ самостоятельной и переводной частей Учительнаго Евангелія. Преосв. Антоній и проф. Михайловъ указали греческій подлинникъ для 28 бесѣдъ, г. Смоленскій приводитъ греческій текстъ остальныхъ бесѣдъ, составъ которыхъ не былъ опредѣленъ преосв. Антоніемъ и Михайловымъ. Болѣе того, автору удалось найти греческій оригиналъ для нѣкоторыхъ отрывковъ изъ 28 бесѣдъ, которые были признаны преосв. Антоніемъ и проф. Михайловымъ за самостоятельное произведеніе автора Учительнаго Евангелія. Что касается поправокъ къ существующей литературѣ, то здѣсь слѣдуетъ отмѣтить два интересныхъ пункта. Это, во-первыхъ, изслѣдованіе о времени и мѣстѣ составленія Учительскаго Евангелія. До сихъ поръ ученые извлекали дату памятника изъ связанной съ нимъ статьи, такъ наз. „Историкии“. Г. Смоленскій отвергаетъ ея связь съ Учительнымъ Евангеліемъ, ея принадлежность Константину и, наконецъ, ея цѣнность для хронологіи. Въ-сто этого онъ ставитъ вопросъ на совершенно иную почву. Внимательно всмотрѣвшись въ порядокъ бесѣдъ Учительнаго Евангелія, авторъ пришелъ къ убѣжденію, что онъ соотвѣтствуетъ недѣлямъ не церковнаго года вообще, а опредѣленнаго года, а это дало ему возможность очень точно установить время празднованія пасхи въ этомъ году

и самый этот годъ. Точная же датировка памятника повлекла за собою и опредѣленное рѣшеніе вопроса о мѣстѣ составленія памятника, которымъ авторъ призналъ Моравію. Нѣтъ сомнѣній, что послѣдующій ученый не можетъ не считаться съ этой остроумной хронологической гипотезой. Второй пунктъ касается источника, по которому составлено Учительное Евангеліе. Таковымъ признавались, съ одной стороны, полныя произведенія оо. церкви, съ другой—катены, изданныя Крамеромъ. Г. Смоленскій сдѣлалъ значительный шагъ впередъ въ разрѣшеніи этой проблемы: онъ призналъ источникомъ изучаемаго памятника сочиненіе, лежащее въ основѣ самихъ катенъ и въ нихъ отчасти дополненное, отчасти сокращенное. Въ этомъ сочиненіи каждое Евангеліе было истолковано лишь по одному отцу церкви (по Златоусту Евв. Мѣ., Мк., Іоан., по Кириллу Александрійскому Ев. Луки) и въ самое толкованіе вошло много нравственныхъ наставленій, заимствованныхъ у тѣхъ же писателей. По мнѣнію г. Смоленскаго, составитель катенъ, положивъ въ основу ихъ это сочиненіе, чисто экзегетическія части его дополнилъ выдержками изъ твореній другихъ отцовъ церкви, а части назидательнаго характера сократилъ. Въ синодальной бібліотекѣ автору посчастливилось найти греческое толковое евангеліе, по своему составу близко подходящее къ предполагаемому имъ первоисточнику какъ катенъ Крамера, такъ и Учительнаго Евангелія Константина и подтверждающее выводъ, полученный путемъ чисто теоретическаго анализа текстовъ. Ободренный этимъ, авторъ пошелъ дальше и высказалъ свое предположеніе о происхожденіи катенъ. Онъ полагаетъ, что изъ отцовъ церкви первоначально были извлечены отдѣльныя бесѣды для уставныхъ чтеній за богослуженіемъ. Затѣмъ онѣ были сокращены и подобраны въ порядкѣ евангельскихъ чтеній и образовали учительныя евангелія, въ которыхъ бесѣды св. отца хотя и были сокращены, но съ сохраненіемъ какъ экзегетическихъ, такъ и назидательныхъ ихъ частей. Изъ этихъ учительныхъ евангелій происходятъ евангелія толковыя, сохраняющія нужный для школы экзегетическій элементъ бесѣды и устраняющія излишній для нея моральный. Отсюда уже возникаютъ катены путемъ присоединенія къ сокращеннымъ толкованіямъ евангелія по одному отцу выдержекъ изъ толкованій другихъ экзегетовъ.

Гипотеза эта представляется довольно фантастической и не согласной съ тѣмъ, что извѣстно изъ литературы о катенахъ,—литературы, правда, еще недостаточной, но и не ограничивающейся однимъ Lietzmann'омъ, какъ полагаетъ авторъ. Въ общемъ сочиненіе г. Смоленскаго не только даетъ автору право на получение степени кандидата богословія, но и заслуживаетъ особаго поощренія со стороны Совѣта Академіи“.

41) О сочиненіи студента *Соболева Василія* на тему: „Церковные уставы древне-русскихъ князей“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Сочиненіе г. Соболева посвящено разсмотрѣнію двухъ древне-русскихъ церковныхъ уставовъ, извѣстныхъ подъ названіями церковнаго устава св. Владиміра и церковнаго устава князя Ярослава. Соотвѣтственно задачѣ работа состоитъ изъ двухъ частей: въ первой изучается уставъ св. Владиміра, во второй уставъ Ярослава. Каждая изъ частей построена по однообразному плану. Указавъ списки уставовъ, бывшіе у него въ распоряженіи, авторъ анализируетъ мнѣнія, высказанныя въ литературѣ относительно подлинности уставовъ, приводя сначала мнѣнія противъ подлинности, а затѣмъ переходя ко взглядамъ защитниковъ подлинности. Такъ, въ первой части, посвященной уставу св. Владиміра, авторъ даетъ сводъ возраженій противъ подлинности, высказанныхъ Карамзинымъ, Рейцемъ, Голубинскимъ и Суворовымъ. Здѣсь указываются: 1) хронологическая несообразность въ самомъ уставѣ (упоминаніе имени Константинопольскаго патріарха Фотія, отъ котораго будто бы Владиміръ принялъ крещеніе), 2) несогласіе устава съ Русскою Правдою Ярослава I, 3) несообразность постановленій устава съ вѣроятнымъ состояніемъ русской церкви при Святомъ Владимірѣ, 4) несообразность въ уставѣ относительно дарованія десятины одной Кіевской церкви Богородицы, 5) невозможность дарованія этой десятины „во всей землѣ Русской“, по выраженію устава, 6) несоотвѣтствіе устава греческому номоканону въ предоставленіи суду епископскому нѣкоторыхъ гражданскихъ дѣлъ, 7) отсутствіе распоряженій противъ двоеженства, 8) недостатокъ свидѣтельствъ объ

установъ въ другихъ современныхъ ему или, по крайней мѣрѣ, ближайшихъ къ нему памятникахъ. Изложивъ обстоятельно возраженія по приведеннымъ пунктамъ, авторъ особую главу (стр. 19—63) отводитъ критическому разбору и оцѣнкѣ этихъ возраженій пунктъ за пунктомъ, высказывая самостоятельный взглядъ по каждому затронутому возражателями вопросу. Точно также поступаетъ авторъ и съ мнѣніями, высказанными въ пользу подлинности уставовъ, сводя ихъ къ нѣсколькимъ пунктамъ и подвергая ихъ такому же критическому разбору. Если, съ одной стороны, авторъ принужденъ согласиться съ нѣкоторыми возраженіями противъ подлинности, то съ другой онъ не всѣ аргументы защитниковъ устава признаетъ достаточно убѣдительными. Высказывая мысль, что нѣтъ рѣшительныхъ, неопровержимыхъ и несомнительныхъ доказательствъ ни противъ подлинности устава, ни въ пользу ея, авторъ однако склоняется болѣе къ сторонникамъ древности происхожденія устава и ставитъ вопросъ о спискѣ устава, наиболѣе близкомъ къ подлиннику. И въ этомъ вопросѣ онъ высказываетъ „среднюю точку зрѣнія“ (113) между мнѣніями о болѣе древности краткой и пространной редакцій устава. Въ заключеніе авторъ предлагаетъ попытку составленія своднаго текста устава, который, по его мнѣнію, приближался бы къ подлиннику болѣе, чѣмъ всѣ дошедшіе до насъ списки. Этотъ гипотетическій текстъ онъ снабжаетъ переводомъ на русскій современный намъ языкъ и обширными примѣчаніями.

Тѣмъ же методомъ ведется изслѣдованіе Ярославова устава во второй части, которая также заканчивается попыткой своднаго текста съ переводомъ и примѣчаніями. Возникшія въ литературѣ сомнѣнія относительно подлинности Ярославова устава ввиду устанавливаемыхъ имъ двойныхъ наказаній авторъ стремится устранить указаніемъ на вліяніе „Закона суднаго людемъ“ на уставъ Ярослава и приходить къ мысли, что въ уставѣ Ярослава мы имѣемъ также памятникъ дѣйствительно имѣвшаго мѣсто законодательства.

Можно иногда пожалѣть, что авторъ, высказывая мысль, не развиваетъ ее съ достаточной степенью подробности. Такъ, желательно бы было, на примѣръ, чтобы авторъ, говоря на стр. 54: „кромѣ того въ Псковской и Новгородской судныхъ грамотахъ, а также въ Судебникахъ Іоанна III и IV подтвер-

ждаются привилегіи духовенства, какъ онѣ указаны Уставомъ Св. Владиміра“, объяснилъ,—какія именно привилегіи духовенства подтверждаются судными грамотами и судебниками. Сводные тексты оставляемъ на отвѣтственности автора; близость ихъ къ предполагаемому подлиннику остается гипотезой. Въ переводѣ устава Владиміра отмѣтимъ неудачное мѣсто: „ино что неподобно церкви подѣть“, передано: „вообще дѣланіе неприличнаго по отношенію къ церкви“. Трудно согласиться также съ передачей выраженія: „проемежи мужемъ и женою о животѣ“ словами: „непріязнь между супругами съ опасностью для жизни одного изъ нихъ“. Вопреки автору и толкованію проф. Суворова, на которое онъ опирается, намъ кажется, что рѣчь идетъ здѣсь о ссорѣ между супругами изъ-за имущества.

Въ общемъ обширная начитанность, несомнѣнный критическій талантъ, способность яснаго изложенія мысли и самостоятельность научнаго сужденія, всѣ эти свойства, проявленные авторомъ въ его обстоятельномъ изслѣдованіи, даютъ намъ право признать его работу заслуживающей искомой степени“.

б) Экстрординарнаго профессора *И. И. Соболева*:

Въ своемъ сочиненіи г. Соболевъ изучаетъ вопросъ о подлинности церковныхъ уставовъ св. Владиміра и Ярослава. Подробно разбирая отрицательныя и положительныя рѣшенія этого вопроса, авторъ приходитъ къ заключенію, что какъ тѣ, такъ и другія одинаково лишены твердыхъ основаній. Поэтому самъ онъ избираетъ средній или, по его выраженію, „умѣренный“ путь, указанный Павловымъ и Ключевскимъ: не настаивая на томъ, что уставы принадлежатъ древне-русскимъ князьямъ по своей письменной формѣ, онъ признаетъ ихъ подлинными по ихъ основному юридическому содержанію. Чтобы опредѣлить подлинную „материальную основу“ обоихъ уставовъ, г. Соболевъ пытается возстановить на основаніи существующихъ списковъ ихъ первоначальную редакцію. Разрѣшить эту чрезвычайно трудную задачу ему едва-ли удалось: не говоря уже о томъ, что онъ не имѣлъ подъ руками всѣхъ списковъ уставовъ и не изучалъ рукописей, самыя соображенія, которыми онъ

руководится въ своей реконструкціи, представляются въ значительной степени спорными. Но если авторъ и не внесъ чего-нибудь новаго въ рѣшеніе избраннаго имъ вопроса, онъ во всякомъ случаѣ доказалъ свое умѣнье критически работать надъ историческими источниками. Его сочиненіе даетъ кропотливый анализъ церковныхъ уставовъ древнерусскихъ князей и основывается на широкомъ и тщательномъ изученіи относящейся къ нимъ литературы.

Степени кандидата богословія г. Соболевъ вполне заслуживаетъ“.

42) О сочиненіи студента *Соколова Михаила (Вив.)* на тему: „Иконографія Страшнаго Суда“.

а) Доцента *Н. Д. Протасова*:

„Страшный Судъ—одна изъ труднѣйшихъ темъ въ исторіи христіанской иконографіи. Эта трудность обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, что развитіе этой темы находится въ зависимости прежде всего отъ наличныхъ богословскихъ возрѣній на данный сюжетъ. Поэтому, изслѣдователю приходится имѣть дѣло не только съ матеріаломъ иконографическимъ въ собственномъ смыслѣ, но и съ памятниками богословской науки. Понятно, что въ такой постановкѣ настоящая тема представляетъ интересъ для воспитанника Высшей Богословской Школы.

Содержаніе разсматриваемой работы г. Соколова таково. Въ введеніи (I—XIV) авторъ говоритъ, что его цѣлью было, съ одной стороны,—„въ возможной мѣрѣ познакомиться съ обширнымъ литературнымъ матеріаломъ, которымъ пользовались“ при обслѣдованіи данной темы Н. В. Покровский, Ѳ. И. Буслаевъ и Н. П. Кондаковъ, а съ другой—„уяснить себѣ тотъ вопросъ, въ какой мѣрѣ вліяло на развитіе иконографическаго изображенія Страшнаго Суда народное творчество“. Далѣе авторъ перечисляетъ бывшую у него подъ руками литературу.

Въ предисловіи (1—29) находимъ замѣчанія о томъ, какъ эсхатологическія чаянія нашли свое выраженіе въ изобразительномъ искусствѣ. Здѣсь-же г. Соколовъ заявляетъ, что „главнѣйшая задача работы состоитъ въ томъ, чтобы по возможности подробно изложить историческій ходъ образо-

ванія картины Страшнаго Суда съ начальнаго ея зародыша вплоть до того времени, когда эта картина сформировалась въ тотъ самый видъ, въ которомъ видимъ ее въ наше время“ (стр. 26).

Въ первой главѣ (29—74) излагаются религіозно-философскія ученія о послѣдней судьбѣ міра и человѣка въ дохристіанское время.

Во второй главѣ (74—82) авторъ говоритъ объ изображеніи Страшнаго Суда въ первохристіанскую эпоху.

Въ третьей главѣ (82—217) находится характеристика изображенія Страшнаго Суда въ періодъ господства византійскаго стиля въ христіанскомъ искусствѣ.

Въ четвертой главѣ (218—281) авторъ характеризуетъ изображеніе Страшнаго Суда въ русскомъ искусствѣ.

Въ заключеніи (282—289) г. Соколовъ кратко говоритъ объ изображеніи Страшнаго Суда на западѣ.

Общее впечатлѣніе отъ настоящей работы г. Соколова—то, что онъ не справился съ своей темой и не выполнилъ своего намѣренія—„подробно изложить историческій ходъ образованія картины Страшнаго Суда съ начальныхъ ея зародышей вплоть до того времени, когда картина эта сформировалась въ тотъ самый видъ, въ которомъ мы видимъ ее въ наше время“ (26). И причину этого нужно видѣть въ томъ, что г. Соколовъ не смогъ выйти изъ подъ вліянія статьи проф. Н. В. Покровскаго—„Страшный Судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства“ (Труды VI археол. съѣзда въ Одессѣ 1884 г. III томъ, Одесса 1887 г.). Можно сказать, что онъ повторилъ сказанное Н. В. Покровскимъ, добавивъ очень немногое. И рецензентъ совершенно недоумѣваетъ, зачѣмъ на стр. III—XIV авторъ перечислилъ множество пособій русскихъ и иностранныхъ, хотя изъ работы не видно, чтобы онъ дѣйствительно изучилъ ихъ? Конечно, онъ долженъ былъ имѣть съ ними дѣло, но очень характерно то, что изъ семнадцати указанныхъ имъ сочиненій нѣмецкихъ и одного итальянскаго авторовъ, восемь поцитованы совершенно безграмотно (Dr. Kraus.—„Roma Sotterranea die römischen Katakomben“. Dr. Gass.—„Symbolik der griechischen Kirche“. Kraus.—„Die christliche Kunst ihren frühesten Anfängen. Mit besonderer Berücksichtigung der neuesten“ и т. д. Vass.—„Das jüngste Gericht in der Bildkunst des frühen

Mittes lalters“. Garrucci.—„Storia della arte christiana nei prima atto secoli della“). Это наводитъ на мысль, что или авторъ цитируетъ небрежно изъ чужихъ рукъ, или-же совсѣмъ не знаетъ ни нѣмецкаго, ни итальянскаго языковъ; въ послѣднемъ случаѣ не нужно было-бы указывать такихъ изданій, которыя не могли быть использованы. Къ этому слѣдуетъ добавить, что и самъ авторъ въ *введеніи* (а извѣстно, что „введеніе“ всегда пишется *послѣ!*) подчеркиваетъ независимость своей работы, когда говоритъ, что онъ „во-все не имѣлъ намѣренія всецѣло исчерпать этотъ богатый и многогранный вопросъ... наша задача была значительно скромнѣе, а именно... въ возможной мѣрѣ ознакомиться съ обширнымъ литературнымъ матеріаломъ“, какимъ пользовались Н. В. Покровский, Ф. И. Буслаевъ и Н. П. Кондаковъ при обследованіи настоящей темы (I). Между тѣмъ, г. Соколову нужно было заимствовать у своихъ предшественниковъ только фактическій матеріалъ и дать свою постановку и рѣшеніе настоящаго вопроса.

Во многихъ мѣстахъ своей работы авторъ даетъ читателю нужный матеріалъ, подробно знакомить съ нимъ, но... вывода не дѣлаетъ самъ. Такъ, напр., на стр. 29—74 передается содержаніе книги Чистовича для нужной автору характеристики ученій древнихъ о загробномъ существованіи. И, однако, опредѣленныхъ выводовъ читатель не находитъ: г. Соколовъ оставляетъ безъ отвѣта вопросъ,—отразились-ли эти вѣрованія древнихъ въ ихъ изобразительномъ искусствѣ, и въ какомъ отношеніи къ этому послѣднему въ данномъ отношеніи находились древне-христіанскія изображенія? Въ такомъ-же точно положеніи находится вопросъ о „житіи Василя Новаго“. Автора вообще интересовало вліяніе народнаго творчества на развитіе изображенія Страшнаго Суда. Онъ видѣлъ здѣсь прямую связь. Вѣрное чутье подсказало ему, что данный апокрифъ также имѣлъ свою долю участія въ образованіи нѣкоторыхъ подробностей картины. И вотъ, заявивъ на стр. 113, что „видѣніе монаха Григорія было однимъ изъ главныхъ источниковъ для средневѣковыхъ изображеній и поэтическихъ описаній Страшнаго Суда и будущей жизни“, г. Соколовъ почти *сто страницъ* (113—205) посвящаетъ подробному описанію и изложенію содержанія этого „житія“ по одному списку XVШ в. и затѣмъ на

стр. 206 заявляетъ безъ всякихъ доказательствъ, что „житіе Василія Новаго, появившись на свѣтъ въ X столѣтіи, дало превосходный мотивъ для художниковъ“. Въмѣсто такого голословнаго и совсѣмъ неубѣдительнаго замѣчанія, автору слѣдовало-бы развить послѣднее и, путемъ анализа сохранившихся изображеній, иллюстрировать свою мысль. Это сообщило-бы его сочиненію оригинальность, чего нельзя сказать, напр., о четвертой главѣ, гдѣ авторъ самымъ поверхностнымъ образомъ говоритъ о русскихъ элементахъ въ изображеніи Страшнаго Суда (стр. 246 и сл.). Между тѣмъ, несомнѣнно, что у насъ, въ древней и старой Руси, изображеніе это подверглось большимъ переработкамъ, совершенно самостоятельнымъ и независимымъ отъ запада. Такъ, г. Соколовъ не задается вопросомъ и не предлагаетъ его точнаго и научнаго рѣшенія—о появленіи „змія“ въ этомъ изображеніи. Между тѣмъ, очень интересно было-бы прослѣдить постепенное превращеніе „огненной рѣки“ въ „змія“, превращенія, можно думать, стоявшаго подъ вліяніемъ нашего народнаго поэтическаго творчества. Къ такимъ-же элементамъ нужно было-бы отнести также „араповъ“, „жидовъ“ и пр. Матеріаль, нужный для всего этого, былъ подъ руками у автора, но остался совсѣмъ неиспользованнымъ въ нужной мѣрѣ и отношеніи.

Коснемся плана настоящаго сочиненія.

Какъ видно изъ самаго изложенія и изъ заявленія г. Соколова на стр. 27 и сл., ему казался единственно возможнымъ планъ строго-хронологическій. Такъ именно работали и его предшественники. Конечно, для механизма работы—это наиболѣе легкій путь: древне-христіанская, византійская и русская эпохи. Однако, для научнаго генезиса въ собственномъ смыслѣ болѣе продуктивенъ былъ-бы планъ *предметно-историческій*. Нужно было-бы уяснить *основу* изображенія Страшнаго Суда. Затѣмъ, расчленивъ самый сюжетъ на части и уже потомъ давать анализъ историческій каждой части особенно. Въ этомъ случаѣ, для читателя было-бы ясно, откуда появляются и какой имѣютъ смыслъ такіа, напр., детали какъ, „отдача земель и водой мертвецовъ“, появленіе „многоголовыхъ псовъ“ и пр. Тогда автору удалось-бы избѣжать повтореній, общая картина и ходъ образованія ея былъ-бы ясенъ каждому неподготовленному читателю. И интересно,

что самому автору была ясна бóльшая продуктивность такого плана. На стр. 27 онъ заявляетъ, что „всякій изучающій ея (карт. Стр. С.) исторію уже тѣмъ самымъ обязывается насколько возможно детально объяснить составные элементы изучаемой картины и ихъ... происхождение, выяснитъ сначала, такъ сказать, основу“. Въ этомъ случаѣ, все сочиненіе было-бы болѣе опредѣленно и обосновано. Ни одна деталь изображенія не ускользнула-бы отъ вниманія автора,—для него была-бы ясна самая суть изображенія, и онъ не заполнилъ-бы многихъ страницъ ненужными справками, разъясненіями и пр. (*предислов.* стр. 1—25; *вся первая глава*—стр. 29—74 и пр.). На самомъ дѣлѣ, авторъ останавливается подробно (стр. 29—74) на религіозно-философскихъ ученіяхъ древнихъ о загробной участи, но ограничиваетъ одной страницей (77) свою рѣчь о древне-христіанскомъ изображеніи Страшнаго Суда (саркофагъ Роллера III вѣка)! Надо было самымъ внимательнымъ образомъ остановиться на катакомбной живописи первыхъ трехъ вѣковъ, которая показываетъ очень ясно, какъ первохристіанскіе художники иллюстрировали приточную и прямую рѣчь Спасителя о будущемъ мірѣ и Судѣ. Тогда было-бы видно, насколько самостоятельной представляется эта иллюстрація сюжета. И только послѣ подобнаго экскурса можно было-бы перейти къ равеннскимъ мозаикамъ, и не смѣшивать то и другое въ одно (стр. 79); наивное символическое искусство римскихъ катакомбъ и созрѣвающее—равеннскихъ памятниковъ, это вѣтви различныя: въ катакомбной живописи мы еще не видимъ восточнаго, въ собственномъ смыслѣ, элемента. И автору нужно было это подчеркнуть при анализѣ отдѣльныхъ моментовъ воскресенія и суда.

Къ подобнаго рода недостаткамъ нужно отнести также опущеніе г. Соколовымъ анализа твореній св. Ефрема Сирина, въ которыхъ онъ далъ *наиболѣе полное* толкованіе и раскрытіе эсхатологическихъ темъ Св. Писанія. Авторъ совершенно неосновательно бросаетъ замѣчаніе, что св. Ефремъ Сирийъ „новаго неизвѣстнаго въ Священномъ Писаніи... всетаки не далъ“ (стр. 85). Вліяніе его на композицію Страшнаго Суда современныхъ художественныхъ творцевъ очевидно. Для этого достаточно было-бы сравнить детали *современныхъ* изображеній съ поэтическими описаніями св.

Ефрема Сирина. И г. Соколовъ долженъ знать, что даже западные изслѣдователи учитываютъ вліяніе св. Ефрема въ данномъ отношеніи. И несомнѣнно, что при анализѣ твореній св. Отца авторъ оказался-бы въ состояніи болѣе определенно выяснитъ образованіе византійской формы изображенія Страшнаго Суда (ср. стр. 90 сл.), чего нельзя сказать о главѣ *третьей*. Византія наиболѣе *полно* иллюстрировала антиципаціи Св. Писанія и толкованія свв. отцевъ относительно будущей судьбы человѣчества. Эта данная художественная схема сдѣлалась на всѣ вѣка какъ-бы нормой, которая разнообразилась только въ *деталяхъ*. Православное восточное искусство приняло эту форму. Приняла на первыхъ порахъ и западная церковь (Микель-Анджело), однако должна была скоро отвергнуть ее, потому что эта форма въ корнѣ расходилась съ эсхатологической догматикой католичества. И въ настоящее время католическое церковное искусство не культивируетъ изображенія Страшнаго Суда. На этомъ интересномъ фактѣ г. Соколову нужно-бы остановитъ свое вниманіе, такъ-какъ онъ помогъ-бы ему при выясненіи самостоятельнаго развитія темы Страшнаго Суда въ русскомъ церковномъ искусствѣ.

Останавливаясь на самомъ изложеніи, рецензентъ долженъ сказать, что г. Соколовъ представилъ сочиненіе въ плохо обработанномъ видѣ. Невыработанная рѣчь, многочисленныя ошибки на каждой страницѣ производятъ очень непріятное впечатлѣніе. Каждый авторъ долженъ ревниво относиться даже къ внѣшней сторонѣ своей литературной работы и считаться съ упреками въ неряшливости. И рецензентъ не понимаетъ, какъ г. Соколовъ могъ при томъ „глубокомъ интересѣ“ (I), съ какимъ онъ работалъ надъ темой, представить въ такой небрежной формѣ свой трудъ?

Въ заключеніе рецензентъ обращаетъ вниманіе на одно замѣчаніе г. Соколова. На стр. 28 читаемъ: „приступая къ изложенію данной темы, долгомъ своимъ считаемъ предупредить благосклоннаго читателя, что въ вышеизложенномъ объемѣ написать работу требуется продолжительная подготовка въ этой специальной области“. Такіе камешки по адресу автора темы неосновательны. Г. Соколовъ долженъ знать, что каждый авторъ темы знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и что никакихъ особенныхъ познаній въ данномъ случаѣ не

требовалось, хотя отъ г. Соколова, какъ слушателя Археологическаго Института, и можно-бы требовать больше, чѣмъ отъ совсѣмъ неподготовленнаго воспитанника Высшей Богословской Школы. Имѣя это въ виду, рецензентъ предлагалъ г. Соколову обслѣдовать въ предѣлахъ данной темы одну интереснѣйшую картину Страшнаго Суда XV—XVI вв., бывшую на выставкѣ прошлаго года Московскаго Археологическаго Института. Эта новая компановка сюжета темы представляла интересъ еще и потому, что она была открыта подъ наслоеніями поздними, такъ-что *знакомому съ исторіей русскаго искусства* было интересно анализировать данную компановку. Однако авторъ совершенно обошелъ ее молчаніемъ и предпочелъ дать повтореніе уже извѣстнаго.

Не лишена работа г. Соколова и достоинствъ.

Авторъ совершенно вѣрно видѣлъ вліяніе народнаго творчества на развитіе нѣкоторыхъ иконографическихъ темъ и не ограничился въ данномъ случаѣ уже извѣстнымъ матеріаломъ, а знакомить читателя съ неизвѣстнымъ дотолѣ спискомъ „житія Василія Новаго“, интереснаго по своимъ миниатюрамъ. Видно, что авторъ умѣетъ и любитъ работать съ подобнымъ матеріаломъ.

Не менѣе цѣнна постановка вопроса о древне-христианскомъ изображеніи Страшнаго Суда. Г. Соколовъ пытается показать, что еще античная философія имѣла дѣло съ загробной участью человѣка. Онъ приводитъ ученія философовъ, нѣкоторыя религіозно-поэтическія сказанія и этимъ путемъ дѣлаетъ интересной свою работу. Если-бы онъ сумѣлъ еще показать отраженіе этихъ идей и антиципацій въ монументальномъ искусствѣ, онъ сдѣлалъ-бы положительное приобрѣтеніе для науки. Но нужно сказать, что эта задача очень трудная, которая требуетъ не одного учебнаго года, хорошаго знанія древнихъ языковъ и *спеціального* изученія, напр., помпейскихъ древностей. Конечно, это не по силамъ начинающему работнику. Онъ подготовилъ почву, и теперь могъ-бы заняться обслѣдованіемъ даннаго вопроса въ указанномъ направленіи.

Къ чести г. Соколова нужно указать, что онъ собралъ громадную литературу по своему вопросу и этимъ обезпечилъ трудъ своего преемника.

Главнымъ-же достоинствомъ настоящей работы г. Соколова

слѣдуетъ считать то, что онъ *работалъ самъ, лично, безъ всякой помощи и какихъ-бы то ни было указаній со стороны рецензента*. Этимъ искупаются всё недостатки настоящаго сочиненія, и рецензентъ съ полнымъ правомъ признаетъ г. Соколова заслуживающимъ искомой степени кандидата богословія“.

б) Ординарнаго профессора А. И. Алмазова:

„По своей сложности изображеніе „Страшнаго Суда“, можно сказать,—исключительный сюжетъ въ области христіанской иконографіи. Связанное съ представленіемъ о концѣ видимаго міра, воплощающее идею о загробномъ воздаяніи людямъ за ихъ благія и злыя дѣянія на всемъ историческомъ пути человѣчества, соединенное съ представленіемъ о Спасителѣ, уже какъ Судіи человѣческихъ чувствъ, помышлений и дѣлъ и, наконецъ, предполагающее своимъ содержаніемъ глубокое воспитательное значеніе христіанскаго искусства,—это изображеніе предъявляетъ къ его исполнителю требованіе—незаурядной энергіи, обширныхъ церковно-историческихъ знаній и глубокаго пониманія человѣческой психологіи въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ.—При такомъ значеніи иконографіи Страшнаго Суда посвященное ей историческое изслѣдованіе, хотя бы только и въ ограниченныхъ цѣляхъ, несомнѣнно должно представлять и особый интересъ для читателя и благодарную тему для автора.

И судя по начальнымъ строкамъ настоящаго труда, авторъ не чуждъ былъ и глубокаго интереса и должной энергіи къ выполненію предпринятой теперь имъ задачи. — Результаты этихъ энергіи и интереса, однако, въ значительной мѣрѣ не оправдываютъ соответствующихъ ожиданій читателя.

Прежде всего, такъ это есть съ чисто внѣшней стороны сочиненія г. Соколова,—со стороны изложенія. У автора постоянно наблюдается отсутствіе навыка къ литературному изложенію. Помимо же того, онъ заурядъ выражается такъ, что иногда нѣтъ возможности уразумѣть смыслъ его рѣчи. — Одновременно съ тѣмъ, нерѣдко даютъ о себѣ знать и грѣхи грамотности. Допуская, что въ послѣднемъ отношеніи кое-что обязано своею наличностью собственно переписчику, все-таки

нужно сказать, что мало мальски внимательное наблюдение автора должной обработки вѣдшей стороны своего труда требовало отъ него здѣсь многихъ поправокъ.

По содержанію все сочиненіе г. Соколова распредѣляется такъ: введеііе, предисловіе, четыре главы самаго историческаго изслѣдованія и, наконецъ, заключеніе.

Введеніе правильнѣе бы назвать предисловіемъ, а предисловіе—введеніемъ.—Введеніе посвящено собственно перечню той литературы, какою авторъ пользовался для настоящей цѣли. Здѣсь, кромѣ непосредственно отвѣчающихъ задачъ автора трудовъ Ѳ. И. Буслаева и Н. П. Покровскаго имъ исчисляется до 108 русскихъ отдѣльныхъ изданій и статей и 17 трудовъ на иностранныхъ языкахъ. Не ограничиваясь этимъ, г. Соколовъ отмѣчаетъ еще 8 періодическихъ изданій, иногда въ значительномъ числѣ томовъ, какъ пособій же для его работы.—Наконецъ, отмѣчаются имъ и первоисточники въ количествѣ четырехъ рукописей.

Хотя предварительно перечня авторъ и говоритъ, что въ немъ отмѣчаются труды, которыми онъ „пользовался“, однако въ заключеніи своего введенія онъ выражаетъ сожалѣніе, что „всего просмотрѣннаго имъ огромнаго литературнаго матеріала ему не удалось использовать въ должной мѣрѣ для его работы“ (стр. XIV). Мы не впадемъ въ погрѣшность, если скажемъ, что для читателя болѣе чѣмъ затруднительно согласиться даже только съ тѣмъ, чтобы признать несомнительнымъ примѣненіе къ дѣлу хотя бы и вообще замѣтной части изъ всѣхъ обозначенныхъ въ перечнѣ трудовъ. Весь трудъ автора въ сущности дѣла есть результатъ компилятивнаго свойства, очень и очень ограниченнаго числа готовыхъ для его сообщеній трудовъ.—Что касается до частныхъ того же введенія, то онѣ даютъ поводъ къ двумъ замѣчаніямъ. 1) Внесеніе въ перечень пособій и періодическихъ изданій, съ обозначеніемъ только годовъ и томовъ этихъ изданій, но безъ отмѣтки самыхъ статей (и ихъ авторовъ),—пріемъ, который во всякомъ случаѣ не можетъ быть одобренъ и не можетъ быть названъ цѣлесообразнымъ. 2) Въ концѣ введенія авторъ говоритъ о сопровожденіи своего изслѣдованія „рядомъ“ снимковъ съ 4-хъ лицевыхъ рукописей Имп. Историческаго Музея. Въ дѣйствительности ихъ нѣтъ ни одного,

и авторъ приложилъ только 2 снимка съ извѣстныхъ изображеній Микель-Анджело и Васнецова.

„Предисловіе“ г. Соколова (на стр. 1—29) содержитъ: „общее понятіе объ искусствѣ; вліяніе искусства на человека; внутреннее достоинство произведеній искусства; сравнительная оцѣнка свѣтскаго и духовнаго (?) искусства; преобладаніе послѣдняго по внутреннему достоинству; краткій очеркъ исторіи христ. искусства; указаніе главнѣйшихъ пунктовъ работы автора и ея основныхъ задачъ“; наконецъ, „міровое значеніе эсхатологическихъ вопросовъ и единственно возможное рѣшеніе ихъ въ христіанствѣ“. Едва-ли нужно разъяснять, что только два послѣднихъ пункта (и то въ обратномъ ихъ порядкѣ) могутъ имѣть или даже имѣютъ значеніе для цѣли автора. Что же касается всѣхъ прочихъ, то, особенно въ виду спеціальнаго характера темы, всѣ разсужденія по нимъ составляютъ напрасное усложненіе работы автора; исключеніе можетъ относиться развѣ къ основнымъ положеніямъ изъ исторіи христіанскаго искусства.—Будучи по преимуществу излишествомъ, настоящее предисловіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязано своею наличностью существованію готовыхъ пособій по всѣмъ существеннымъ его вопросамъ, именно трудамъ А. Ф. Фрикена—„Римскія катакомбы и памятники др.-христ. искусства“ и Н. П. Кондакова—„Византійскія церкви и памятники Константинополя“.

Первая глава посвящена обзору религіозно-философскаго языческаго ученія о послѣдней судьбѣ міра и о томъ, что изъ этого ученія унаслѣдовало христіанство и какъ оно преобразовало языческія представленія. — Ясно, что эта глава должна быть собственно введеніемъ къ самому изслѣдованію иконографіи Страшнаго Суда и что она не составляетъ еще какой либо части самой исторіи этой иконографіи.—По своему источному началу и эта часть труда автора всецѣло воспроизведеніе готоваго матеріала: въ касающемся греческой религіи и философіи (стр. 27—55) *исключительно* изъ труда Чистовича,—въ относящемся до восточныхъ религій—изъ труда („Изъ чтеній о религіи“) проф. С. С. Глаголева (стр. 56 и слѣд.) и по адресу христіанства—изъ труда С. Савицскаго („Эсхатологическая бесѣда Христа Спасителя“) (стр. 61 и слѣд.).

Только вторая глава вводит читателя въ самую исторію иконографіи Страшнаго Суда. Въ ней говорится пока о судьбѣ изслѣдуемаго изображенія въ періодъ господства классическаго символизма въ христіанскомъ искусствѣ (стр. 74—82). Скудность относящихся сюда памятниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и незначительность по предмету этой главы литературы невольно обуславливаютъ собою скромный ея объемъ. Автору на этотъ разъ могли доставить матеріалъ только труды Н. П. Покровскаго—„Страшный Судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства“ и Рѣдина—„Мозаика Равеннскихъ церквей“.

Наиболѣе пространною является глава третья. Такая пространный, однако, не сопровождается систематическою цѣльностью содержанія. Глава трактуетъ объ иконографіи Страшнаго Суда въ періодъ господства византійскаго стиля. Соответственно такой задачѣ авторъ и говоритъ здѣсь вообще объ образованіи указываемаго стиля и затѣмъ о вліяніи его на изслѣдуемую иконографію (стр. 82—94). Главнымъ же образомъ имъ удѣляется въ данномъ случаѣ вниманіе вліянію духовной литературы и именно житія Василія Новаго съ принесенными въ него описаніемъ мытарствъ и видѣніемъ Страшнаго Суда мнихомъ Григоріемъ (стр. 95—113). Для иллюстраціи этого вліянія имъ дается весьма подробное описаніе 100 изображеній въ лицевомъ спискѣ житія Василія, чѣмъ и заполнены страницы 113—205.—Къ этому описанію присоединены еще свѣдѣнія, въ хронологическомъ порядкѣ, о нѣкоторыхъ памятникахъ изображенія Страшнаго Суда за тотъ же періодъ, включая сюда и изображенія въ миниатюрахъ.

Общія сужденія автора и въ настоящемъ случаѣ извлекаются изъ извѣстныхъ уже намъ работъ Н. П. Покровскаго (стр. 84—89; 94—101), Кондакова и Рѣдина, съ пользованіемъ отчасти изслѣдованіемъ Ѡ. И. Буслаева.—Книга Н. П. Покровскаго, сверхъ того, единственный источникъ и для сообщеній автора (на стр. 206—213) о помянутыхъ нѣкоторыхъ изображеніяхъ Страшнаго Суда за данный періодъ.—Самостоятельнымъ трудомъ г. Соколова является здѣсь только отмѣченное описаніе изображеній въ лицевомъ спискѣ житія Василія Новаго. Оно исполнено съ такою тщатель-

ностью и детальностью, какъ будто авторъ имѣеть нарочитую задачу, безотносительно къ его темѣ, описать настоящій памятникъ. Отсюда въ немъ обиліе излишнихъ, постороннихъ для цѣли сочиненія, подробностей. Съ другой стороны, при всей такой детальности авторъ ограничивается здѣсь передачею исключительно внѣшней стороны изображеній; внутренняя, идейная сторона имъ почти не затрогивается. Къ описанію придано нѣкоторое заключеніе (стр. 205—206). Оно въ общихъ фразахъ касается не столько исторической судьбы обозрѣваемаго изображенія, сколько вообще византійскаго искусства.

Въ IV-й главѣ рѣчь объ изображеніи Страшнаго Суда въ русскомъ искусствѣ. Здѣсь, послѣ очерка языческихъ представленій древнихъ русскихъ о загробномъ мірѣ и о слѣдахъ этихъ представленій въ иконографіи Страшнаго Суда излагается историческій очеркъ изслѣдуемаго изображенія у насъ—а) въ періодъ византійско-русскій и б) въ періодъ національно-русскій. Особенное вниманіе,—что нужно отмѣтить,—удѣляется первому очерку (стр. 218—245), при чемъ не замѣчается, что, напр., рѣчь касательно народныхъ представленій о загробной участи челоуѣка (стр. 236—245), по крайней мѣрѣ со стороны деталей, далека отъ непосредственной задачи автора. Самое историческое обозрѣніе изображенія излагается по книгѣ Н. П. Покровскаго. По руководству его же г. Соколовъ, для характеристики изображенія у насъ Страшнаго Суда, описываетъ и соответствующую народную картину въ собраніи Ровинскаго (стр. 246).

Ученый трудъ Н. П. Покровскаго, наконецъ, единственный источникъ и для „заключенія“ изслѣдованія. Это „заключеніе“, однако, совершенно не представляетъ чего-либо подобнаго, т.-е. ни мало не представляетъ свода добытыхъ авторомъ результатовъ своего изслѣдованія. Оно въ сущности дѣла есть еще одна—дополнительная—глава изслѣдованія, обнимающая—„краткій очеркъ состоянія иконографическаго изображенія Страшнаго Суда на Западѣ“ (стр. 282—289).

Благодаря отсутствію указываемаго теперь общаго заключенія, а равнымъ образомъ благодаря отсутствію же заключительныхъ обобщеній при каждой главѣ и сверхъ того при

внесеніи значительнаго ряда страницъ и частныхъ, побочныхъ для задачи автора,—въ итогѣ получается: читатель не выноситъ изъ сочиненія г. Соколова яснаго и отчетливаго представленія объ историческомъ развитіи иконографіи Страшнаго Суда.—Вмѣстѣ съ тѣмъ, сосредоточивъ свое вниманіе главнымъ образомъ на внѣшней сторонѣ изслѣдуемаго изображенія, — авторъ не освѣтилъ въ спеціальной рѣчи,—ни въ цѣломъ, ни въ отдѣльныхъ составныхъ элементахъ,—идейной, внутренней стороны того же изображенія.—Между прочимъ, существенный пробѣлъ составляетъ и то, что авторъ не посвятилъ сколько-нибудь страницъ характеристикѣ того, въ какомъ соотношеніи установившееся въ концѣ концовъ изображеніе Страшнаго Суда къ относящимся до этого Суда мѣстамъ Писанія.

Нужно, однако, сказать: 1) авторъ не мало потрудился по отысканію и изученію матеріаловъ, отвѣчающихъ его задачѣ, и можно думать, проявилъ въ этомъ направленіи большую самодѣятельность; 2) судя по III-й главѣ изслѣдованія, авторъ умѣетъ работать и по сырымъ матеріаламъ, и въ настоящемъ сочиненіи при такой работѣ, по крайней мѣрѣ съ описательной стороны, проявилъ большую внимательность и желательную точность; 3) наконецъ, отмѣченные недостатки сочиненія въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ излишне широкой постановки авторомъ задачи своего изслѣдованія.—Принимая все это во вниманіе, сочиненіе г. Соколова можно признать удовлетворительнымъ для удостоенія автора степени кандидата богословія“.

43) О сочиненіи студента *Соколова Михаила (Моск.)* на тему: „Анализъ еврейскаго текста книгъ Бытія и Исходъ въ мѣстахъ, имѣющихъ своимъ предметомъ содержаніе ветхозавѣтныхъ Богоявленій“.

а) Экстраординарнаго профессора священника *Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе г. Соколова состоитъ изъ введенія и двухъ частей, причемъ въ первой дается анализъ подлежащихъ мѣстъ книги Бытія, а во второй—соотвѣтственныхъ мѣстъ книги Исходъ. Въ виду особаго характера сочиненія введеніе имѣетъ здѣсь большее значеніе, чѣмъ обычно: мы разумѣемъ тѣ объясненія, какія даетъ нашъ авторъ своему

отбору мѣсть для грамматико-стилистическаго анализа. Евреи считаютъ всю тору Богооткровеніемъ и, дѣйствительно, въ ея законодательной части преобладаетъ формула: и сказалъ Богъ. Если держаться такихъ воззрѣній, то писавшему о ветхозавѣтныхъ теофаніяхъ по Пятокнижію приходилось бы комментировать священный текстъ *in serie continua*. Однако нашъ авторъ излагаетъ взглядъ Іоанна Златоуста, по которому первую во времени теофанію было общеніе Бога съ Авраамомъ (*δφθη*), и мнѣніе митрополита Филарета, различающаго Богооткровенія въ голосѣ отъ Богоявленій, когда обнаруживается какъ-бы пространственное общеніе между Богомъ и человѣкомъ. Приведенныя авторитетныя данныя понудили г. Соколова остановиться на такомъ выборѣ мѣсть для толкованія: къ тѣмъ отдѣламъ священнаго текста, гдѣ вполне ясно или легко подразумевается Богоявленіе, онъ присоединилъ откровенія, начинающіяся словами: „и сказалъ Богъ“, но только въ такихъ случаяхъ, гдѣ слова сопровождались какимъ либо виѣшнимъ знакомъ, напр. слова Бога къ Каину, которымъ сопутствовало знаменіе—„отъ“, полученное Каиномъ, или обѣтованія Бога Ною, въ подтвержденіе которыхъ была указана радуга. Нарочитаго объясненія требовали такія мѣста, какъ явленіе Ангела Божія Агари или видѣніе небесной лѣстницы Іакову, такъ какъ въ однихъ нужно установить, кого мыслить Бытописатель, какъ Ангела Божія, а въ другихъ, какъ относится видѣніе небесныхъ силъ къ Богоявленію на основѣ наименованія Бога Саваофомъ (евр. воинства). Нашъ авторъ изучалъ эти вопросы, но въ сочиненіи только кратко указываетъ, что въ виду колебанія данныхъ у ученыхъ богослововъ запада касательно личности Ангела Божія, при отнесеніи древними церковными писателями подобныхъ ангелофаній къ числу Богоявленій (Логофаній), равно на основаніи нѣкоторыхъ соображеній изъ контекста подлежащихъ мѣсть онъ вводитъ въ свое поле зрѣнія и такіе спорные тексты, какъ Быт. 32, 2—3.

Методъ своей работы авторъ опредѣляетъ какъ строго-лингвистическій, почему его сочиненіе имѣетъ видъ грамматико-стилистическаго подстрочника къ масоретскому тексту (западныя *preparations*), а отнюдь не комментарий, для составленія котораго въ виду разнообразія и подавляющей численности подлежащей экзегетическоіи литературы требовалось

бы значительно больше времени. Мѣста священнаго текста приводятся г. Соколовымъ въ порядкѣ главъ и стиховъ Библейскаго подлинника, причемъ руководственный характеръ имѣеть для нашего автора сочиненіе профессора Мищенко: „Рѣчи Апостола Петра въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ“, гдѣ также рѣчи Апостола извлечены въ порядкѣ главъ и стиховъ изъ общаго текста, внѣ какой-либо систематизаціи.

Какъ годовой кандидатскій трудъ, рецензируемое сочиненіе болѣе чѣмъ достаточно и безспорно свидѣтельствуетъ что авторъ заботливо изучалъ еврейскій языкъ Библии: имъ серьезно штудированы грамматико-лексикальныя пособія и книги по стилистикѣ, но если въ настоящемъ трудѣ онъ стремился использовать священный текстъ въ задачѣ наилучшаго изученія священнаго языка, лепшѣ кодешъ, какъ говаривали въ позднѣйшую эпоху, то въ дальнѣйшемъ можно посоветовать ему обратный пріемъ: наилучшее использование знаній по еврейскому языку для богословскаго освѣщенія Библейскихъ текстовъ. Не надо забывать, что обильныя примѣры изъ Библейскаго языка приводятся въ каждомъ еврейскомъ синтаксисѣ и стилистикѣ, но все это не дѣлаеть ихъ работами теологическими, что или знаніе еврейскаго языка—*ancilla theologiae* или же одинъ изъ малозначительныхъ кирпичей въ сложной конструкціи семитистической науки. Наилучшія ожиданія въ этомъ направленіи могутъ быть возлагаемы на г. Соколова, какъ работника толковаго и трудолюбиваго, хотя онъ приступилъ къ изученію торы далеко не въ томъ возрастѣ, о какомъ говоритъ Талмудъ устами Иегуды бенъ Тема: Пятилѣтнему пора изучать Писаніе (Пирке Авотъ 5, 21), и, конечно, не съ той настойчивостью, по которой отвлекающійся видомъ дерева, растущаго при его пути, уже наноситъ вредъ Божественному ученію (Пирке Авотъ 3, 7).

Итакъ въ сочиненіи г. Соколова мы имѣемъ толкованіе вербальнаго смысла разрывнаго еврейскаго текста Библии.

Для читателя было бы, кажется, желательнымъ, чтобы каждый священный фрагментъ предварялся вступительнымъ замѣчаніемъ и сопровождался небольшимъ экзегетическимъ *exposé*. Иначе эту работу приходится дѣлать самому. Рецензентъ не догадывается, для чего въ стилистическихъ толкованіяхъ всегда приводится греческое начертаніе терминовъ,

даже такихъ общеупотребительныхъ словъ, какъ метафора, метонимія, синекдоха, гипербола и т. п., равно попытки толкованія риторическихъ выраженій излишни. Напрасно впадаетъ нашъ авторъ и въ такой разборъ отдѣльныхъ словъ, какой для экзегета и гебраиста бесполезенъ, и отсылаетъ къ начальнымъ даннымъ (стихіямъ) этимологiи. Свое основное, судя по цитации, пособие, грамматику Гезеніуса нашъ авторъ хорошо использовалъ, только странно, что онъ отождествляетъ поздняго редактора Кауча съ первоначальнымъ писателемъ учебника, почему говоритъ о Гезеніусѣ, согласуящемся съ Драйеромъ. Епэкзегетическія замѣчанія изъ новѣйшаго труда Эрлиха: *Randglossen zur hebräischen Bibel* хорошо изучены и критически изложены, напр. на 36 стр. по поводу Вавилонскаго столпотворенія и смѣшенія языковъ или на 89 стр. по поводу реченія „живое время“, „етъ хайа“. Типичный и едва ли не законодательный для іудейскаго міра комментарій Раши также составлялъ предметъ занятій г. Соколова, умѣло примѣняющаго данныя еврейскаго комментарія къ своей задачѣ—разбору текста. По мѣстамъ говорится и объ экстраординарной пунктуациі, о видѣ буквъ, объ исправленіяхъ книжниковъ (тиккуне соферимъ), о масоретскихъ глоссахъ.

Изъ частныхъ погрѣшностей въ рецензируемой работѣ можно указать на странность ссылки на Гейгера по поводу общеизвѣстной вокализациі тетраграммы (1 стр.). Выписки изъ Авотъ рабби Наѳана приведены безъ перевода, лучше уже тогда было прямо брать русскій текстъ у Переферковича, добавляя еврейскія выраженія подлинника Авотъ (такъ объ именахъ Божіихъ (2 стр.), о синонимахъ слова нахашъ—змѣя (9 стр.). По мѣстамъ желаніе толковать слова ведетъ къ измышленію корней, напр. бегема—крупный скотъ отъ корня багамъ—быть крупнымъ, толстымъ (багемъ?), равно и при наличности корней нельзя игнорировать факта жизни словъ, что уклоняетъ деривацію отъ собственнаго примитивнаго значенія. Текстуально-критическое (*zur Quellenscheidung*) значеніе реченій ялядь и голидь (мнѣніе Кёнига и Гизебрехта о замѣнѣ одного другимъ) недостаточно выяснено, равно по мѣстамъ нѣтъ сводки изысканій разныхъ авторовъ, наприм. это относимо къ написанному объ имени Авраамъ (68 стр.). Этимологическія схемы именъ и реченій затѣняютъ у автора возможный въ стилистическихъ отдѣлахъ психологическій

анализъ понятій, наприм., по поводу слова тешука, опредѣляющаго влеченіе женщины къ мужчинѣ (14 стр.). Археологически цѣнный матеріалъ въ изысканіяхъ нашего автора встрѣчается рѣдко, наприм., при рѣчи о возможномъ значеніи обрѣзанія, по поводу ночнаго событія при путешествіи Моисея въ Египетъ, когда Сепфора обрѣзала своего сына. По мѣстамъ требовалось бы взвѣшивать слова и данныя пособій, таково наприм. отнесеніе гиптаэльнаго причастія митгаллехъ къ слову коль-звукъ у Абень-Езра или разсужденія Дитриха о различіи дамъ и дамимъ—*sanguis* и *sguog*.

Въ концѣ введенія г. Соколовъ не рѣшается отнести къ себѣ слова Азотъ рабби Навана, что у изучающаго тору въ молодости Писаніе исходитъ изъ устъ истолкованнымъ, рецензентъ въ правѣ удостовѣрить, что отчасти это у писавшаго совершилось, а потому его сочиненіе вполнѣ заслуживаетъ кандидатской степени съ похвалою“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Студентъ Соколовъ въ своемъ сочиненіи поставилъ себѣ опредѣленную задачу: дать истолкованіе вербальнаго смысла еврейскаго текста Библии, точнѣе, тѣхъ мѣстъ изъ книги Бытія и Исходъ, гдѣ говорится о ветхозавѣтныхъ Богоявленіяхъ. Такая задача опредѣлила и планъ его работы: онъ выбиралъ изъ кн. Бытія и Исходъ всѣ мѣста, въ которыхъ упоминается о Богоявленіяхъ. При такомъ планѣ работы нашъ авторъ остался строгимъ лингвистомъ, не давшимъ обобщающаго библейско-богословскаго вывода своей работы.

Сосредоточивъ свое вниманіе на анализѣ еврейскаго текста, авторъ заявилъ себя въ этой области зрѣлымъ лингвистомъ и незауряднымъ знатокомъ еврейскаго текста, рѣшившимся даже на самостоятельные экскурсы по части изысканія корней евр. словъ.

Сдѣланный г. Соколовымъ подборъ пособій свидѣтельствуетъ о внимательномъ отношеніи его къ источникамъ. Онъ привлекъ все лучшее изъ огромной западной и русской литературы, справками изъ которой и повѣрялъ свои сужденія и предположенія.

Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ пользовался уже устарѣвшими изданіями. Такъ, напримѣръ, евр. словарь *Gesenius'a* 11-е изданіе 1890 г. онъ могъ бы замѣнить новымъ

15-мъ изданіемъ 1910 г. Рецензентъ не можетъ не пожалѣть также о томъ, что г. Соколовъ не обратилъ надлежащаго вниманія на цѣнныя для него замѣчанія древнихъ авторитетныхъ экзегетовъ, каковъ, напр., блаж. Іеронимъ. Но объ этихъ недочетахъ въ работѣ г. Соколова мы говоримъ не въ цѣляхъ приниженія достоинства ея, а въ видахъ указанія на желательное восполненіе его труда при переработкѣ его для полученія слѣдующей ученой степени.

Въ этихъ же видахъ мы останавливаемъ вниманіе г. Соколова и на содержаніи его сочиненія. Авторъ былъ правъ, взявъ для своей годичной работы одинъ лишь текстъ отдѣльныхъ мѣстъ книги Бытія и Исходъ. Большаго онъ не могъ сдѣлать въ теченіи года. Но при восполненіи своего труда г. Соколовъ обязанъ будетъ сообщить душу своимъ детальнымъ выкладкамъ и сдѣлать общій богословскій выводъ изъ изысканій въ области еврейскаго языка. Но оговариваемся, что это—задача его будущей работы, въ отношеніи къ которой настоящій трудъ является цѣннымъ фундаментомъ.

Высказывая пожеланія относительно восполненія работы г. Соколова, мы считаемъ ее въ настоящемъ видѣ съ избыткомъ удовлетворяющей тѣмъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены къ хорошей кандидатской работѣ“.

44) О сочиненіи студента *Струмѣнскаго Михаила* на тему: „Книжные и литературные интересы въ Троице-Сергіевой Лаврѣ съ древнѣйшихъ временъ до XVII вѣка“.

а) Экстраординарнаго профессора *Н. Л. Туницкаго*:

„Небольшое по объему, но весьма содержательное, сочиненіе г. Струмѣнскаго раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ первая озаглавляется: „Книжные интересы въ Троицкомъ монастырѣ“ (1—178 стрр.), а вторая: „Литературные интересы въ Троице-Сергіевой Лаврѣ“ (179—283). Въ первой части три главы. 1-я изъ нихъ (1—53) посвящена общему обзору рукописей XIV—XVI вв., входившихъ въ составъ обширнаго лаврскаго собранія, а въ настоящее время раздѣленныхъ преимущественно между бібліотеками лавры и Московской академіи. Всего авторомъ принято въ расчетъ 709 номеровъ. Всѣ эти рукописи старательно распределены

по времени написанія—по вѣкамъ, расклассифицированы по содержанию и, на основаніи многочисленныхъ приписокъ, имѣющихся на нихъ и собранныхъ авторомъ, нашли себѣ, подъ его перомъ, освѣщеніе со стороны историческихъ и бытовыхъ условій своего появленія. Разсмотрѣніе приписокъ, въ связи съ другими данными, дало возможность автору весьма успѣшно охарактеризовать обстоятельства древняго книгописанія и вообще книжнаго дѣла въ Троицкой лаврѣ за разсматриваемый періодъ. 2-я глава имѣетъ своимъ предметомъ „южнославянское литературное движеніе и вліяніе его на русскую письменность въ XIV—XV вв. по рукописямъ Троице-Сергіевой Лавры“ (54—137). Въ этой главѣ, на основаніи анализа литературныхъ и историческихъ данныхъ прослѣживается та волна южно-славянскаго книжнаго вліянія, которая двигалась изъ Болгаріи, Сербіи и Аѳона въ Россію и которая даетъ себя знать въ цѣлой серіи лаврскихъ рукописей. Автору удалось здѣсь съ весьма значительнымъ успѣхомъ установить и разсмотрѣть сношенія съ Востокомъ, въ частности—съ Аѳономъ и Константинополемъ, русскихъ книжниковъ, трудившихся въ лаврѣ или вообще имѣвшихъ къ ней отношеніе. Кромѣ того, здѣсь же дается палеографическое и отчасти литературное описаніе около двадцати лаврскихъ и академическихъ рукописей южно-славянскаго происхожденія или отражающихъ на себѣ южно-славянское вліяніе. Нельзя сказать, чтобы это описаніе исчерпывало весь заключающійся въ нихъ матеріалъ, но собранныя авторомъ данныя письма и языка, безусловно, значительно увеличиваютъ сумму фактовъ южно-славянскаго вліянія на русскую письменность, какими въ настоящее время обладаетъ наука. Въ описаніи рукописей г. Струмѣнскаго мы находимъ и цѣнныя поправки къ датировкѣ нѣкоторыхъ ркпп., принятой въ существующихъ печатныхъ описаніяхъ ихъ (напр. ркп. Тр. Лавры № 108), и восполненіе опущенныхъ въ описаніяхъ статей, и цѣлый рядъ дѣльныхъ замѣчаній о литературныхъ свойствахъ различныхъ переводныхъ памятниковъ. 3-я глава (139—178) представляетъ исторію книжной дѣятельности въ лаврѣ и постепеннаго накопленія въ ней книжныхъ богатствъ, начиная со времени преп. Сергія и по XVI вѣкъ включительно. Здѣсь передъ нами проходятъ со своими трудами книжные дѣятели лавры — Исаакъ

Молчальникъ, Аванасій Высоцкій, Епифаній Премудрый, Евсевій—Ефремъ, Пахомій Сербъ и др. 4-я глава, составляющая вторую часть сочиненія (стр. 179—283), посвящена характеристикѣ литературныхъ трудовъ трехъ писателей, дѣятельность которыхъ была тѣсно связана съ лаврой: Епифанія, Пахомія Сербя и Максима Грека. Въ качествѣ приложеній даны: 1) копія съ описи ркп. Троицко-Сергіевской Лавры 1642 г. (1—75 стр.), 2) перечень писцовъ рукописей лаврскаго книгохранилища XIV—XVI вв., при чемъ имена ихъ расположены по вѣкамъ и въ алфавитномъ порядкѣ, съ точнымъ указаніемъ написанныхъ ими ркп. (83—84 стр.), 3) 31 фотографическій снимокъ съ рукописей, рассмотрѣнныхъ авторомъ въ сочиненіи (85—102 стр.).

Ужъ изъ представленной передачи содержанія видно, насколько серьезные вопросы послужили предметомъ сочиненія автора и съ какой тщательностью, добросовѣстностью и разумной планомѣрностью они изучены имъ. Троицкая лавра была однимъ изъ самыхъ видныхъ центровъ книжнаго просвѣщенія въ XIV—XVI вв. въ Россіи, и выяснить исторію книжныхъ и литературныхъ интересовъ, развивавшихся въ лаврѣ, это значитъ внести въ изученіе древне-русской литературы весьма цѣнную и интересную страницу. Эту услугу оказалъ наукѣ г. Струмѣнскій. Разумѣется, въ теченіе одного года его изслѣдованіе не могло достигнуть ни идеальной полноты, ни высшей степени совершенства, потому что ему¹ нужно было пройти черезъ сложную предварительную переработку источниковъ и попутно коснуться очень многихъ вопросовъ, изъ которыхъ, на примѣръ, одинъ вопросъ о литературныхъ трудахъ Максима Грека могъ бы составить предметъ цѣлой монографіи. Но то, что сдѣлано, представляетъ собою и основательный фундаментъ для построенія изслѣдованія на взятую тему, и значительную часть самой постройки. Для своей темы авторъ собралъ обильный матеріалъ, извлеченный имъ главнымъ образомъ изъ неизданныхъ источниковъ и отчасти изъ источниковъ изданныхъ. Онъ много потрудился надъ пересмотромъ и изученіемъ большого количества лаврскихъ, академическихъ и нѣкоторыхъ московскихъ рукописей за интересующій его періодъ, не остановившись передъ затратой времени, труда и даже матеріальныхъ средствъ (на приготовленіе снимковъ съ руко-

писей). Въ особенную заслугу автору надо поставить то, что онъ извлекъ цѣлую массу приписокъ изъ рукописей и, путемъ мозаическаго соединенія ихъ, скрѣпленнаго данными изъ другихъ областей, представилъ если и не цѣлостную картину развитія книжнаго дѣла въ Троицкой лаврѣ, то во всякомъ случаѣ документально намѣтилъ направленіе, объемъ и характеръ книжнаго движенія, вскрылъ болѣе тонкія нити, связывавшія въ XIV—XVI вв. Троицкую лавру съ Аеономъ и южно-славянскими странами; опредѣлили объемъ литературной и переводческой дѣятельности нѣкоторыхъ писателей этого времени и описали цѣлый рядъ рукописей. Слѣдуетъ отмѣтить остроумныя соображенія его о писателяхъ—Аванасіи, Елифаніи Премудромъ, Евсевиі—Ефремѣ. Такимъ обр., и вложенный въ сочиненіе трудъ, и правильные приемы изслѣдованія, и серьезные способы обращенія съ источниками, и, наконецъ основныя, результаты, добытыя имъ, дѣлаютъ сочиненіе г. Струмѣнскаго весьма хорошимъ, значительно возвышающимъ надъ общимъ уровнемъ кандидатскихъ работъ, и внушаютъ рецензенту пожеланіе видѣть это сочиненіе въ печати въ болѣе разработанномъ и расширенномъ видѣ.

Главнымъ недостаткомъ сочиненія мы признаемъ малую разработанность четвертой главы, посвященной литературнымъ трудамъ Елифанія, Пахомія и Максима Грека. Разумѣется, авторъ хорошо сдѣлалъ, что, говоря объ этихъ писателяхъ, предпочелъ сузить свои рамки, чѣмъ сильно расширять ихъ въ ущербъ единству основной идеи сочиненія. Но все же ему слѣдовало бы тщательнѣе изучить литературную дѣятельность Максима Грека, еще мало изслѣдованную, и заняться разысканіемъ его твореній, еще неизданныхъ. Далѣе, нельзя не упрекнуть автора за проявляемое имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ излишнее довѣріе къ ученымъ мнѣніямъ и отступленіе отъ своихъ обычно образцовыхъ критическихъ приемовъ. На стр. 101 онъ приводитъ и, повидимому, принимаетъ мнѣніе, будто м. Кипріану принадлежитъ переводъ сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ Діонисія Ареопагита, отличный отъ перевода, сдѣланнаго Исаіей Сербяниномъ. Это предположеніе требуетъ провѣрки. Въ другомъ мѣстѣ авторъ приводитъ ученое наблюденіе, по которому переводы цѣлаго ряда памятниковъ—Вопросовъ и отвѣтовъ Аванасія къ князю Антиоху, житія Варлаама и

Иосафа, Синайскаго патерика и др.—въ XIV—XV вв. появились въ новыхъ редакціяхъ. Но какъ понимать въ этомъ случаѣ „редакцію“ перевода? Мы думаемъ, что указанныя сочиненія, переведенныя въ древнѣйшую эпоху, въ XIV—XV вв. снова не переводились. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ остановился въ своихъ разысканіяхъ на полпути и не углубилъ ихъ до надлежащей степени. На стр. 123 у него отмѣчены въ лаврск. сборн. № 268 три статьи о Фаворскомъ свѣтѣ (не указанныя въ печатномъ описаніи) и при этомъ замѣчено: „три послѣднія статьи появились гдѣ-нибудь на югѣ“. Но можно было бы найти основанія для болѣе обстоятельнаго приуроченія этихъ статей къ опредѣленной странѣ. На стрр. 80—81 авторъ упоминаетъ о писателѣ Іаковѣ, а на стрр. 144—151 сообщаетъ цѣнныя новыя свѣдѣнія объ Анастасіи. Положительно совѣтуемъ автору собрать всѣ древне-русскія произведенія съ этими именами и подвергнуть ихъ разсмотрѣнію. Такой экскурсъ можетъ быть весьма плодотворнымъ. На стр. 51 отмѣчается тайнопись, которую слѣдовало бы постараться прочитать. Нѣкоторыя положенія автора, имѣющія очень условный характеръ, представлены въ сочиненіи съ слишкомъ ослабленной степенью условности. Такъ, изъ того, что извѣстныя рукописи были въ лаврѣ во время преп. Сергія или послѣ него, авторъ какъ будто съ увѣренностью заключаетъ, что онѣ были и написаны въ лаврѣ. Но онѣ могли быть написаны въ другихъ мѣстахъ и потомъ быть перенесены въ обитель преп. Сергія. Кажется, было бы весьма уместно обратить вниманіе на то, нѣтъ ли въ интересующихъ изслѣдователя рукописяхъ діалектическихъ примѣтъ, которыми бы опредѣлялось хоть предположительно мѣсто ихъ происхожденія. На стр. 152—3 авторъ говоритъ, что сборникъ житій Лаврск. б. № 34 (2030) переписанъ рукою Епифанія, и въ доказательство, кромѣ открытой имъ приписки въ этой ркп., ссылается на сходство почерка ея съ почеркомъ Епифанія. Для большей доказательности слѣдовало дать снимокъ къ этой рукописи, къ чему авторъ прибѣгаетъ въ менѣе нужныхъ случаяхъ. Хорошо было бы иллюстрировать снимкомъ и ту приписку въ лаврскомъ Стихирарѣ № 22 (1999), на основаніи которой автору удалось исправить предложенную въ „Описаніи“ ошибочную дату рукописи (стр. 151—152). Для обозначенія

рукописей слѣдуетъ ставить номера ихъ бібліотечные, а не номера „Описанія“, какъ у автора, или же и тѣ и другіе вмѣстѣ.

Сдѣланныя нами указанія могутъ пригодиться автору, если онъ пожелаетъ и будетъ имѣть возможность продолжать свой талантливый и полезный трудъ.

Сочиненіе г. Струмѣнскаго даетъ ему полное право не только на полученіе степени кандидата богословія, но и на особое вниманіе со стороны Совѣта Академіи“.

б) И. д. доцента *священника* *И. М. Смирнова*:

„Сочиненіе г. Струмѣнскаго.—„Книжные и литературные интересы въ Троице-Сергіевой Лаврѣ съ древнѣйшихъ временъ до XVII столѣтія“—принадлежитъ къ числу такихъ работъ, за которыя въ качествѣ курсовыхъ довольно неохотно берутся г.г. студенты. Весьма малую привлекательность занятіямъ въ области книжныхъ изысканій сообщаетъ необходимость пользоваться не только сырымъ, но существующимъ лишь въ рукописномъ видѣ матеріаломъ. Я не говорю уже о томъ, что для людей спекулятивной складки мышленія самая возможность работы въ предѣлахъ узко-книжной специальности представляется малообъяснимой, безыдейной, мертвой. Нужно обладать и исключительною любовью къ дѣлу и самой рукописной книгѣ, и незауряднымъ терпѣніемъ. чтобы сознательно и смѣло итти туда, гдѣ часто напряженные труды вознаграждаются весьма плачевными результатами, во всякомъ случаѣ далеко не соответствующими потраченнымъ на нихъ усиліямъ (рискуя при всемъ этомъ— въ условіяхъ занятій при нашей Академической, а также и Лаврской бібліотекѣ— собственнымъ здоровьемъ). Оба эти качества въ достаточной мѣрѣ обнаружилъ г. Струмѣнскій въ своей обширной (71 л. сочиненія + 21 л. приложения) работѣ, для выполненія которой ему пришлось просмотрѣть всю Лаврскую бібліотеку за двухвѣковой (XV и XVI вв.) періодъ ея существованія. Авторъ поставилъ себѣ задачей прослѣдить исторію книжныхъ и литературныхъ интересовъ въ Троице-Сергіевой Лаврѣ—съ момента ихъ возникновенія и вплоть до XVII вѣка. Научно обосновать первую часть работы, выясняющую книжно-литературныя связи славянскаго юга съ Лаврою, можно было главнымъ образомъ только на основаніи рукописныхъ источниковъ; между прочимъ—тѣхъ при-

писокъ, записей, замѣтокъ, которыя занесены были современниками въ рукописи, но которыя не были использованы еще въ качествѣ историческаго матеріала. И поставленную задачу можно считать выполненною авторомъ съ явно замѣтнымъ успѣхомъ. Наблюденія г. Струмѣнскаго въ области литературныхъ сношеній сѣверной Руси съ югомъ славянства, добытыя путемъ кропотливыхъ книжныхъ изысканій, настолько цѣнны, что безъ сомнѣнія заставятъ къ нимъ прислушаться. Правда, вторая часть его работы, посвященная литературной дѣятельности Елифанія, Пахомія Сербя и Максима Грека, представлена слабѣе, но ея слабость лишь условная:—достоинство второй части понижается только съ точки зрѣнія новизны матеріала, ибо здѣсь авторъ оперируетъ съ извѣстными уже данными.

Составленная по стройному плану, написанная хорошимъ языкомъ, настоящая работа г. Струмѣнскаго при своихъ бесспорныхъ научныхъ достоинствахъ не только даетъ право ея автору на искомую степень, но и заслуживаетъ всякаго поощренія“.

45) О сочиненіи студента *Тихомирова Константина* на тему: „Руководство къ духовной жизни препп. Варсануфія и Іоанна“, какъ источникъ для науки Пастырскаго Богословія“.

а) И. д. доцента *В. П. Виноградова*:

„Сочиненіе г. Тихомирова представляетъ изъ себя изложеніе воззрѣній „Руководства“ на законы духовной жизни—съ одной стороны и пастырскаго душепопеченія—съ другой. Въ первомъ отношеніи авторъ достаточно обстоятеленъ и даетъ довольно полную систему аскетическихъ воззрѣній „Руководства“. Правда, при построеніи этой системы онъ всецѣло слѣдуетъ плану, данному въ изслѣдованіи проф. С. М. Зорина „Аскетизмъ по православно-христіанскому ученію“, но въ предѣлахъ этого плана авторъ довольно удовлетворительно использовалъ свой источникъ. Во второмъ отношеніи авторъ, не имѣя подобной же руководящей въ методологическомъ смыслѣ книги, оказывается въ затрудненіи использовать свой источникъ съ должной полнотой и научной систематичностью. Г. Тихомировъ не сумѣлъ вполне оцѣнить, съ точки зрѣнія своей темы, наиболѣе важныя

мѣста своего источника, а то, что удалось ему подмѣтить, не сумѣлъ систематизировать.

Но болѣе всего жаль, что авторъ понялъ свою тему одно-сторонне. Ему нужно было не только изложить тѣ воззрѣнія на пастырство, которыя прямо высказываются въ „Руководствѣ“, но, что особенно интересно и цѣнно для пасторолога, выяснить: какъ и какія задачи и законы пастырскаго душепопеченія вытекаютъ изъ тѣхъ законовъ духовной жизни, которыя обстоятельно раскрываются въ „Руководствѣ“. Этой послѣдней стороны дѣла авторъ, къ сожалѣнiю, вовсе не касается.

Для степени кандидата богословія сочиненіе удовлетвори-тельно“.

б) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„По смыслу темы авторъ поименованной работы долженъ быть указать, какую пользу для своего служенія можетъ извлечь пастырь церкви изъ наставленій препп. Варсануфія и Іоанна. Выясненію этого вопроса естественно было пред-послать общія соображенія о значеніи аскетическихъ твореній для науки, которая имѣетъ своимъ предметомъ пастырское служеніе. Въ своемъ предисловіи авторъ и дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній по этому поводу: пастырь прежде всего долженъ сдѣлать себя самого достойнымъ сосудомъ благодати, очистить свою душу отъ грѣха и создать въ себѣ христіанское настроеніе; тогда только опытъ собственной нравственной борьбы можетъ дать ему достаточное пониманіе чужихъ нравственныхъ потребностей и подсказать наиболѣе цѣлесообразныя средства для ихъ удовлетворенія. Но гдѣ же естественноѣ всего искать пастырю руководства для собственнаго очищенія, какъ не въ твореніяхъ христіанскихъ подвижниковъ, поставившихъ его задачей своей жизни? Въ главной части своего сочиненія г. Тихомировъ излагаетъ ученіе препп. Варсануфія и Іоанна о борьбѣ съ грѣховными страстями, о свободѣ воли и о благодати, о грѣхѣхъ и его сущности, о главныхъ грѣховныхъ страстяхъ, о воспитаніи въ себѣ положительнаго христіанскаго настроенія, о вѣрѣ, любви, покаяніи, самоотреченіи и смиреніи и, наконецъ, въ заключеніе излагаетъ ихъ взглядъ на пастыря и задачу его служенія. Изъ этого краткаго обзорѣнія содержанія работы

г. Тихомирова не трудно видѣть ея недостатки. Сюда относится прежде всего схематичность и отвлеченность того матеріала, который извлекается авторомъ изъ его источника. Это—не практическія свѣдѣнія, которыми пастырь могъ бы воспользоваться при извѣстныхъ обстоятельствахъ своей дѣятельности, а скорѣе догматическое ученіе о грѣховности человѣка и о возрожденіи, которое въ той же формѣ можно найти въ сочиненіяхъ и всякаго другого подвижника той же эпохи, и даже въ твореніяхъ церковныхъ писателей, не относящихся къ кругу аскетовъ. Между тѣмъ по признанію самого автора Руководство старцевъ имѣеть цѣлью дать практическія указанія, пригодныя въ опредѣленныхъ случаяхъ и имѣющія въ виду опредѣленные положенія и обстановку. Вотъ эти-то указанія и должны главнымъ образомъ интересовать пастыря. Во-вторыхъ, авторъ совершенно не принимаетъ въ соображеніе различіе условій, въ которыхъ находится, съ одной стороны, подвижникъ-аскетъ, съ другой—подвижникъ-пастырь. Пусть цѣль стремленій того и другого будетъ одна и та же—достиженіе христіанскаго совершенства, но средства, при помощи которыхъ эта цѣль можетъ быть достигнута тѣмъ и другимъ, не всегда тождественны. Аскетъ осуществляетъ свою цѣль путемъ удаленія отъ міра, уединенія, самозаключенности, пастырь—путемъ пребыванія въ мірѣ, неустанной общественной дѣятельности, постояннаго выявленія своего внутренняго христіанскаго настроенія въ словахъ и дѣлахъ. Поэтому руководство для аскета и руководство для пастыря могутъ совпадать лишь отчасти, представляя собою какъ-бы два пересѣкающихся круга. Отсюда автору слѣдовало выдѣлить изъ разсматриваемыхъ имъ аскетическихъ твореній лишь то, что можетъ имѣть прямое и непосредственное приложеніе къ пастырскому служенію. Кромѣ этихъ общихъ недостатковъ необходимо отмѣтить нѣсколько частныхъ ошибокъ. Авторъ рисуетъ идеаль общественной морали слишкомъ односторонне, когда утверждаетъ, что она вовсе не считается съ внутреннимъ настроеніемъ человѣка, а имѣеть въ виду исключительно дѣяніе, оцѣниваемое при томъ же только съ точки зрѣнія пользы для общества (стр. 44—45). Излагая ученіе старцевъ о гордости, авторъ рисуетъ намъ образъ реформатора, для котораго благо общества дорого лишь поскольку

оно соотвѣтствуетъ его идеаламъ и достигается его усиліями (стр. 69—70). Это—несомнѣнная модернизация памятника, такъ какъ гордость въ такой, столь знакомой намъ, формѣ, не была извѣстна древности.

Не смотря на эти недостатки сочиненіе г. Тихомирова имѣетъ извѣстную цѣнность. Авторъ хорошо ознакомился съ важнѣйшими сочиненіями по пастырскому богословію и достаточно изучилъ свой источникъ. Въ виду этого нахожу возможнымъ присудить ему степень кандидата богословія“.

46) О сочиненіи студента *Тихомирова Александра* на тему: „Секуляризация церковныхъ имуществъ въ Россіи“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Нельзя сказать, чтобы авторъ опредѣлялъ свою задачу особенно вразумительно. Разсуждая на стр. 3—4 объ актѣ секуляризации и ставя вопросъ о причинахъ его, онъ между прочимъ пишетъ: „для уясненія причинъ такого разрѣшенія вопроса причинъ секуляризации необходимо возвратиться назадъ ко времени зарожденія и развитія этого вопроса“. Читатель можетъ выразить недоумѣніе, что же такое обозначаетъ этотъ „вопросъ причинъ секуляризации“, ко времени зарожденія котораго надо возвращаться для его уясненія. Не содѣйствуютъ ясности дѣла и тѣ объясненія, которыя авторъ даетъ своему методу. Онъ намѣревается разрѣшать вопросъ о причинахъ секуляризации „путемъ историческаго метода, путемъ постепеннаго анализа историческихъ явленій, результатовъ (?) и слѣдствій (?)“, причемъ оговаривается далѣе въ томъ смыслѣ, что „требуется осторожное отдѣленіе фактовъ, имѣющихъ отношеніе къ нашему вопросу отъ фактовъ общеисторическихъ“. Признаемся, что намъ остается вполне неяснымъ, о какихъ результатахъ и слѣдствіяхъ и въ особенности о какихъ „общеисторическихъ фактахъ“ вѣдетъ авторъ рѣчь.

Вопросъ о секуляризации церковныхъ имѣній въ Россіи не новъ въ нашей исторической литературѣ. Онъ имѣлъ уже своихъ и притомъ очень почтенныхъ изслѣдователей. Намъ кажется, однако, вполне законной попытка пересмотра этого вопроса при помощи новѣйшей литературы по исторіи землевладѣнія и социальнаго строя въ древней Руси, послѣ

трудоу Рождественскаго, Рожкова, Павлова—Сильванскаго и др. Такой пересмотръ и предпринялъ, повидимому, нашъ авторъ. Къ сожалѣнью приемы его нельзя признать удачными. Въ работѣ надъ новѣйшей литературой онъ не проявляетъ ни малѣйшей самостоятельности, никакого критическаго отношенія къ встрѣтившимся въ ней мнѣнiямъ. Вслѣдъ за Рожковымъ онъ повторяетъ его рискованнѣйшее положенiе о томъ, что ростъ церковной земельной собственности и ея паденiе—результаты одной и той же причины—помѣстнаго землевладѣнiя. „Своимъ чрезвычайнымъ ростомъ въ XVI в.“, пишетъ авторъ, „церковный земельный институтъ (?) обязанъ хозяйственнымъ интересамъ страны, развитiю помѣстнаго землевладѣнiя и мобилизаціи земельной собственности; а его паденiе также всецѣло обусловливается тѣми же хозяйственными интересами страны, развитiемъ помѣстнаго землевладѣнiя, мобилизаціей земельной собственности въ связи съ экономическимъ кризисомъ страны и переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному“ (10). Цѣлыя главы: III, IV о запустѣнiи центра благодаря хищническому хозяйству въ помѣстьяхъ и о запустѣнiи монастырскихъ земель благодаря экстенсивному хозяйству и V—переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и его послѣдствiя — представляютъ собою пересказъ книги Рожкова „Сельское хозяйство Московской Руси“ съ прибавленiемъ нѣкоторыхъ страницъ изъ книги Рождественскаго. Къ чему понадобилось такое пересказыванiе извѣстныхъ вещей, если только не къ увеличенiю объема сочиненiя, не понимаемъ. Взгляды Рожкова на значенiе помѣстной системы въ исторiи хозяйства страны нашли себѣ отпоръ въ разборѣ его сочиненiя В. О. Ключевскимъ, въ рецензiи, напечатанной въ отчетахъ о присужденiи уваровскихъ наградъ. Было бы много полезнѣе для автора вмѣсто обширныхъ выписокъ изъ курса Ключевскаго познакомиться съ этой его статьей. Выписыванiе текстовъ изъ вторыхъ рукъ (напр. 125—127 духовное завѣщанiе Д. Г. Плещеева изъ книги Рождественскаго „Служилое землевладѣнiе“) мы считаемъ совершенно излишнимъ приемомъ для того же искусственнаго вздуванiя объема работы и, какъ таковой, осуждаемъ. Главы VI и VII написаны съ большою развязностью тона, но съ недостаточнымъ знанiемъ русскаго синтаксиса и правилъ о зна-

кахъ препинанія (174, 191). Онѣ обѣ отличаются многопредметностью, но въ то же время изложеніе ведется весьма поверхностно. Укажемъ хотя бы на характеристику нравовъ монастырей. Авторъ полагаетъ, кажется, что вмѣсто доказательства достаточно патетическихъ восклицаній и ссылки на тотъ или другой случайно подвернувшійся подъ руку текстъ. Строго говоря, къ дѣлу онѣ переходитъ только въ двухъ послѣднихъ главахъ.

Есть въ работѣ положенія, мало доказанныя и рискованныя, не свидѣтельствующія о большой продуманности. Слова, сказанныя кн. Владиміру св. епископами: „князь, ты поставленъ въ защиту добрыхъ и на казнь злымъ“, вовсе не показываютъ, какъ это утверждаетъ авторъ, стремленія церкви къ единовластію и самодержавію (173). Епископы указывали князю этими словами на обязанности государя, какъ они ихъ понимали. Слишкомъ бездоказательно высказано авторомъ, напр., и такое положеніе, что въ XVI в. духовенство попыталось захватить въ свои руки самодержавную власть и это какъ будто удалось (192). Въ сочиненіи встрѣчаются мѣста, свидѣтельствующія о небрежности работы: (6) „царь Іоаннъ III“, повтореніе однихъ и тѣхъ же цитатъ на стр. 134—135 и на 155. О такой же небрежности свидѣлствуетъ и слогъ, погрѣшности котораго можно было бы исправить при хотя бы бѣгломъ вторичномъ просмотрѣ написанной работы. Вотъ примѣры: (110) „использовали съ надлежащей для себя пользой“, (111) „монастыри... были для него (служилаго класса) и ссудной кассой и банкиромъ и богомольцемъ“, (172) „кромѣ духовнаго единства, кромѣ престижа того князя, гдѣ находится митрополитъ“, (172) „а церковь (имѣнія), разбросанная повсюду со своими имѣніями, слободами, селами и деревнями, объединенная митрополитомъ, тянула къ великому князю“ и т. д.

Все же въ виду обнаруженной авторомъ большой начитанности въ литературѣ предмета я, несмотря на указанные недостатки сочиненія, считаю его заслуживающимъ искомой степени“.

б) И. д. доцента А. М. Туберовскаго:

„Кромѣ перечисленія источниковъ и пособій, оглавленія и четырехъ приложений (XXI), работа г. Тихомірова заключа-

еть въ себѣ девять главъ изслѣдованія (1—277 стр.). Написанная на одну изъ самыхъ живыхъ темъ русской исторіи, она, казалось бы, требовала къ себѣ и особаго отношенія со стороны автора,—отношенія, состоящаго не въ преслѣдованіи лишь исторической точности, но и—всестороннемъ идеологическомъ освѣщеніи процесса. Между тѣмъ, эта сторона авторомъ и упущена изъ вниманія, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи пострадавшей при секуляризаціи церкви. Да и въ отношеніи къ противной сторонѣ авторъ не бросаетъ широкаго философскаго взгляда, не подмѣчаетъ ничего, кромѣ борьбы экономическихъ интересовъ, не улавливаетъ здѣсь никакого симптома болѣе грозной борьбы государства съ церковью вообще. Избѣгая говорить о личностяхъ, авторъ ни однимъ словомъ не обмолвился о такой даже крупной фигурѣ эпохи, какъ Арсеній Маціевичъ...

Изъ мелкихъ недочетовъ работы нужно отмѣтить: путаницу въ пагинаціи, цитаціи, небрежную переписку, своеобразную орфографію, пропуски, недописки, наконецъ, такіе курьезы, какъ „stipendiū“ (по-латыни написанное слово съ русскимъ окончаніемъ—80 стр.).

Впрочемъ, работа составлена обстоятельно и серьезно. Авторомъ использовано много матеріала: по каждому пункту приводятся фактическія данныя. Написана яснымъ, живымъ языкомъ. Производитъ впечатлѣніе цѣлостнаго трактата, одна часть котораго вызываетъ другую. При чтеніи такъ и чувствуется вся историческая неизбѣжность (рано или поздно, но непременно) секуляризаціоннаго акта, что, повидимому, и хотѣлъ главнымъ образомъ сказать авторъ. Однако, имъ отмѣчается и другая сторона этого акта—несоотвѣтствіе результатовъ съ предположеніями и неискренность.

Указанныя достоинства вполнѣ достаточны, по мнѣнію рецензента, для присужденія г. Тихомірову степени кандидата богословія“.

47) О сочиненіи студента *Устинова Павла* на тему: „Нравственныя воззрѣнія Мартина Лютера“.

а) Экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова*:

„Предлагая поименованную тему г. Устинову въ качествѣ темы для его кандидатской работы, рецензентъ ставилъ ему

задачу, вполне осуществимую въ теченіе одного учебнаго года. Имѣлось въ виду, что авторъ, отправляясь въ своей работѣ отъ находящихся въ его распоряженіи специальныхъ изслѣдованій о богословіи Лютера и объ его нравственныхъ воззрѣніяхъ въ частности, и изучивъ, по мѣрѣ своихъ силъ, наиболѣе существенныя для его темы страницы сочиненій самого Лютера, представить болѣе или менѣе полную систему нравственныхъ воззрѣній нѣмецкаго реформатора, а ознакомившись съ основными теченіями религіозно-культурной жизни въ Германіи въ реформаціонную эпоху, выяснитъ взаимоотношеніе въ этикѣ Лютера средневѣковыхъ католическихъ мистическихъ и гуманистическихъ элементовъ. Въ предѣлахъ этой задачи авторъ выполнилъ свою работу съ достаточнымъ успѣхомъ. Обрисовавъ въ 1-й главѣ (18—76 стр.) своего сочиненія, подъ какими историческими вліяніями складывалась богословско-реформаціонная мысль Лютера, г. Устиновъ во 2-й главѣ (77—213 стр.) своей работы подробно характеризуетъ какъ внутреннюю — богословскую сторону нравственнаго идеала Лютера, раскрывая ученіе реформатора о вѣрѣ, какъ активномъ и пассивномъ началѣ духовной жизни христіанина, объ отношеніи къ закону и добрымъ дѣламъ, такъ и ученіе Лютера объ основныхъ внѣшнихъ формахъ нравственно-общественной жизни человека (церковное общество, семья, государство), а въ 3-й главѣ своего сочиненія г. Устиновъ даетъ оцѣнку нравственныхъ воззрѣній Лютера съ исторической, психологической и богословской точекъ зрѣнія. Мысль автора — ясная и отчетливая, мѣстами обнаруживающая незаурядную способность автора къ тонкому богословскому анализу. Изложеніе — сжатое и въ общемъ вполне литературное.

Главнѣйшимъ недостаткомъ работы г. Устинова является крайняя искусственность и шаткость его историческихъ построеній. Авторъ, не удовольствовавшись характеристикой и анализомъ нравственно-богословскихъ воззрѣній Лютера въ ихъ т. с. статическомъ видѣ, или въ ихъ системѣ, захотѣлъ дать „всестороннее“ (16, 33 стр.) ихъ выясненіе, въ ихъ историко-психологическомъ генезисѣ, въ неразрывной связи съ постепеннымъ религіозно-моральнымъ ростомъ личности самого реформатора. Для выполнения такой грандіозной задачи у г. Устинова, естественно, не оказалось соответствующа-

щихъ научныхъ средствъ, и его опытъ историко-психологическаго выясненія нравственныхъ воззрѣній Лютера не только страдаетъ формально-методологическими недостатками, но нерѣдко прямо грѣшитъ противъ той „исторической правды“ о Лютерѣ, возстановить которую, въ противобѣдѣ преобладающему, по заявленію автора, въ нашей богословской литературѣ односторонне-конфессіональному освѣщенію доктрины Лютера (2—6 стр.), ставить своею задачею авторъ (14 стр.). Чтобы съ болѣе или менѣе твердой увѣренностью ставить и разрѣшать такого рода проблему, отъ автора требовалось по возможности близкое и непосредственное знакомство, по крайней мѣрѣ, съ главнѣйшими произведеніями Лютера, и при томъ въ ихъ хронологической послѣдовательности, равно какъ—и съ наиболѣе крупными изслѣдованіями изъ необъятной литературы, посвященной жизни и доктринѣ нѣмецкаго реформатора. Между тѣмъ освѣдомленность г. Устинова какъ въ сочиненіяхъ Лютера, такъ и въ научной литературѣ о немъ,—очень незначительна. Приводимыя авторомъ текстуальныя изъ сочиненій Лютера подтвержденія своихъ тезисовъ относительно того или другого момента религіозно-моральнаго развитія Лютера въ громадномъ большинствѣ случаевъ не добыты авторомъ путемъ непосредственнаго знакомства съ произведеніями нѣмецкаго реформатора, а представляютъ собою рядъ отрывочныхъ выдержекъ, заимствованныхъ авторомъ изъ имѣвшихся въ его рукахъ пособій; отсюда, объективно-фактическая почва для историческихъ построеній г. Устинова оказывается очень шаткой, находится въ прямой зависимости отъ болѣе или менѣе случайнаго подбора выдержекъ и цитатъ въ изученныхъ имъ пособіяхъ. Правда, прежде чѣмъ использовать ту или другую выдержку изъ Лютера, въ качествѣ камешка для своей историко-мозаической работы, авторъ обыкновенно дѣлаетъ справку, къ какому моменту духовной жизни Лютера слѣдуетъ приурочить извѣстное его изреченіе, но и эти его справки, съ формально-методологической точки зрѣнія,—довольно примитивны. Авторъ далеко не всегда знаетъ, въ какомъ контекстѣ извѣстная выдержка изъ Лютера стоитъ въ его сочиненіяхъ, но обыкновенно довольствуется, съ одной стороны, справкой, въ какомъ томѣ Эрлангенскаго изданія сочиненій Лютера находится то про-

изведеніе его, изъ котораго она заимствована, а, съ другой стороны, по указанію Маргаритова („Лютеранское ученіе въ его историческомъ развитіи при жизни М. Лютера. Кишиневъ. 1898 г.) устанавливаетъ, къ какимъ годамъ жизни Лютера относятся сочиненія Лютера, помѣщенные въ томъ или другомъ томѣ ихъ Эрлангенскаго изданія. Въ тѣхъ же нерѣдкихъ случаяхъ, когда авторъ извѣстнаго пособия цитируетъ Лютера не по Эрлангенскому изданію, и не приводитъ заглавій сочиненій Лютера, г. Устиновъ, по собственному его заявленію (50—51 стр.), оказывается не въ состояніи опредѣлить ихъ мѣсто въ богословской системѣ Лютера. Равнымъ образомъ, не отличается широтою и освѣдомленностью автора въ научной литературѣ о Лютерѣ и его доктринахъ. Кромѣ нѣсколькихъ оригинальныхъ и переводныхъ изслѣдованій на русскомъ языкѣ, авторъ по преимуществу использовалъ книжку Luthard'a: *Die Ethik Luthers in ihren Grundzügen*. Lpz. 1867, и нѣкоторые отдѣлы изъ 1-го тома Denifle (*Luther und Luthertum*. Mainz. 1906) и Grisar'a (*Luther*. 2. B. Freiburg. i. B. 1911). Между прочимъ, г. Устинову, заимствовавшему у двухъ послѣднихъ авторовъ матеріалъ для нравственно-отрицательной характеристики Лютера и его ученія, было бы полезно ознакомиться съ протестантской оцѣнкой научныхъ приѣмовъ и аргументаціи новѣйшихъ католическихъ біографовъ Лютера, хотя бы по книгѣ W. Walter'a: *Für Luther wieder Rom. Handbuch d. Apologetik Luthers und d. Reformation den römischen Anklagen gegenüber*. Halle. 1906.

Если формально-методологическая сторона работы г. Устинова не внушаетъ довѣрія къ его опыту историко-психологическаго выясненія нравственной доктрины Лютера, то внимательное разсмотрѣніе самаго содержанія историческихъ построеній г. Устинова вполне убѣждаетъ читателя, что съ этими построеніями автора не все обстоитъ благополучно.

Основная идея, какую проводитъ г. Устиновъ въ своемъ сочиненіи, заключается въ противопоставленіи двухъ моментовъ или періодовъ какъ въ личномъ религіозно-моральномъ развитіи Лютера, такъ и въ развитіи его ученія. Характеризуя нравственную жизнь Лютера за 1-й періодъ его реформаторской дѣятельности, приблизительно до 1527—30 гг. (145 стр.), какъ „побѣду плоти надъ духомъ“ (137 стр.), авторъ утверждаетъ, что въ указанные годы произошелъ „переломъ въ

личной жизни реформатора“ (143 стр.),—слѣдствіемъ какого „перелома“ явился новый періодъ въ его религіозно-моральномъ развитіи, характеризуемый у г. Устинова, какъ „побѣда духа надъ плотію“ (162 стр.). Въ тѣсной связи съ этой духовной эволюціей Лютера стоитъ и видимая противоположность между религіозно-моральными воззрѣніями, высказываемыми имъ въ 1-й и во 2-й періоды своей реформаторской дѣятельности,—и, прежде всего, противоположность между ученіемъ Лютера объ оправдывающей вѣрѣ за отмѣченные періоды. Отличительной чертой доктрины Лютера за 1-й періодъ является ученіе о вѣрѣ, какъ „пассивномъ началѣ“ (171 стр.) въ религіозно-нравственной жизни христіанина,—ученіе о вѣрѣ, „не какъ нравственной силѣ, большей или меньшей энергіи добра, но какъ глубокомъ и утѣшительномъ успокоеніи сердца христіанина, основывающемся на его несомнѣнной увѣренности въ своемъ спасеніи во Христѣ“ (96 стр.), тогда какъ отличительною чертою доктрины Лютера за 2-й періодъ является ученіе о вѣрѣ, какъ „активномъ принципѣ нравственной дѣятельности, — вѣрѣ, связанной съ любовью, несомвѣстимой съ грѣхомъ и проявляющейся въ исполненіи закона и дѣлѣ“ (170 стр.). Если „въ 1-й періодъ своей дѣятельности Лютеръ свелъ сущность оправданія къ одной вѣрѣ, и его заключительнымъ словомъ было: „Намъ ничего не нужно, какъ только слушать и вѣрить въ Иисуса Христа, устроителя нашего блаженства“ (Егл. 7, 238)..., откуда у него вытекала ненужность закона и дѣлѣ, и совмѣстимость вѣры съ грѣховною жизнію“ (153—4 стр.),—то „теперь (въ 1527 г.) проводится мысль, что Евангеліе—не благовѣстіе о туне даруемомъ прощеніи грѣховъ, но оно требуетъ отъ человѣка нѣкоторой активности... „вѣра не пассивное начало, она есть „живая сила, которая дѣлаетъ человѣка совершенно новымъ“ (Егл. 13, 267) (154—5). „Вмѣсто прежняго принципа: „храбро грѣши“, Лютеръ провозглашаетъ теперь новый принципъ: „храбро борись со грѣхомъ“ (161 стр.). Если въ 1-й періодъ „Лютеръ говорилъ, что „не дѣла любви дѣлаютъ меня благочестивымъ, но только вѣра (13, 190)“, то „иначе рассуждаетъ Лютеръ теперь. „Какъ не бываетъ огня безъ жару и дыма, — писалъ онъ въ 1527—28 году—такъ и вѣры безъ любви (27, 196)“ (156—157 стр.). Если „въ 1-й періодъ своей дѣятельности Лютеръ подчер-

киваль необходимость закона и дѣль главнымъ образомъ для стараго (ветхаго?) человѣка до-христіанина (?) или не-христіанина, а христіанинъ провозглашался свободнымъ отъ закона и дѣль“, то „иначе разсуждаетъ Лютеръ теперь. Разъ онъ призналъ вѣру въ христіанинѣ несомвѣстимой съ грѣховной жизнью, онъ принужденъ былъ ограничить и провозглашенную имъ христіанскую свободу отъ закона и дѣль, онъ принужденъ былъ признать необходимость послѣднихъ и для христіанина. Дѣйствительно, въ 1534 г. Лютеръ пишетъ: человѣкъ носить въ себѣ извѣстный дуализмъ (?): онъ является субъектомъ двухъ (?),—онъ новый человѣкъ и содержитъ въ себѣ еще стараго, но это двѣ стороны одного и того же субъекта. Онъ новый человѣкъ по своей личности (?), какъ христіанинъ, но „онъ носить стараго Адама на своей шеѣ“; и вотъ, пока Христіанинъ отъ него не освободится, онъ „будетъ искушаемъ различными грѣшными помыслами и согрѣшать“ (2, 217. Comm. in ep. ad Galat. 3, 16). Но какъ же освободиться? Христіанинъ долженъ исполнять законъ и дѣла. „Христіанство не оставляетъ плоти свободу,—провозглашаетъ теперь Лютеръ (а прежде „храбро грѣши“), это дѣлаютъ только фальшивые христіане“ (15, 411 13. Цит. не вѣрна). Истинный же христіанинъ долженъ бороться съ искушеніями, долженъ „вытѣснять изъ себя стараго Адама“,—на то и даны ему законъ и дѣла. „Надо знать,—подчеркиваетъ теперь Лютеръ,— что ученіе закона не должно быть совершенно уничтожено христіанами, такъ какъ онъ и существуетъ для христіанъ. Послѣдніе живутъ въ плоти и крови, которая движется грѣшными желаніями и поэтому должны пребывать въ ежедневномъ покаяніи (активность!); но чтобы достигнуть этого, они и нуждаются въ проповѣди закона“ (13, 118) (164—165 стр.).“ Такія и подобныя противопоставленія между возрѣніями Лютера въ 1-й и 2-й періоды его реформаторской дѣятельности красною нитью проходятъ чрезъ все сочиненіе г. Устинова.

Несмотря на видимую стройность развиваемой г. Устиновымъ теоріи о 2-хъ противоположныхъ періодахъ въ развитіи религіозно-моральной жизни и ученія Лютера, ее нельзя признать удачной и убѣдительно-обоснованной. Прежде всего, утвержденіе автора о нравственномъ „переломѣ“, пережитомъ Лютеромъ въ 1527—30 гг., является, по меньшей мѣрѣ, ги-

потезой, нуждающейся въ тщательной провѣркѣ. Въ подтвержденіе этого своего тезиса авторъ всецѣло опирается на Бэрда („Реформація 16 в.“ Рус. пер. СПб. 1897), дѣйствительно, объявляющаго эти годы, ознаменованные для Лютера особенно сильными муками религіозныхъ сомнѣній („искушенія діавола“), „поворотнымъ пунктомъ въ жизни Лютера и вмѣстѣ съ тѣмъ въ исторіи реформаціи“ (164 стр.). Всмотриваясь, однако, внимательнѣе въ ходъ разсужденій Бэрда, нельзя не придти къ заключенію, что и Бэрдъ не является надежной опорой для нашего автора. Называя „искушенія“ Лютера въ 1527—30 гг. „поворотнымъ пунктомъ въ жизни“ Лютера, англійскій историкъ имѣетъ въ виду лишь одинъ спеціальнѣйшій пунктъ въ религіозно-моральномъ міровоззрѣніи Лютера,—мучительный для него вопросъ объ отношеніи разума къ Откровенію, „о несомвѣстимости разума съ ортодоксальной религіей“ (Бэрдъ, 163). „Лютеръ воспользовался оружіемъ вѣры для умерщвленія разума, чтобы какъ нибудь не погубить вѣры. И кто можетъ опредѣлить, какъ повліяло бы на реформацію и на послѣдующую судьбу духовной жизни Европы, если бы Лютеръ всталъ во главѣ болѣе прогрессивной, болѣе свободной мысли?... Но Лютеръ сознавалъ, до чего можно дойти при полной свободѣ дѣйствія, и испугался... Онъ всю свою мощь, всю силу своего авторитета употребилъ на подавленіе этой мысли“ (Бэрдъ, 165). Отъ этого, утверждаемаго Бэрдомъ, „поворотнаго пункта“ въ жизни Лютера и вмѣстѣ съ тѣмъ въ исторіи реформаціи—далеко до утверждаемаго г. Устиновымъ „перелома и въ области религіи и въ сферѣ нравственной“ (151 стр.) у Лютера, въ смыслѣ перехода его отъ „побѣды плоти надъ духомъ“ къ „побѣдѣ духа надъ плотію“. Такого перелома въ религіозно-моральной жизни Лютера въ 1527—30 гг. не знаетъ ни одинъ, ни протестантскій, ни католическій, біографъ Лютера.

Что касается тѣхъ текстуальныхъ доказательствъ, которыми г. Устиновъ старается установить глубокую противоположность между религіозно-моральными воззрѣніями Лютера въ 1-й и во 2-й періоды его реформаторской дѣятельности, то ихъ кажущаяся убѣдительность объясняется лишь искусственно-одностороннимъ подборомъ и комментированіемъ соотвѣтствующихъ выдержекъ изъ Лютера у г. Устинова, съ

намѣреннымъ или ненамѣреннымъ замалчиваніемъ тѣхъ утверждений Лютера, которыя не согласуются съ предзанятою теоріей автора. Лучшимъ показателемъ искусственности теоріи автора является тотъ фактъ, что каждому его тезису можно, опираясь на сочиненія Лютера, противопоставить соответствующій антитезисъ. Не входя въ разборъ аргументаціи автора во всемъ ея объемѣ, ограничусь нѣсколькими примѣрами. Искусственнымъ представляется, прежде всего, уже самое противоположеніе понятій о пассивной и активной вѣрѣ, какъ отличительныхъ особенностяхъ доктрины Лютера за 1-й и 2-й періоды ея историческаго развитія. Утверждая, что оправдывающая вѣра въ 1-й періодѣ реформаторской дѣятельности Лютера мыслилась имъ, лишь какъ „убѣжденіе ума“ (169 стр.), какъ „прикосновеніе челоуѣка мыслію къ идеѣ (?) Христа“ (97 стр.), воплнѣ „совмѣстимое съ грѣховной жизнію“ (154),—что лишь въ 1527—30 гг. „въ нее (вѣру) былъ внесенъ (Лютеромъ) нравственный элементъ“ (159), г. Устиновъ, съ одной стороны, встаетъ въ непримиримое противорѣчіе хотя бы съ такими словами Лютера изъ его „Предисловія къ посл. ап. Павла къ Римл.“ (отъ 1522 г.): „вѣра есть божественное дѣло, которое измѣняетъ и возрождаетъ насъ, умерщвляя въ насъ ветхаго челоуѣка; она дѣлаетъ насъ совершенно другими людьми по сердцу, уму, чувству и всѣмъ силамъ... Она—живая, дѣятельная, мощная сила“ и т. д. (Erl. 63, 124 s.). Съ другой стороны, Лютеръ и во 2-й, по дѣленію г. Устинова, періодѣ своей реформаторской дѣятельности ясно училъ о совмѣстимости вѣры съ грѣховной жизнію, напр. въ 1530 г.: „мы говоримъ такъ, что истинные святые должны быть великими грѣшниками... Сами по себѣ и по всѣмъ своимъ дѣламъ они не что иное, какъ грѣшники, и подлежатъ осужденію, но они сдѣлались святыми черезъ чужую святость, именно Иисуса Христа, Который подарилъ ее имъ и сдѣлалъ ее ихъ собственностью черезъ вѣру“ (Erl. 50, 248—49 ss.). Также иллюзорно утвержденіе г. Устинова, что Лютеръ въ 1-й періодѣ своей реформаторской дѣятельности „хотя училъ, что источникомъ добрыхъ дѣлъ является вѣра, но не доказывалъ необходимости послѣднихъ“, объявляя, что, „мы оправдываемся одной только вѣрой, а не черезъ вѣру, оживляемую любовью“, тогда какъ во 2-й періодѣ „Лютеръ разсуждаетъ иначе. „Какъ не бы-

ваеть огня безъ жару и дыма,—пишетъ онъ въ 1527—8 г.,—такъ и вѣры безъ любви“ (156—7 стр.). Съ одной стороны, и въ „1-й періодъ“ Лютеръ рѣшительно училъ о необходимости добрыхъ дѣлъ, отвергая лишь тѣ добрыя дѣла, которыя совершаются „внѣ вѣры“, каковыя дѣла онъ отвергалъ и въ теченіе всей своей реформаторской дѣятельности. Уже въ 1520 г. въ „Проповѣди о добрыхъ дѣлахъ“ Лютеръ жаловался, что *wenn ich den Gläuben so hoch anziehe, und solche ungläubige Werke verwerfe, schuldigen sie mich, ich verbiete gute Werke; so doch ich gerne wollte gute Werke des Gläubens lehren*“ (Erl. 20, 196).

Еще въ 1522 г. Лютеръ училъ, что „невозможно отдѣлять дѣло отъ вѣры, какъ невозможно отдѣлять горѣніе и сверканіе отъ огня“ (Erl. 63, 125). Что касается прословутаго выраженія Лютера въ письмѣ къ Меланхтону: „храбро грѣши“, на которое такъ часто ссылается г. Устиновъ для иллюстраціи нравственныхъ воззрѣній Лютера въ „1-й періодъ“ его реформаторской дѣятельности, то самыя элементарныя требованія научной экзегетики не позволяютъ принимать этихъ словъ Лютера въ ихъ прямомъ значеніи (ср. Walter. Op. cit. 569—573 ss.). Конечно, настаивая на необходимости добрыхъ дѣлъ, какъ непремѣнныхъ спутниковъ и плодовъ оправдывающей вѣры, Лютеръ „не доказывалъ ихъ необходимости“ сотериологической, какъ *causa justificationis*, но такой необходимости Лютеръ не признавалъ за ними и „во 2-й періодъ“, постоянно подчеркивая, что сотериологическое значеніе имѣеть лишь вѣра сама по себѣ, а не какъ *fides, caritate formata*. Знаменитый комментарий Лютера на посланіе ап. Павла къ Галатамъ, въ которомъ такъ ярко выражено Лютеромъ его ученіе объ оправдывающей вѣрѣ, въ полемическомъ отношеніи къ католическому понятію о *fides caritate formata*, написанъ Лютеромъ уже во 2-й, по дѣленію г. Устинова, періодъ его реформаторской дѣятельности. Отмѣчу, наконецъ, искусственность утверждаемаго авторомъ противоположенія и между воззрѣніями Лютера до и послѣ 1527—30 гг. на законъ (Моисея) и его отношеніе къ христіанской свободѣ. Авторъ, какъ мы видѣли, утверждаетъ, что насколько „въ 1-мъ періодѣ“ Лютеръ рѣшительно отвергалъ значеніе Моисея и его закона для христіанъ, объявляя, что „Моисей долженъ считать свое произведеніе (такъ авторъ

переводить: sein Werk üben) внѣ Христа, потому что онъ велъ (=treibe) людей, которые не были христіанами, или старыхъ (?) людей“ (164 стр.), настолько во „2-й періодъ“ своей реформаторской дѣятельности Лютеръ учитъ о необходимости для христіанина, пока онъ живеть „въ плоти и крови“, вести неустанную борьбу съ ветхимъ Адамомъ, подъ руководствомъ закона. Но это подчеркиваемое г. Устиновымъ противоположеніе 2-хъ періодовъ въ ученіи Лютера о законѣ и христіанской свободѣ является опять-таки искусственнымъ, поскольку, съ одной стороны, и „во 2-мъ періодъ“ Лютеръ въ высшей степени энергично высказывался противъ закона, рекомендуя христіанину „гнать какъ можно дальше этого гниваго и косноязычнаго Моисея съ его закономъ“ (Comm. in ep. ad Gal. 118—119 pp.), а съ другой стороны, и въ „1-мъ періодъ“ своей реформаторской дѣятельности Лютеръ училъ, что внутренняя духовная свобода христіанина не исключаетъ для него, какъ „внѣшняго чловѣка“, обязанности повиноваться закону, поститься, бодрствовать, обуздывать свою плоть, поскольку христіанинъ находитъ въ своей плоти духъ непокорности, стремленія къ мірскому и къ удовлетворенію похотей (О свободѣ христ. 1520 г. Egl. 27, 183 s.). Насколько искусственной является аргументація г. Устинова въ пользу предзанятой имъ теоріи о двухъ противоположныхъ періодахъ въ нравственно-религіозномъ развитіи Лютера, особенно ярко выступаетъ въ томъ, что авторъ иногда изъ произведеній Лютера одного и того же времени заимствуетъ выдержки для иллюстраціи возрѣвнїи нѣмецкаго реформатора и за 1-й и за 2-й изъ установленныхъ самимъ авторомъ періодовъ его реформаторскаго ученія. Такъ, напр., на стр. 156-й авторъ, въ подтвержденіе своего взгляда, что Лютеръ въ 1-й періодъ не училъ о необходимости добрыхъ дѣлъ для христіанина, приводитъ слѣдующую выдержку изъ проповѣди Лютера на 8-е воскресенье послѣ Пятидесятницы: „не дѣла любви дѣлають меня благочестивымъ, но только вѣра“ (Egl. 13, 190), а на стр. 165-й для иллюстраціи, какъ „иначе разсуждаетъ Лютеръ теперь“ (т. е. во 2-й періодъ) объ отношеніи христіанина къ закону, приводитъ (уже выписанную нами выше) выдержку изъ „проповѣди Лютера на 5-е воскресенье по Пятидесятницѣ“ (Egl. 13, 118), хотя и та и другая проповѣди, помѣщенные

въ одномъ и томъ же томѣ Эрлангенскаго изданія Лютера, относятся къ одному и тому же времени (1527—28 гг.).— Основная ошибка г. Устинова заключается въ томъ, что онъ, наблюдая видимо противорѣчивыя сужденія Лютера по тѣмъ или другимъ богословскимъ вопросамъ, поставилъ своей цѣлью во что бы то ни стало выяснитъ ихъ, какъ выраженія исторической эволюціи нравственно-богословскихъ воззрѣній нѣмецкаго реформатора, тогда какъ эта видимая противорѣчивость (антиномичность) доктрины Лютера имѣетъ свои корни въ самыхъ принципахъ догматики Лютера и составляетъ самую характерную черту его богословской системы.

Вызываютъ, далѣе, возраженіе и нѣкоторыя сужденія автора относительно того историко-психологическаго процесса, какимъ Лютеръ пришелъ къ своей реформаціонной доктринѣ. Оставляя въ сторонѣ выступающую въ данномъ пунктѣ формальную спутанность мысли автора, пытающагося точно разграничить историческіе факторы происхожденія доктрины Лютера отъ факторовъ психологическихъ и причисляющаго къ первымъ—папскій церковно-политическій абсолютизмъ и католическій номизмъ (24—43 стр.), а ко вторымъ—мистику и гуманизмъ (58—76), отмѣчу странное утвержденіе автора, будто, „ученіе Лютера вытекало прежде всего изъ политическихъ мотивовъ, а не изъ глубины его религіозно-вѣрующей души“,—будто „борьба за независимость нѣмецкаго народа отъ римскаго ига въ государственномъ и церковномъ отношеніяхъ,—вотъ 1-я идея, руководившая Лютеромъ въ дѣлѣ реформаціи“ (31 стр.). Но достаточно хотя поверхностнаго знакомства съ т. н. до-реформаціонными сочиненіями Лютера и его первыми выступленіями на реформаторскомъ поприщѣ, чтобы видѣть всю несостоятельность этого утвержденія автора. На стр. 228—229-й авторъ еще съ большей рѣшительностью повторяетъ это свое сужденіе. „Призывая другихъ къ вѣрѣ въ милосердіе Христа,—пишетъ г. Устиновъ,—въ Его любовь къ грѣшному человѣку, Лютеръ самъ не испыталъ на себѣ всей силы и дѣйственности этой проповѣдуемой имъ вѣры. „Ученіе о душеспасительной вѣрѣ,—скажемъ словами Денифле,—легко пришло ему въ голову, когда онъ въ немъ не нуждался, т. е. во время мира“. Да, когда его внутренній міръ заполняла одна идея—борьба за независимость своего народа отъ Римскаго ига, и Лютеръ

думаль только о средствахъ и оружїяхъ для этой борьбы, но „переживанїя“ вѣры его не занимали. Здѣсь мы еще разъ можемъ убѣдиться въ вѣрности высказаннаго нами положенїя, что ученїе Лютера создавалось, прежде всего, исторически, т. е. что оно вытекало изъ политическихъ мотивовъ, а не изъ глубины его тревожной души“. Такъ авторъ однимъ взмахомъ пера зачеркиваетъ всю исторїю того духовнаго кризиса, какой сдѣлалъ Лютера изъ ревностнаго католическаго монаха непримиримымъ борцомъ противъ католической церкви,—такъ просто и легко разрѣшаетъ тотъ темный вопросъ о психологическихъ причинахъ отпаденїя Лютера отъ католицизма, который за послѣднїе годы служить предметомъ горячихъ пререканїй между католическими и протестантскими историками реформаціи. Дѣлаемая авторомъ ссылка на слова Денифле, или, точнѣе, на слова Лютера, передаваемыя у Денифле,—недоразумѣніе, такъ какъ г. Устиновъ не точно перевелъ ихъ и сдѣлалъ изъ нихъ невѣрный выводъ. Лютеръ пишетъ: *Difficulus haec doctrina retinetur. Dum extra tentationem sumus, videtur esse facilis; sed cum tempus pacis abiit, et sumus positi in cogitationibus irae Dei, tum experimur, quanti negotii sit hoc firmiter credere.* (Op. exeg. 19, 93). Денифле даетъ такой парафразъ этихъ словъ Лютера: *Die Lehre vom alleinseligmachenden Glauben ging ihm leicht ein, wenn er sie nicht brauchte, d. i. „zur Zeit des Friedens“; war aber diese zu Ende, begann die Versuchung, dann besass er nicht das „Erlebnis des Glaubens“, sondern er brachte in Erfahrung, wie schwer es ist, fest zu glauben* (I, 3, 781 s). И слова Лютера и парафразъ ихъ у Денифле, такимъ образомъ, выражаютъ лишь ту общую мысль, что протестантское ученїе объ оправданїи одною вѣрою болѣе легко воспринимается или „вѣруется“ душою человѣка (по Денифле—и самого Лютера) во время спокойствїя совѣсти, чѣмъ въ мучительныя минуты ея страха предъ гнѣвомъ Божиимъ, а г. Устиновъ, переведя слова Денифле *ging ihm leicht ein* словами: „легко пришло ему въ голову“, совершенно невѣрно, вычиталъ въ этихъ словахъ указанїе, какъ возникло ученїе объ оправданїи вѣрою въ душѣ Лютера, и усмотрѣлъ въ нихъ подтвержденїе своей теорїи, что оно было придумано Лютеромъ, какъ удобное оружіе въ борьбѣ съ Римомъ за политическое освобожденїе нѣмецкаго народа.

Наконецъ, слѣдуетъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно богословской оцѣнки г. Устиновымъ нравственныхъ воззрѣній Лютера. Эта оцѣнка грѣшитъ крайне-преувеличенными обвиненіями Лютера въ уклонѣ къ религіи „человѣкобожества“. Отмѣчая, что Лютеръ, какъ моралистъ, является „представителемъ религіознаго индивидуализма“, сторонникомъ „полной автономіи человѣка въ его духовно-нравственной жизни“ (248 стр.), г. Устиновъ утверждаетъ, что „этимъ самымъ ограничивалась абсолютность Божества и человѣкъ ставилъ себя на мѣсто Бога“ (247 стр.). „Лютеръ провозгласилъ:—вѣруй въ то, во что тебѣ хочется вѣрить, а отсюда и—дѣлай то, что тебѣ хочется дѣлать („храбро грѣши!“).. Изъ жизни совершенно вытѣснялось божественное начало“ (248). „Словомъ, что мнѣ кажется святымъ, то и свято—вотъ заключеніе, къ какому пришелъ Лютеръ (индивидуалистъ) въ области нравственности, утративши божественное начало и поставивши человѣка на мѣсто Бога“ (252). „Лютеръ провозгласилъ, что благо личности заключается не въ самоотреченіи, а во всестороннемъ ея развитіи и въ широкомъ пользованіи тѣмъ, что даетъ природа („храбро грѣши“—пользуйся всѣмъ!). И вотъ въ результатѣ и получилось, что внутренній методъ—„обращеніе въ себя и къ себѣ“ незамѣтно для Лютера перешелъ въ ницшеанскій девизъ „слѣдуй за собой“: поскольку „тайна“ Иисуса не была понята, совѣсть человѣческая возведена была въ окончательную рѣшающую силу, въ высшій нравственный авторитетъ“ (244 стр.). Приведенныя сужденія г. Устинова краснорѣчиво говорятъ сами за себя, и нѣтъ надобности выяснять ихъ неприложимость къ „историческому“ Лютеру, съ его бѣльшимъ уклономъ въ морали къ піэтизму, чѣмъ антиномизму. Странно, что авторъ, во „вступленіи“ къ своему сочиненію сурово и даже нѣсколько пристрастно обвиняющій Маргаритова, о. Машиновскаго и др. въ игнорированіи ими „исторической правды“ въ вопросѣ о богословіи Лютера, самъ въ концѣ своего сочиненія забылъ объ элементарныхъ требованіяхъ этой „исторической правды“ и наговорилъ на Лютера много такого, что ему, конечно, и во снѣ не снилось.

Кандидатской степени авторъ заслуживаетъ“.

б) *И. ѓ. доцента А. В. Ремезова:*

„Однимъ изъ наболѣе яркихъ и рѣшительныхъ показате-

лей несостоятельности лютеранскаго ученія объ оправданіи одною вѣрою безъ дѣлъ считается его бесплодность въ нравственномъ отношеніи. Въ полемикѣ противъ него обязательно указывается тотъ будто бы психологически неизбѣжный фактъ, что съ усвоеніемъ этого ученія теряется всякое побужденіе къ нравственной дѣятельности, поскольку человѣкъ въ такомъ случаѣ напередъ сознаетъ себя уже спасеннымъ и святымъ; съ этой стороны даже принято говорить о развращающемъ его вліяніи и объяснять имъ не только современный упадокъ нравственности въ Германіи, но даже и широкое распространеніе тамъ социалистическихъ чаяній. Однако такому возрѣнію противопоставляется другой не менѣе убѣдительный психологическій фактъ, когда человѣкъ самъ стремится оправдать своимъ вѣдшимъ поведеніемъ то, что получилъ вопреки своимъ заслугамъ: такъ неожиданное прощеніе можетъ моментально исправить преступника гораздо радикальнѣй, чѣмъ продолжительное наказаніе; въ этомъ смыслѣ и объявленіе человѣка уже спасеннымъ, глубоко воспринятое его сознаниемъ, — особенно если онъ прежде долго мучился въ стремленіи заслужить спасеніе, — можетъ оказаться для него не менѣе могучимъ нравственнымъ стимуломъ, чѣмъ достиженіе спасенія и осуществленіе нравственнаго совершенства, разсматриваемое въ качествѣ конечной цѣли жизни. Какой характеръ принимаетъ нравственность въ такомъ случаѣ и насколько такая нравственность близка къ подлинно-христіанской нравственности. — рѣшается, понятно, прежде всего чрезъ ближайшее изученіе нравственныхъ возрѣній самого родоначальника лютеранства.

Сочиненіе г. Устинова, посвященное этимъ послѣднимъ, представляетъ собой попытку разрѣшенія этого двойного вопроса, при чемъ результатомъ работы надъ первой половиной его (о характерѣ нравственныхъ возрѣній Лютера являются первыя двѣ главы сочиненія, изъ которыхъ въ одной излагается генезисъ нравственныхъ возрѣній Лютера („Какъ создавалось ученіе Лютера?“ (18—76 стр.), а въ другой разсматриваются эти самыя возрѣнія въ двухъ стадіяхъ ихъ развитія (77—213); разрѣшенію второй половины основнаго вопроса о протестантской морали посвящена въ сочиненіи г. Устинова 3-ья глава: „Оцѣнка нравственныхъ возрѣній

Лютера съ 3-хъ точекъ зрѣнія: исторической, психологической и догматической“ (214—264). Этимъ тремъ главамъ предпосылается предисловіе (1—17), въ которомъ авторъ заявляетъ о намѣреніи отрѣшиться при разсмотрѣніи своего предмета отъ той односторонности и тенденціозности, каковой обычно страдаетъ изображеніе его въ богословскихъ системахъ.

На основаніи такого заявленія читатель въ правѣ ожидать отъ автора по крайней мѣрѣ указанія, въ качествѣ лютеранскаго этического принципа, того естественно-психологическаго стимула, о которомъ мы только что говорили и который, связывая нравственность съ основнымъ догматомъ лютеранства, могъ бы служить ея исключительнымъ основаніемъ. Г. Устиновъ, несмотря на то, что свое изложеніе нравственныхъ воззрѣній Лютера связываетъ съ указаніемъ его ученія объ оправданіи одной вѣрой (92—96) и даже обуславливаетъ первыя послѣднимъ, совсѣмъ не обращается къ этому психологическому звену между ними, такъ что въ концѣ концовъ оказывается принужденнымъ констатировать абсолютную бесплодность для нравственности основнаго лютеранскаго догмата, т. е. то самое, что такъ характерно для конфессіональнаго богословія. Впрочемъ, это упущеніе въ разсматриваемомъ сочиненіи обуславливается не столько недостаточностью матеріальныхъ представленій автора, сколько методомъ его. Г. Устиновъ прямо заявляетъ себя (7—9) противникомъ дедуктивнаго метода въ изложеніи тѣхъ или иныхъ воззрѣній вообще и на протяженіи всего своего сочиненія старается излагать воззрѣнія Лютера, какъ самъ выражается, исторически или, вѣрнѣе, вполне эмпирическимъ методомъ: стремясь быть какъ можно ближе къ самымъ словамъ и фразамъ Лютера, онъ все время скользитъ по поверхности его выраженій и всячески избѣгаетъ какого бы то ни было углубленія своего пониманія ихъ. Само собою разумѣется, что такая сдержанность изложенія прежде всего дѣлаетъ честь автору, какъ начинающему историку, когда такъ трудно бываетъ устоять предъ искушеніями широкаго синтеза и смѣлыхъ отвлеченныхъ гипотезъ. Тѣмъ большее мужество обнаруживаетъ въ авторѣ неуклонное слѣдованіе этимъ положительно-фактическимъ путемъ, что оно принуждало его иной разъ констатировать такіе факты,